

ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ 2
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

Москва. Александровский сад. Могила Неизвестного солдата.

Рисунок В. ПЕРЦОВА.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 44

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

КЛЮЧ К НОМЕРУ

ЭТО КЛЮЧ НЕ ОТ ДВЕРИ, А ОТ КНИЖКИ ЖУРНАЛЬНОЙ. КТО ВОЗЬМЕТ ЕГО В РУКИ — В ПУТЬ ОТПРАВИТСЯ ДАЛЬНИЙ. ДАЛЬНИЙ — ВОСЕМЬ ДЕСЯТКОВ ЛИСТОВ. УЗНАВАТЬ НЕИЗВЕСТНОЕ БУДЬ, ЧИТАТЕЛЬ, ГОТОВ!

● АРКАДИЙ КАМАНИН впервые поднял в воздух свой самолет, когда ему было четырнадцать. В номере фотографии юного летчика и рассказ о его отважной жизни.

● Ребята из книги РОБЕРТА КОЛОТУХИНА уже давно выросли, но как жили они «В ТОМ ГОДУ»—так называется эта повесть,—узнать захватывающе интересно. Страшно за людей из «того года», и хочется им помочь в их борьбе отсюда, из наших лет. Прочтите!

● Прочтите! Прочтите! Прочтите! Стихи КОНСТАНТИНА СИМОНОВА.

● Фантастику в этот раз прислала нам девочка из далекой сибирской деревни. Так вот мы и узнали о людях с планеты Мад...

● Когда поиграть захочется вам — найдите листок, где грохочет ТАМ-ТАМ.

● СМЕХОТРОН в этом номере предстает в новом виде.

● Как всегда, чуть поднимется занавес, на сцене театра «ФОНАРИК» — новая пьеса, и, скажем скромно, не лишенная интереса...

● Любопытнейшие события в «КЛУБЕ ФОРВАРДОВ». Спортивный журналист берет интервью у хоккейной шайбы! СТАРИК ХОТТАБЫЧ осваивает новый для него вид спорта!

● Поищите у нас те страницы, где ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ работают на спицах. А в Агентстве ННН опять масса самых занятных сообщений.

Константин СИМОНОВ.

Рэй БРЭДБЕРИ.

Г. А. ДУБИНСКИЙ в пионерском отряде имени Аркадия Каманина.

Итак, все, что выбрано, собрано нами, В НАРЯДНОЙ ОБЛОЖКЕ ЛЕЖИТ ПЕРЕД ВАМИ.

2

Февраль

Константин ВАНШЕНКИН
Гравюры В. НЕКЛЮДОВА.

Я люблю этот месяц
Буранов и вьюг.
Он, снегами завесясь,
Гуляет вокруг.

Пусть, метельный,
некроткий,
Звенит, как струна,
Этот месяц короткий,
А следом — весна.

Но не дымом жилья,
Не морозным стеклом —
Он мне дорог, друзья,
Двадцать третьим числом.

Разверну календарь
На заветном числе —
Вижу снежную даль
И костры на земле.

Дни проносятся быстро:
То вьюга, то зной.
И приказы министра
Опять предо мной.

Здравствуй, армия
мужества!
Ты душою светла,
Ты основой содружества
В нашу юность вошла.

И поздней мы увидели,
Что в тот памятный час
И солдат и строителей
Ты растила из нас.

И великая стройка
И свет на селе —
Все возможно, поскольку
Ты есть на земле.

И до нынешних дней,
Нашу юность любя,
Мы частицей твоей
Ощущаем себя.

В вагоне

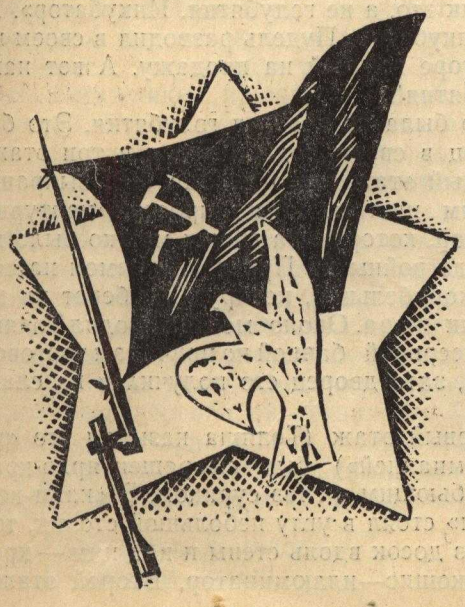
Вагон электрички набит до отказа,
Качается луч на стене.
Поля Подмосковья, знакомые глазу,
Проходят в морозном окне.

Проходят деревни и фабрики рядом,
А мне не понять из окна,
Расколота молнией или снарядом
Мелькнувшая мимо сосна.

Давно под Москвою бои отзвучали.
Раскаты замолкли вдали.
Остался солдат на бессрочном привале,
Чтоб мы поднялись и ушли.

Чтоб мы поднялись
И ушли в наступленье,
Живых на ходу перебрав...
Дорога летит, и встают на мгновенье
Походы, дымы переправ.

Рождается песня: «Каховка, Каховка...»
Шагает в пыли батальон.
И вдруг обрывается все. Остановка.
Суворовцы входят в вагон.

В том году

ПОВЕСТЬ

Роберт КОЛОТУХИН

Рисунки Н. БОРИСОВОЙ.

ВЕСНА

Весна в том году пришла внезапно и рано. Ее, как всегда, принесли теплые ветры с моря. Три дня гнали они по раскисшему, хмурому небу лохматые, свинцовые тучи. Дождь поедал остатки серого снега у обочин мостовых, хлюпал лужицами под деревьями, на которых уже едва заметно набухали зеленые бугорки почек: частой дробью сыпал дождь по уцелевшим крышам, поливая унылые развалины домов.

Развалин в то время в нашем городе было много. Уже почти три года шла война. И ветер с дождем почему-то напоминали мне двух друзей, вернувшихся домой после долгих странствий: мечутся среди голых, обуглившихся стен, ищут кого-то, не могут найти. И по ночам, если закрыть глаза и прислушаться, казалось, ветер плачет, а дождь утешает его.

Грустно было слушать тоскливую жалобу ветра. Грустно и тревожно. Даже воробьи были в эти дни угрюмые, молчаливые. Нахохлившись, они сидели на карнизах, ершистые, сердитые комочки.

А дождь все лил и лил. Три дня подряд барабанил он по каскам тех, кто пока еще хозяйничал в нашем городе. Но теперь уже зяблые колонны чужеземцев не печатали коваными сапогами по улицам города: не до этого было немецким воякам — только бы ноги унести. Чувствовали фашисты, что это их последняя весна на нашей земле. А на лице почти у каждого румынского солдата уже давно можно было прочесть: «И на кой черт связались мы с этими фашистами?!»

Ведь не зря уже почти год ходила по Одессе песенка:

Антонеску дал приказ:
— Всем румынам — на Кавказ!
А румыны: — Ласа, ласа...
На куруцы — тай ла каса.

Песенка эта была, конечно, сложена не без помощи самих румын и в дословном переводе означала:

Антонеску дал приказ:
— Всем румынам — на Кавказ!
А румыны: — Ладно, ладно.
На телеги — и обратно.

В нашем городе было два гарнизона: немецкий и румынский. Больше того, румыны официально считались хозяевами Одессы: Гитлер, так сказать, «подарил» наш город своему «закадычному другу» Антонеску.

«Хозяева»... Сколько раз я видел, как румынский офицер, равный по чину немецкому, чуть ли не за полквартала тянулся в струнку перед «солдатом фюрера». Но и немцы тоже не были хозяевами в нашем городе, потому что за Слободкой и на подступах к Товарной станции летели под откос их эшелоны, горели в порту корабли и склады. Это делали налеты выходившие из катакомб партизаны.

В последнее время особенно часто рушились мосты на западных окраинах города: партизаны заботились, чтобы не уползли обратно в Германию танки с белыми крючковатыми крестами, поезда, пушки. А в конце февраля ухнули как-то разом в небо огромные баки с бензином и нефтью.

В середине марта выпал мелкий, крупчатый снежок, словно кто-то вытряхнул с неба последние остатки, и наступило затишье. Как перед артподготовкой.

Но снежок продержался недолго. Дня через два ночью грянул гром. Многие, в том числе и мы: я, мама и мой старший брат Ленька,— не видели молнии, прорезавшей небо, и по привычке, думая, что это очередная бомбежка, спустились вниз, в подвал. Там мы и просидели вместе с другими жильцами всю ночь, пока кто-то не догадался выглянуть во двор.

Посредине двора за ночь образовалась огромная, точно озеро, лужа. На поверхности ее пузырились капли дождя.

Дождь не утих и на следующий день. Трое суток подряд тучи ползли над городом, цепляясь ватными боками за острые купола Успенского собора, и ветер срывал со стен липкие приказы — «ахтунги» немецкого коменданта.

А на четвертый день рано утром меня разбудил теплый пучок солнца. Окно было распахнуто. Я выглянул и увидел синее-пресинее небо. «...Курлы, курлы...» По перилам балкона, рядом с нашим окном, расхаживали два голубя, распустив веером хвосты.

— Фью-ить!— свистнул я от избытка шальной радости, и пара сорвалась, просвистела крыльями, обдав меня теплым голубиным запахом.

Так для меня пришла долгожданная весна 1944 года.

Жили мы тогда на улице Канатной, в доме напротив стадиона «Спартак».

ТОЛЯША СТОЯНОВИЧ

Двор наш, как почти все старые дворы в Одессе, представлял собой квадратную коробку. Стены его и балконы были сплошь увиты диким виноградом.

Левый угол двора занимала старая низкорослая акация, которая, несмотря на свой дряхлый, потрескавшийся ствол с рубцами, каждый год, в пору цветения, точно невеста, распускалась пышными белыми гроздьями, и во дворе всю первую половину мая стоял густой медовый аромат.

В другом углу помещалась голубятня Толяши Стояновича — наша гордость и предмет зависти мальчишек с соседних улиц. Вряд ли еще хоть один дом в Одессе имел такую голубятню. Разве что голубятня Мишки Пуделя на Костецкой улице могла еще потягаться с нашей. Но ведь у Пуделя голубятня была всего в два этажа. Правда, эти два этажа стояли на четырех высоких столбах — не подберешься. Всем двором мы както ходили на Костецкую, чтобы сравнить. И голубятня Пуделя проиграла против нашей. Толяша Стоянович так и сказал: «Курятник это, а не голубятня. Инкубатор». Ну да, инкубатор: Пудель разводил в своем инкубаторе голубей на продажу. А вот наша голубятня!..

Это была не простая голубятня. Это был дворец в своем роде...Дворец в три этажа. Каждый этаж этого дворца был выкрашен особым цветом. И не простой халтурной краской, которую за гроши можно было купить до войны на Привозе, а самой настоящей корабельной, которую не берет ни мороз, ни жара. Около месяца бродил Толяша с консервной банкой по причалам торгового порта, зато дворец его получился на славу.

Первый этаж (Толяша называл его «кают-компанией») был выкрашен ярко-красным, бьющим в глаз суриком. В «кают-компании» стоял в углу небольшой столик, топчан из досок вдоль стены и над ним — круглое окошко—иллюминатор. Второй этаж—

зимнее помещение для голубей — был ярко-коричневого цвета. Третий — летняя голубиная дача — сиял, как лазурное небо. Толяша любил яркие цвета.

Голубей Толяша почему-то разводить не стал. Построил голубятню, выкрасил и с тех пор редко поднимался выше «кают-компании». Разве что когда объявлял «большую приборку», и мы всем двором убирали верхние этажи, где поселились «дикари». Невзрачные на вид, защипанные, они сами добывали себе пропитание и не шли ни в какое сравнение с теми голубями, которые водились у Пуделя. Мы пробовали было протестовать: «У Пуделя вон даже турманы египетские, а у нас — заморыши...»

— Чихал я на Пуделя! — отмахивался Толяша.— Мне эти больше по душе.

А однажды Толяшину голубятню чуть было не запретили. Это случилось, когда Светка Немерова сбежала из дому и два дня жила в Толяшиной «кают-компании». И об этом никто не знал. Кроме меня, моего старшего брата Леньки, Вовки Соловьева, Жорки Мамалыги и, конечно, самого Толяши.

Не знаю, что не поделила Светка со своими родителями, но мне самому не нравилась ее усатая мама. И желтая панама Светкиного отца мне тоже не нравилась.

Что мне нравилось, так это их велосипеды. Ведосипеды были у всех Немеровых. В том числе и у Светки. Три новеньких никелированных «велика» с широкими багажниками. Впрочем, на Светкином «велике» багажника не было: Светка в первый же день, как только ей купили велосипед, вывела его за рога во двор, достала ключи из кожаной сумочки под седлом и тут же отвинтила багажник. А вот у Светкиных родителей багажники на велосипедах остались. Широкие такие багажники с пружинами. Удобные багажники. У Немеровых была дача в Аркадии, и на этих вот багажниках они возили по воскресеньям на Привоз в корзинах ранние помидоры и огурцы.

На дачу Немеровы обычно выезжали в субботу, после пяти. Вместе с родителями выводила свой велосипед и Светка. А Толяша в это время обязательно сидел у распахнутой двери «кают-компании». И как только Немеровы появлялись из парадного со своей «никелированной техникой», Толяша брал в руки заранее припасенную фанерку и, постукивая по ней пальцами, как в бубен, пел всегда одну и ту же песенку:

Помидоры, помидоры,
Помидоры-овощи!
Теща едет на такси,
А зять — на «Скорой помощи»!..

При чем здесь «Скорая помощь», я так никогда и не мог понять. Но я видел, что песенка эта маме Немеровой совсем не нравится. Немерова сердито косилась на Толяшу и поправляла свою широкополую шляпу. Папа Немеров тоже поправлял желтую панамку и ставил ногу на педаль, словно кавалерист, ожидая команды «по коням». А Светка, та почему-то краснела, заслышав Толяшину песенку, вскакивала на свою машину, вихрем давала круги почета по двору и звонила, звонила, стараясь заглушить Толяшину песенку.

— «...Помидоры, помидоры, помидоры — овощи!..» В мае на помидоры такая цена, обожжешься!

Светка пулей вылетала на улицу.

— Антон!—строго приказывала мама Немерова. И папа Немеров, поправив прищепочки, стягивающие его желтые чесучовые брючки у щиколоток, послушно перебрасывал ногу через седло.

В ту пору Светке было пятнадцать лет. И вот однажды, это произошло в середине июня, Светка удрала из дому.

Видели б вы, что творилось в тот день у Немеровых!

Немеровы подняли на ноги всю одесскую милицию. Милиция старательно прощупывала Молдаванку, Слободку и даже Люстдорф, а Светка тем временем вот уже вторые сутки преспокойненько жила в «кают-компании» Толяши Стояновича. И мы носили ей помидоры, рыбу, картошку в мундире — все, что попадалось под руку на кухне: у нее был зверский аппетит, у Светки.

...Десятый час вечера. Я, Ленька, Жорка Мамалыга, Толяша и Светка сидим в голубятне и обсуждаем «создавшееся положение». Вернее, положение обсуждают Толяша и Светка, а мы только сидим и сопим в две дырочки. В синем надбитом блюдце с золотым ободком тлеет свеча, и в глазах у Светки отражаются продолговатые фитильки. По три в каждом.

Подобрав под себя загорелые ноги, Светка устроилась удобнее на топчане, хрустнула молодым огурчиком и решительно отрубила:

— Не вернусь я, Толяша, к этим куркулям... И не уговаривай...

— Верно: Куркули они и есть!— поддержал Светку мой брат.— Вон я у твоего бати на днях прокатиться на «велике» попросил. Хоть кружочек, говорю, по двору. Я вам

за это машину на самый верх оттарабаню. Так он...

— Погоди, Леха,— остановил моего брата Толяша,— погоди, не о том сейчас разговор.— И к Светке: — Ну, допустим, ты не вернешься к своим родичам. Допустим. Но ведь мой дворец, сама понимаешь,— не гостиница «Лондонская».—Толяша провел ладонью по шершавой стенке «кают-компании» и спросил:— А вдруг накроют, Свет? Вот, допустим, накроют тебя здесь, что тогда?

— Ну и пусть!— упрямо тряхнула головой Светка.— Пусть накроют. Только чихать я на них хотела, на куркулей несчастных!— И вдруг бухнула: — Давай поженимся, Толяша. А?

С минуту все молчали. Потом Толяша встал и покрутил пальцем-буравчиком у Светкиного виска.

— Ты же еще несовершеннолетняя. Да и мне еще целых полгода до семнадцати.

— Ну и что?— Светка подтянула коленки к подбородку, обвила их руками и закачалась на топчане.— А вот я читала в одной книжке, что на Кавказе...

Но мы так никогда и не узнали, что вычитала Светка в той книжке насчет Кавказа: снаружи кто-то сильно рванул дверь, и хрупкая задвижка не выдержала. Все мы, кроме Светки (она сидела лицом к двери), разом обернулись. На пороге стояла разъяренная Светкина мамаша. За плечами у нее маячила в лунном свете лысина папаши Немерова. Впервые я увидел его без панамы.

На следующий день Немеровы подали жалобу в домоуправление, и в воскресенье должно было состояться заседание, которое решило бы, быть или не быть Толяшиной голубятне в нашем дворе. Но заседание это так и не состоялось: в воскресенье началась война. А еще позднее, через месяц, Толяша погиб под Овидиополем, защищая подступы к Одессе.

В тот день мы с ребятами не могли войти в квартиру Толяшиной мамы, потому что туда, как только было получено извещение, набилась чуть ли не половина нашего двора. Мы стояли на лестнице в парадном. И Светка не плакала. Она постояла немного вместе с нами и молча ушла к себе домой.

Через неделю Светка добилась-таки своего: ее взяли в отряд морской пехоты санитаркой и выдали форменное обмундирование. Юбку Светка носить не стала, ходила во флотских брюках-клеш, заправленных в кирзовые сапоги.

В октябре, когда наши оставили Одессу, Светка уплыла вместе с бойцами Красной Армии. Темной осенней ночью корабли, прикрытые туманом, ушли в Крым, к Севастополю.

Но я не провожал Светку и ничего этого не видел: почти два месяца я валялся дома с крупозным воспалением легких. Доктора сказали, что вынести меня на улицу «равносильно убийству». И обо всем этом мне уже позже рассказал Ленька. Я лежал, молча слушал брата и представлял себе, как тихо, без отвальных гудков, с погашенными огнями, отходили корабли из Одессы. Я представлял себе, как прощается суровая морская пехота с родным городом: «Мы еще вернемся к тебе, Одесса». И как мой Ленька стоит на причале, гладит ладонью росистый борт корабля, а Светка машет ему с палубы бескозыркой.

Фашисты долго топтались у Заставы, у Ближних Мельниц: дрейфили,— пока наконец не решились войти в город.

Выздоровел я с первым снегом. Он лежал на карнизах, во дворе, пушистый, белый, искрился и звал. Но нельзя было теперь выскочить на улицу, когда тебе захочется поиграть в снежки. Нельзя. Там ведь эти. Нельзя было достать из буфета и отрезать себе какой хочешь ломоть белого хлеба, намазать его маслом и присыпать сверху сахаром: ни масла, ни сахара у нас теперь не было, а буханку «черняшки» мама старалась «растянуть» на неделю.

Нельзя. Два года мы с Ленькой, да и остальные мальчишки тоже, чаще всего слышали это слово. Два года.

И вот наконец пришла эта весна. Она не могла не прийти — ведь мы ее так ждали! Фрицы пока еще шлялись по улицам нашего города, но эта весна пришла. И ничего хорошего она им не предвещала.

САРГАН

С приходом оттепели в городском саду, на «пятачке» под навесом, высвечивал медными трубами с обеда до позднего вечера военный духовой оркестр из немцев. Дела фашистов на фронте стали совсем швах: Красная Армия все ближе и ближе подходила к Одессе. И тогда какому-то их начальнику пришла в голову идея — три раза в неделю выгонять в городской сад духовой оркестр и наигрывать в самом центре нашего города фашистские марши для поднятия «духа» своих вояк. И с оттепелью, регулярно через день, взвод музыкантов под коман-

дой своего тощего дирижера в засаленном мундире рассаживался с обеда на «пятачке» неподалеку от мраморного фонтана, распространяя вокруг ядовитый запах ваксы.

Минуту-другую музыканты продували инструменты. Дирижер взбирался на подставку, так что его голова почти касалась навеса, и нетерпеливо стучал палочкой по козырьку своей фуражки: он работал без нот. Музыканты впивались губами в пятачки своих труб, пялили глаза на «маэстро». Дирижер поправлял нервными пальцами воротник кителя. При этом его сморщенный, точно посудная тряпка, желтый мешочек под подбородком колыхался. Короткий взмах руки, и фашистский марш с грохотом вылетал на Дерибасовскую.

Светку взяли в отряд морской пехоты и выдали ей обмундирование.

Раненые немцы, дремавшие на солнышке у фонтана, испуганно вздрагивали, болезненно морщились, как от зубной боли, и расползались на костылях по дальним аллеям. И лишь только какой-нибудь франтоватый офицеришка, только что прибывший из тыла и еще не понюхавший нашего русского пороха, проходя по Дерибасовской и заслышав «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес», подтягивался и старался держать шаг в такт маршу. Но таких офицеров было раз-два и обчелся, а остальным не до маршей. Вот и получалось, что дирижер со своей «джаз-бандой» работал вхолостую: «дух» у немецких вояк нисколько не поднимался от грохота, который летел с «пятачка» в горсаду.

Мы часто приходили в горсад: я, Ленька, Вовка Соловьев и Жорка Мамалыга. Мамалыгой мы Жорку называли из-за веснушек (мамалыга—это кукурузная каша, желтая). Раньше Жорка в нашем дворе жил, а когда во время бомбежки погибла его мать, перебрался он к бабке в Лермонтовский переулок. Но в Лермонтовском Мамалыга только ночевал, а так целыми днями по-прежнему пропадал в нашем дворе.

И вот однажды, помню, привел Мамалыга в горсад свою бабку.

Пришла, значит, бабка, остановилась вместе с нами у «пятачка». Одета в черный салоп, в руках пустая плетеная корзинка. Вы когда-нибудь бабу-ягу в кино видели? Ну так вот, Жоркина бабка — вылитая копия. И даже чуточку пострашнее: у нее еще вдобавок лиловый шрам через всю щеку. Жорка говорил, что это она еще в молодости приобрела, когда рыбачила вместе с дедом. И непонятно было, то ли дед наградил ее этим шрамом, то ли с морем она не поладила, бабка. Была она еще к тому же глуха на оба уха. Но Жорка любил свою бабку. И, когда встречал кого-либо из товарищей на улице, обязательно успокаивал: «Ты ее не бойся, не бойся. Ты не смотри, что она такая... ягастая... У нее характер Золушкин. Ну, поздоровайся. Не бойся...»

Так вот, привел как-то Мамалыга свою бабку к «пятачку». Концерт был в самом разгаре. Извиваясь всем телом, дирижер без устали молотил руками по воздуху, и желтый мешочек у него под подбородком трепыхался из стороны в сторону.

Постояла бабка с минуту, поглядела на извивающегося дирижера и вдруг сочувственно произнесла:

— Ишь, дергается, родимый. Шо твой сарган на крюке, коли его за брюхо схватишь... Тьфу, окаянный!...— чертыхнулась бабка.— Прости меня, господи,— перекрестилась и ушла. Жорку тоже с собой увела.— Нечего тебе на энто безобразие очи пялить!..

Мы, конечно, слышали бабкины слова. И в самом деле, как же это мы раньше не замечали, что дирижер этот — вылитый сар-

ган?! Есть у нас в Черном море рыба такая — сарган, на змею похожа.

Наблюдая за дирижером, мы присели на мраморный бордюрчик фонтана.

— Ну да, сарган,— сказал Вовка Соловьев.— А извивается, извивается как!

Ленька не выдержал и крикнул:

— Сарганчик!

Но Сарган, занятый своим делом, не обернулся: он ведь не знал, что он рыба.

Прослышали об этом прозвище и другие ребята, приходившие в горсад взглянуть на чудо-рыбу, трепыхавшуюся на «пятачке». И каждый раз, когда ребят собиралось уже достаточно много, Ленька обходил всех, шептал что-то заговорщицки, потом поднимал руки и хлопал в ладоши:

— Ну-ка, ребя, раз-два-три!

— Сар-ган! Сар-ган!— оглушительно рявкала толпа, и Сарган вздрагивал, будто его дубиной огрели промеж лопаток. Он уже знал о прозвище, которым мы его наградили с легкой руки Жоркиной бабки.

Музыканты путались, играли вразнобой. Сарган, изогнувшись дугой через перила, лаял на своем языке, и на помощь к нему, расстегивая на ходу ремни, от Дерибасовской бежали полицаи.

— Полундра-а!— Мы рассыпались по кустам горсада.

Однажды Ленька сказал нам:

— Ох, и повертится, братцы, у нас Сарган в воскресенье! Слушайте, что я придумал...

Банка из-под свиной тушенки стояла в заброшенном углу Толяшиной голубятни. Красного сурика в ней осталась самая малость, он покрылся толстой пыльной пленкой.

Ленька ткнул пальцем в пленку, и когда вытащил его, палец лишь наполовину был покрыт краской. Да, сурика было маловато. Но все же этого вполне хватило, чтобы Ленька в субботу, когда еще не наступил комендантский час, взобрался в сумерках на белый шиферный навес «пятачка» в горсаду и вывел на нем кистью три пятиконечные красные звездочки.

Я, Соловей и Мамалыга стояли на страже в кустах. Если невдалеке проходил кто-нибудь, мы подавали Леньке условный сигнал, и Ленька замирал на белом шифере большой темной птицей.

А в воскресенье была потеха.

Вокруг «пятачка» постепенно собирался народ. Мы с Ленькой и Соловьем тоже стояли в толпе и смотрели на нашу работу. Звездочки блестели что надо. И я еще вспомнил, как в прошлом году на Октябрьские праздники партизаны водрузили на купол Успенского собора красный флаг. На Преображенской и на прилегающих к собору улицах собирались люди и с надеждой смотрели на трепетавшее в небе кумачовое знамя. И хотя не было в тот день ни демонстрации на Куликовом, ни музыки на каждом перекрестке, как в прошлые годы, лица светились тихими улыбками, и люди, знакомые и незнакомые, шепотом поздравляли друг друга с праздником. Долго реяло над городом кумачовое знамя. Фашисты боялись притронуться к флагу: на подступах к нему партизаны расставили дощечки, на которых были нарисованы череп и кости: не подходи, мол, заминировано.

Я вспомнил про этот флаг, и у меня от гордости за наши звездочки мурашки пошли по спине.

А Сарган, конечно, рассуждал иначе. Бледные щечки Саргана зарделись. Сарган ликовал. Еще бы, ведь вокруг «пятачка» собралась огромная толпа. И раненые фрицы не расползлись по аллеям. Сарган извивался и не видел, что над самой головой

На белой шиферной крыше Ленька вывел три пятиконечные красные звездочки.

у него горят на белом шифере три яркие пурпурные звездочки.

— Шуруй, Сарган! — подбадривали его то и дело из толпы.— Шевели плавниками, Сарган!

И он еще долго ничего не мог понять, Сарган, когда толстый эсэсовец в черной форме стащил вдруг его с «пятачка» и заорал, брызгая слюной ему прямо в лицо, тыча пальцем на шиферную крышу. Сарган хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на песок. Наконец ему удалось вырваться. Он крикнул что-то музыкантам не своим, хриплым голосом, и те засуетились.

Прибежали с Дерибасовской полицаи. Толпа возле «пятачка» сразу поредела. Раненые фрицы разбрелись. Но не в дальние аллеи, а на скамейки тут же, у фонтана.

Мы стояли в кустах и наблюдали, как музыканты неуклюже карабкаются по столбам, подпирающим навес, как скользят они своими начищенными сапогами, срываются. Куда им до моего Леньки! Ну, разве так лазят!

Наконец двое забрались на крышу и принялись соскабливать наши звездочки бляхами от ремней, так как под руками у них ничего более подходящего не оказалось. Но сурик (а ведь это был не простой сурик) за ночь окончательно высох, «стал», как говорят в таких случаях матросы; и музыканты без толку скребли по нему своими бляхами: звездочки не исчезали.

Тогда эсэсовец гаркнул на своего шофера, и тот рысью через газоны побежал на Дерибасовскую к машине и вскоре вернулся с канистрой бензина.

Бензин, конечно, сделал свое дело: звездочки поблекли. Но только зря немцы так неосторожно расходовали бензин: он сочился в щелях между шиферными плитками и тоненькими струйками сбегал на деревянный пол.

Затем эсэсовец еще раз дал напоследок взбучку Саргану (даже что-то в блокнотик свой записал), сел в лакированный «БМВ» и укатил.

Музыканты спустились с крыши. Хмурый Сарган собрал свою ватагу, построил и куда-то увел. Больше они в тот день не играли.

Впрочем, они вообще больше не играли свое «юбер аллес» в нашем горсаду на Дерибасовской, потому что «пятачок» в тот же вечер сгорел. Дотла.

Я же говорил, слишком уж неосторожно обращались Саргановы музыканты с бензином.

ДОРА ЦИНКЛЕР

Оживленные, мы возвращались домой.

— А ты заметил, как у Саргана глаза на лоб?.. Чуть не выпали.— Мамалыга остановился, вытаращил глаза и начал хватать ртом воздух, изображая Саргана.

— А как раненые фрицы смотрели, заметил?..— спросил я.

— Теперь об этом весь город заговорит,— сказал Соловей.

— Точно,— согласился Мамалыга.

— Точно,— поддакнул я.— Как в прошлом году на Октябрьские. Помните, красный флаг на Успенском соборе?!

— Ох, и любишь ты пофорсить, Санька!— осадил меня брат.— Сравнил тоже: то ведь самые настоящие партизаны. И флаг висел, помнишь, сколько? А у нас они все за каких-нибудь полчаса смыли. Эх, не догадался я булыжник в бумагу завернуть и проводок отвести, вроде бы мина,— огорченно вздохнул Ленька.— Всегда так: хорошая мысля приходит опосля.

Еще издали, свернув с улицы Чижикова на Канатную, мы почувствовали, что в нашем доме творится что-то неладное. Возле ворот стояла черная крытая машина с большим белым крестом на кузове. Мы знали, что это за машина.

Это была душегубка. Вот на таких тупорылых душегубках фашисты охотились за людьми. А белый крест на кузове был нарисован просто так, для отвода глаз. Особенно много душегубок развелось в последнее время, когда вышел приказ «об эвакуации еврейского населения». Знаем мы эту «эвакуацию»! Днем и ночью рыскали теперь душегубки по городу. Вот почему мы сразу умолкли и, не сговариваясь, прибавили шагу.

Черную машину торопливо обходили прохожие. Мимо нас пробежал с пустым ведром Витька Гарапиля из соседнего дома.

— У вас там аврал, ребя! Берут!..

Но что берут и кого берут, мы уже не слышали, мы со всех ног бросились к воротам.

Во дворе стояла странная тишина. Странная, потому что во дворе были люди. Дед Назар из восьмой квартиры стоял под своим окном, из которого, облокотившись на подоконник, выглядывала бабка Назариха: старики Назаровы жили в бельэтаже. Рядом с дедом стояла наша мама, с другой стороны — бывший преподаватель ботаники Гнилосыров, Вовкина мать с маленькой Тайкой на руках. В стороне от всех, покручивая желтым, прокуренным пальцем серe-

— Спасибо, люди! Мужу моему, Янику, передайте...

бряную цепочку свистка, прохаживался в своих блестящих скрипучих сапогах Жиздра. О нем я расскажу еще.

Взгляды всех были прикованы к двум окнам на втором этаже. Это была квартира Ганса Карловича Штольха, парикмахера. Окна распахнуты настежь, вернее, не распахнуты, а вынесены «с мясом» — рамы вывалились наружу и покачивались на нижних шурупах.

Вот в парадном на втором этаже хлопнула дверь, и послышалось немецкое «Шнель! Шнель!», и затем мы услышали шаги людей, спускающихся по лестнице.

Двое вооруженных полицаев и немец вывели во двор Ганса Карловича, его жену Дину Ивановну и Дору Цинклер. Возле Доры испуганно жались курчавые близнецы Мишка и Ося. Ганс Карлович — в белом парусиновом пиджачке. Дора Цинклер — простоволосая, босая.

Было около трех часов дня, и двор наш, как обычно в это время, был разделен на две равные половины: солнечную и теневую. Ганс Карлович, Дина Ивановна и Дора с детьми оказались на солнечной стороне. И как только они показались из полумрака парадного, солнце резко ударило им в глаза. Ганс Карлович сощурился, улыбнулся и кивнул в нашу сторону: здравствуйте. Мишка и Ося терли кулаками глаза, жались к матери.

Немец и полицаи на какое-то мгновение замешкались: солнце ослепило их, и они, точно лошади, замотали головами. И вот в это короткое мгновение я вдруг заметил, что маленькая Дора Цинклер как-то странно, не замечая колких лучей солнца, смотрит в нашу сторону. Но не на ботаника смотрели широко открытые черные глаза Доры, и не на Вовкину мать, и не на мою. Взгляд ее был обращен к деду Назару. Я это ясно видел. Все продолжалось какой-то миг, но я успел заметить: дед Назар молча, одними только ресницами, вдруг кивнул Доре. И Дора ответила ему таким же неуловимым кивком.

— Аллес! Аллес! — подталкивал немец дулом Ганса Карловича.

Их подвели к воротам. Ганс Карлович обернулся и крикнул нам:

— Прощайте, товарищи!

Перед самым подъездом Дора Цинклер вдруг нагнулась и поцеловала курчавые макушки своих близнецов: сначала Мишку, потом Осю. Она была совсем маленькая, Дора Цинклер, и ей пришлось только чуть-чуть наклонить голову, чтобы коснуться губами макушек своих ребят. Так что ни полицаи, ни немец этого не заметили. Тем более, что как раз в этот момент их внимание отвлек Ганс Карлович, крикнув «Прощайте, товарищи!», и они принялись орать на него. А один из полицаев даже кулаком ударил Ганса Карловича под лопатку — усердный!

И в этот момент, когда они набросились на Ганса Карловича, на помощь которому

пришла Дина Ивановна — дала тому полицаю хорошую сдачу,— в этот самый момент маленькая Дора оттолкнула вдруг рыжего немца и бросилась в сторону парадного, откуда их только что вывели.

— Цурюк! Цурюк! — завопил немец и вскинул автомат.

Очередь отбила штукатурку в стене, прошила Толяшину голубятню, но пули не настигли Дору, она успела вбежать в парадное.

Мы видели, как ее маленькая фигурка мелькает все выше и выше. Второй этаж. Третий! Затаив дыхание, все смотрели наверх. Вот она показалась в окне — а внизу уже грохочут сапогами немец и полицаи,— быстрым взглядом окинула двор и громко, с облегчением в голосе крикнула:

— Спасибо, люди! Мужу моему, Янику, передайте!..

Сразу несколько рук стащили Дору с подоконника. Три короткие автоматные очереди, и все стихло.

Немец и полицаи медленно спустились вниз. Немец недовольно ворчал, вытирая платком вспотевший лоб. Но что такое?! Он вдруг загалдел, закудахтал и бросился к подъезду: Мишки и Оси нигде не было. У подъезда, взявшись за руки, стояли Ганс Карлович и Дина Ивановна.

И напрасно потом метались по всем квартирам немец и полицаи, напрасно переворачивали все вверх дном — близнецы как в воду канули.

НАШ ДВОР

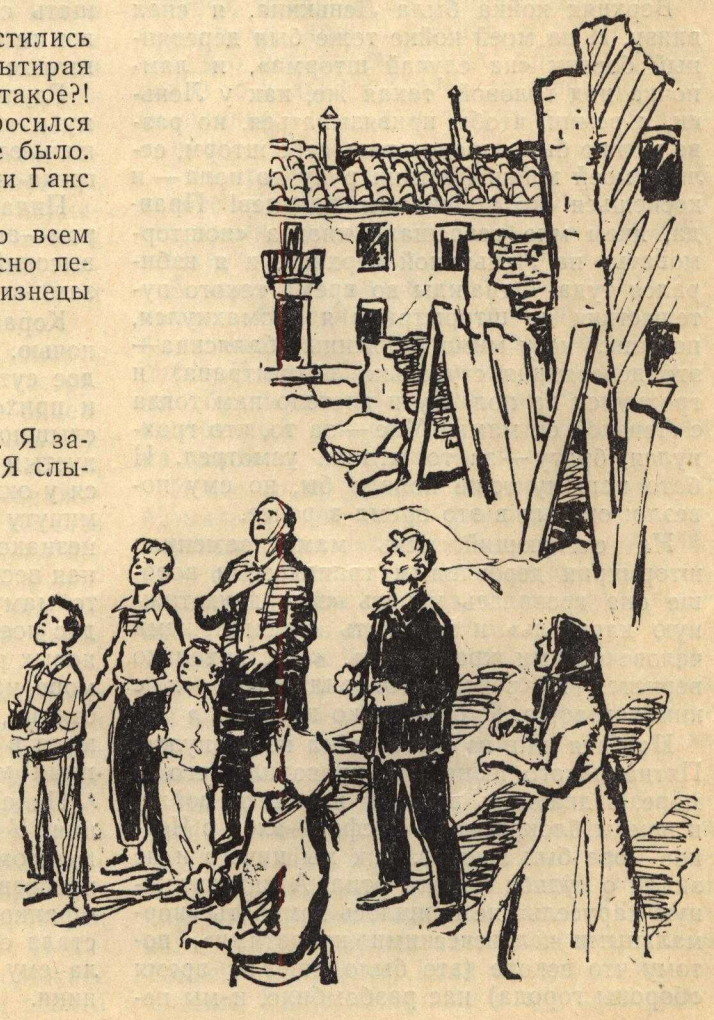
...Я бегу рядом с Дорой Цинклер. Я задыхаюсь, но стараюсь не отставать. Я слышу, как гулко колотится мое сердце. Глаза у Доры горят, косы распустились и развеваются за спиной. «Сюда!» — Дора вталкивает меня в парадное, и в этот момент позади нас хлещет автоматная очередь. Но мы уже в безопасности. Ни на секунду не останавливаясь, бежим мы с Дорой по холодным мраморным ступенькам. Второй этаж! Третий! Еще одна лесенка, и мы достигнем вон той, единственной на этом этаже голубой двери, это дверь Толяши Стояновича.

А внизу грохочут сапожищами немец и полицаи. Скорее! Скорее!

Но Дора не поднялась к голубой двери. Она вдруг остановилась возле окна, выглянула и облегченно вздохнула: «Теперь мои мальчики спасены. А ты прыгай, Шурик. Прыгай, не бойся. Я встречу этих... Сама...— Она кивнула вниз, провела ладонью по пыльному подоконнику, прислонилась к стене.— Прыгай же! Скорее!..»

А сапоги все ближе и ближе.

Я влез на подоконник и последний раз взглянул на Дору. Босоногая, она стояла, прислонившись к стене, откинув чуть назад голову, и перебирала пухлыми, в ямочках пальцами ниспадающие черные косы. И над верхней губой у нее блестели прозрачные капельки пота. «До свидания, тетя Дора»,— сказал я и шагнул с подоконника. И в это же мгновение я почувствовал, как грудь мою, словно тисками, сдавило волной ринувшегося мне навстречу воздуха, как он со свистом врывается мне в глаза,

в рот, в уши. Земля стремительно приближалась. Третий этаж! Второй! Первый!

— А-ааа!!! — закричал я и... проснулся.

Перед глазами белела стенка. Это Ленька пригвоздил меня к ней своими коленками. Он храпел, посвистывая; и даже не вздрогнул от моего истерического крика.

Но я уже не мог уснуть. Я молча уставился в потолок и боялся даже на секунду прикрыть глаза: а вдруг этот сон опять придет ко мне?

До войны была у нас с братом двухместная морская койка, которую смастерил наш батя. Это была самая настоящая морская койка: по бокам у нее имелись специальные деревянные бортики — это на случай шторма, чтобы не вывалиться, а на верхнюю койку нужно было взбираться по приставному трапику. Правда, сначала у нас с Ленькой вместо деревянного трапа был самый настоящий штормтрап (штормовой трап) из манильского каната.

Верхняя койка была Ленькина, я спал внизу. И на моей койке тоже был деревянный бортик «на случай шторма», и лампочка над головой, такая же, как у Леньки, и ремни, чтобы привязываться, но разве можно было представить себе шторм, если с моей койки протяни руку до пола — и коснешься его кончиками пальцев! Правда, днем мне разрешали иногда «поштормовать» на Ленькиной верхней, и я взбирался туда. Однажды во время такого путешествия по штормтрапу я промахнулся, поставил ногу мимо балясины (балясина — это деревянная ступенька штормтрапа) и грохнулся на пол. Ну и влетело нам тогда с Ленькой от мамы! Мне — за то, что грохнулся, брату — за то, что не усмотрел. И бате нашему тоже попало бы, но ему повезло: он был в это время в рейсе.

На следующий день мама заменила штормтрап деревянным трапиком, и вообще она грозилась убрать «эту двухэтажную карусель» и заменить «нормальными человеческими кроватями». «Пусть только вернется из рейса,— говорила она,— я с ним поговорю. Пусть только вернется!»

Но батя наш из этого рейса не вернулся. Пятнадцатого июня мы проводили его в море, а двадцать второго началась война, и немцы блокировали Босфор—вход в Черное море был закрыт. Так мы ничего и не знали о судьбе нашего отца. А «двухэтажную карусель» не пришлось заменять «нормальными человеческими кроватями», потому что вскоре (это было еще во время обороны города) нас разбомбило, и мы перебрались во флигель напротив, в чужую пустующую квартиру.

Я осторожно перелез через Леньку, подошел к распахнутому окну и примостился на подоконнике. С балкона шарахнулась по карнизу кошка.

Двор спал.

Теперь уже луна, так же как днем солнце, делила наш двор на две равные половины: светлую и теневую.

Голубятня Толяши Стояновича находилась в тени. С другой стороны серебрилась молодыми листьями старуха акация. И дикий виноград только-только начинал распускаться. Он уцелел даже на стене флигеля, развороченного бомбами, и по-прежнему, как будто ничего не случилось, обвивал своими цепкими побегами пустые провалы окон, наливался весенней силой, расправлял листья, готовый, как и в прошлые годы, принести людям прохладу в жаркие летние дни. Он готовился защищать своими листьями от палящих лучей вон те три окна нашей бывшей квартиры на втором этаже.

Глупый дикий виноград проспал всю зиму и ничего не знал. Он готовился заслонить от жары окно Пиладоса — одинокого грека-эмигранта, что жил над нами.

Пиладос работал в порту шипшандлером—агентом по снабжению судов. Это был высокий молчаливый грек с грустными глазами-черносливами.

Корабли приходили в наш порт днем и ночью. Корабли из многих стран. И Пиладос сутками не показывался дома. А если и приходил, то почти всегда ночью. Было слышно, как он звенит там у себя наверху пустым чайником, стаканами, потом садится у окна и замолкает. И я знал, что через минуту услышу тихую, грустную песню на незнакомом мне языке. Это была печальная песня. «О чем он, ма?» — спросил я как-то маму, и она объяснила мне, что Пиладос поет о Греции. Об оливковых и маслиновых рощах, о рыбаках, которые уходят в море на своих лодках с первыми лучами солнца, об островах, которые перемигиваются в ночи друг с дружкой красными огнями маяков.

Пиладос очень тосковал по своей Греции. У него там осталась семья. А эмигрантом он стал после того, как три года провоевал в Испании против фашистов Франко. Он приехал в нашу страну, и она стала ему второй родиной, Одесса заменила ему на время его родной город Салоники.

Началась война. Пиладос без долгих разговоров взял винтовку, ушел на фронт.

Под нами, в полуподвальной квартире, жил Вовка Соловьев с отцом, матерью и маленькой сестренкой Тайкой. Тогда, в сорок первом, Вовке было девять лет, а Тайке — год с небольшим хвостиком. Мать и отец у них днем работали оба, и Вовка вечно таскал Тайку на своей шее. Пухлые Тайкины ноги были похожи на сардельки, перетянутые шпагатиками. И весила Тайка не меньше пуда. И стали мы замечать, что шея у нашего Соловья становится толстая и мускулистая. И бицепсы тоже. Соловей своей рукой мог запросто положить руку любого мальчишки. Однажды на «Спартаке» он чуть было и Леньку не уложил.

Честно говоря, я не болел за Леньку, хоть он мне и братан. Я болел за Соловья: ведь Соловей был на целых три года младше Леньки. Ему — девять, а Леньке — двенадцать. И он чуть было не положил моего братана. Оставалось каких-нибудь два-три миллиметрика, и побелевшие косточки Ленькиного кулака коснулись бы шершавой трибуны стадиона — мы зорко следили. Но Ленька в этот момент напрягся, покраснел, как печка, вены у него на шее набухли, и рука его медленно начала подниматься вместе с рукой Соловья. Ленька, конечно, победил. А когда отдышался, сказал Соловью с уважением в голосе: «Ну, и здоров же ты!..»

Вот после этого ребята и стали клянчить постоянно у Вовки: «Дай потаскать сеструху». Каждому хотелось иметь такие бицепсы, как у Вовки. Вовка никому не отказывал и охотно снимал Тайку с плеч: «Бери, мне не жалко». И Тайка тоже не возражала. Она с удовольствием давала усадить себя на любые плечи, лишь бы только волосы были, чтобы держаться. Лысых и ежиков Тайка не любила. А вообще-то она была закаленная. И чего только она не испытала за свою короткую жизнь?!

Например, каждый раз, когда Вовка играл с ребятами в футбол, вместо штанги в воротах сажали на чью-нибудь куртку Тайку. Это было вдвойне выгодно: во-первых, Тайка была хорошей штангой — выше любого кирпича, во-вторых, не нужно было оставлять специально человека, чтобы смотрел за ней — Тайку развлекал вратарь: «Гули-гули». Вовка так и говорил вратарю: «Ты посматривай, чтоб не уползла». И нападающим: «Вы, ребя, того... поосторожнее в левый угол». «Ладно»,— говорили ребята и никогда не попадали в Тайку... Пока однажды сам Соловей не влепил мячом прямо в лоб своей сестренке. Хорошо еще, что мяч у нас был резиновый. Тайка раскрыла рот до ушей и зашлась. Но тут откуда ни возьмись вынырнул Жорка Мамалыга, натянул на себя самый настоящий противогаз с гофрированным шлангом и начал выделывать такие кульбиты, что Тайка сразу же передумала плакать, забыла. Так и осталась сидеть, ошарашенная, с открытым ртом. А потом потянулась к противогазу обеими руками. Напялили мы на нее противогаз, и Тайка наша совсем разошлась. Пугая нас, она размахивала хоботом и мычала от удовольствия. Мы, конечно, шарахались «от страха». И через несколько минут игра продолжалась. «Ребя,— предупреждал снова Вовка,—осторожнее в левый»,— и кивал на Тайку, которая продолжала возиться с противогазом.

Как-то во время одной такой футбольной встречи, когда наша Тайка честно несла свою вахту вместо штанги, я вдруг заметил, что неподалеку от нас прохаживается какой-то дядька в берете, весь обвешанный фотоаппаратами, и подозрительно косится в нашу сторону.

Мне сразу же не понравился этот тип, и я хотел было предупредить ребят, но он в это время присел вдруг на одно колено, щелкнул несколько раз и убежал.

А через два дня в городской газете появилась большая фотография, под которой была надпись: «Эй, вратарь, готовься к бою!» И еще ниже надпись совсем мелкими буквами: «Весенний фотоэтюд, подсмотренный нашим фотокорреспондентом на одной из одесских полянок».

И все сразу узнали на фото и Жорку Мамалыгу — он стоял в воротах, чуть согнувшись, как заправский вратарь, и Тайку — она сидела на месте левой штанги, и Соловья — он как раз в это время готовился пробить по воротам.

Тайка наша была героем дня. «Эй, вратарь, готовься к бою!» Да разве нашелся бы в то время в Одессе хоть один мальчишка, который бы не распевал эту песенку из кинофильма «Вратарь»!

Мы сразу же дали Тайке прозвище «Карасик». К обеду слава о ней уже гремела на других улицах. Во двор к нам толпами приходили незнакомые ребята, чтобы хоть одним глазком взглянуть на нашего Карасика. Сколько игрушек натаскали в тот день Тайке!? А конфет?! Если бы мы ей не помогали, Тайка наверняка в тот день заработала бы золотуху.

Вовкина мать тоже развернула газетку в обеденный перерыв у себя на работе. И вот, когда мы сидели возле Толяшиной голубятни с газетами в руках и нежились в лучах неожиданно свалившейся на нас славы, Вовкина мама вбежала во двор. Еще издали, увидев среди нас Тайку, которая преспокойно сосала длинную, как карандаш, конфету, она облегченно вздохнула, подошла к нам и коротко сказала Вовке: «Домой».

С того дня Тайка больше не участвовала в футбольных сражениях. А Вовке почти неделю пришлось носить поверх майки рубашку, пока не исчезли со спины красные полоски от ремня. Не повезло Вовке: если бы его отец был в это время дома, то мать Вовку пальцем бы не тронула. Вовку батя ни разу в жизни не ударил. И матери не разрешал. Он был добрый, дядя Паша. Добрый и большой. Он мог, например, носить Тайку прямо у себя на ладони. Посадит на ладонь и носит. И Тайка сидит себе, как принцесса. Только ногами, знай, помахивает. Такая ладошка была у дяди Паши.

Работал он грузчиком в порту. И хотя дядя Паша никогда не ходил «за Босфор», то есть в дальнее плавание, его знали моряки Пирея и Амстердама, капитаны Филадельфии и Шанхая, боцманы Лондона и Марселя. Почти во всех портовых городах мира знали моряки нашего дядю Пашу. Орден Ленина был у дяди Паши. И портрет, на котором дядя Паша сурово супил брови и совсем был непохож на себя, висел на доске почета возле центральной проходной порта на Таможенной площади. Здесь же, в большом пятиэтажном здании таможни с длинными прохладными коридорами, был у дяди Паши свой кабинет, в котором он два раза в неделю принимал избирателей: дядя Паша был депутатом Верховного Совета УССР.

Мы с Вовкой часто сидели в кабинете у дяди Паши во время приема. «Только тихо, жуки, без шороха»,— предупреждал он нас, и мы с Вовкой замирали в уголке на стуле.

Знаменитый отец был у Вовки.

Помню, однажды к нам во двор вошел иностранец. В берете и с фотоаппаратом через плечо. На ломаном русском языке он начал выспрашивать нас: «Где есть товарищ Зелевьев, член парламент?» Берет и фотоаппарат мы встретили настороженно: еще помнили случай с фотоэтюдом «Эй, вратарь, готовься к бою!». Мы угрюмо отмалчивались. Иностранец вспотел и чуть язык себе не сломал, втолковывая нам, чего он хочет. В это время во двор спустился Ганс Карлович. Он сразу же нашел с иностранцем общий язык, объяснил ему, что депутат Верховного Совета (а не парламента) Павел Степанович Соловьев (а не Зелевьев) живет вон в той квартире, внизу, и что, кстати, он сейчас дома. «Проводить вас, мосье?»

Ганс Карлович проводил иностранца к дяде Паше, да так и остался там. Видно, вместо переводчика.

Мы гурьбой столпились у окон Соловьевых. Вышел Вовка, отогнал нас: «Свет застите!» — и снова ушел к себе домой, слушать, о чем там батя с иностранцем толкует. И только часа через два он появился во дворе вместе со взрослыми — вышел проводить гостя.

Во дворе иностранец увидел Толяшину голубятню, на которой сидели разноцветными рядами «дикари», и воскликнул:

— Ой-о! Элегант! — вскинул фотоаппарат и щелкнул Толяшину голубятню на память. Затем, обернувшись к дяде Паше, указал сначала на «дикарей», потом на полуподвальные окна Соловьевых и произнес с укором:

— Пижон, голуб, живьет люче депутат парламент... Це-це-це.— Он подергал Тайку, которая сидела на руках у дяди Паши, за мизинец левой ноги.— Мадемуазель нада сольнышка...

— Ничего, товарищ Левьер,— сказал дядя Паша,— солнышка у нее и так достаточно, у нашей мадемуазель. Да, Таюшка? — И Тайка согласно кивнула головой. — А квартиру мы в недалеком будущем получим. Только после тех, кто в ней нуждается больше нашего. Мы ведь с вами коммунисты, товарищ Левьер. Переведите, пожалуйста, Ганс Карлович.

— Но! Но! Не нада перевод! Я понимай так! — вскрикнул Левьер. — Я понимай!

— Очень рад, что вы меня поняли, товарищ Левьер,— сказал дядя Паша.

— О да, да,— закивал головой иностранец и затряс обеими руками дяди-Пашину руку.— Я расскажу о вас в нашей «Юма», я расскажу Торезу! Вы есть настоящи депутат! Коммунист!

Вовка нам потом объяснил, что это был француз и что «Юма» — газета французских коммунистов «Юманите», а Торез — самый главный руководитель французских рабочих.

Знаменитый отец был у Соловья. Большой, знаменитый и добрый.

Правда, не ко всем он был добрый. Помню, как-то во двор к нам забрели два пьяных биндюжника с красными бычьими шеями. Они сорвали замок с Толяшиной голубятни и начали гонять «дикарей» по двору. А один... Об этом я лучше помолчу.

Дело было в субботу. И дядя Паша в это время как раз возвращался с работы. Недолго думая, он сгреб обоих биндюжников и уволок в сарай, запер их там на всю ночь.

На следующий день, в воскресенье, один из них кряхтел, починяя Толяшину голубятню, а другой подмел сначала все соринки во дворе, а потом, краснея от стыда, убирал дворовый туалет.

Дядя Паша сидел у подъезда, покуривал в ладонь и наблюдал за работой. Потом он проверил сделанное, улыбнулся и сказал: «Молодцы, хлопцы, умеете работать. Топайте теперь по своим делам.— И добавил: — Если в следующее воскресенье будет желание, заходите: дело всегда найдем».

Такой был дядя Паша.

«...кто бы мог спасти сегодня Дору, так это дядя Паша,— подумал я и расправил занемевшую ногу.— Но где он? Колотит, наверное, фрицев так, что от них только перья летят. Эх, жаль, нет его сейчас в Одессе. И Доры Цинклер уже нет». Я посмотрел в сторону парадного, откуда вынесли сегодня Дору, и кожа на моих руках сразу же покрылась гусиными пупырышками. Потом я перевел взгляд на окна Ганса Карловича: они все так же висели на одних шурупах.

Я вспомнил, как Дина Ивановна взяла сегодня в оборот того полицая, и мне стало легче: «Будет завтра фонарем светить, скотина!» Я быстро-быстро потер ладонями руки, и пупырышки разгладились. Я вспоминал про Ганса Карловича и Дину Ивановну и успокаивал себя: «Ничего им не сделают. Ведь Дору Цинклер, за которой приезжали, все равно убили. А Ганса Карловича отпустят. Он же немец. Самый настоящий немец. Ганс Карлович Штольх. Он поговорит с ними на своем немецком, и они его отпустят. И Дину Ивановну тоже. Она ведь жена. А все-таки здорово они того полицая! И откуда только у Ганса Карловича смелость взялась? Ну, Дина Ивановна—это понятно: она всегда, как говорил Ганс Карлович, «командовала парадом». Но откуда у самого-то Ганса Карловича набралось столько смелости?»

Ганс Карлович был парикмахером. Работал он один в маленькой парикмахерской неподалеку от нас. Два дома, между которыми втиснулась его парикмахерская, были высокие, четырехэтажные. Где-то вверху между ними голубела узкая полоска неба, и казалось, что дома эти в один прекрасный день сдвинутся и от парикмахерской останется только мокрое пятно да вывеска с белыми буквами на темном фоне.

Перед узкой дверью в парикмахерскую стояло деревянное сооружение с узорными перилами и тремя истертыми от времени ступеньками. Летом дверь всегда была распахнута настежь.

Зимой Ганс Карлович обивал дверь войлоком и прилаживал к ней хитрую пружину со штангой. Так что, если посетитель, с трудом оттянув дверь, входил в парикмахерскую, она за ним мягко, но плотно захлопывалась, и не было ему назад хода: Ганс Карлович любил посетителей. Но зимой я плохо запомнил Ганса Карловича: зимой в маленькой, тесной парикмахерской народу не продохнешь. И зимой нас там не особенно жаловали: подстригут — и за дверь. И вот летом я узнал Ганса Карловича поближе. Последним предвоенным летом.

В конце апреля, перед майскими праздниками, желающих подстричься было особенно много, и перед ступеньками в парикмахерскую выстраивалась длинная очередь. Ганс Карлович распахивал настежь дверь, ставил возле крыльца на тротуаре длинную деревянную лавку, вешал над входом марлю от мух, и тогда мы знали: в городе наступило лето. Еще не отцвели акации, и каштаны только начинали выпускать свои белые свечки, еще будут прохладные дожди с громом и молниями, еще по календарю весне принадлежал целый месяц, но мы уже знали: лето началось. А как же иначе, ведь марля Ганса Карловича на месте. Исчезнет марля, захлопнется дверь — наступит осень. Так было всегда.

Но в этом году Ганс Карлович снял с двери пружину уже после майских праздников. И неспроста. Это был тревожный год. Разговоры только и были о Германии, о Гитлере, о коричневой фашистской чуме.

Часами Ганс Карлович мог толковать с посетителями о политике. Но разве поговоришь с клиентом «за международную обстановку», если у того голова скособочена и вместо слов вырывается какое-то бульканье. Другое дело—обслуживать клиента и разговаривать с очередью. Но это зимой, когда очередь покорно сидит в теплом, хотя и тесном помещении.

А летом? Летом особенно не поговоришь. Вот почему в то лето Ганс Карлович так долго не хотел снимать с двери пружину и выпускать очередь на тротуар. Теперь ведь ему приходилось делать одновременно два дела: обслуживать клиента и в то же время то и дело тыкаться носом в марлю над входом, чтобы поддержать беседу на скамье. «...Значит, эти бандиты кинулись на Францию? Да, да, да... А почему бы нам не помочь полякам и чехам? Вы не имеете, что сказать? Я тоже. Нет, я все-таки скажу: в Париже они, может быть, и пообедают, но у нас...— Ножницы в парикмахерской переставали звякать, и сквозь марлю просовывался на улицу кукиш Ганса Карловича. Большой палец пошевеливался.— У нас эти субчики сломают себе зубы, если только сунутся. Москва не Париж. И Одесса тоже. Пусть только сунутся, мы им начешем холку». «Верно, Ганс Карлович, начешем»,— соглашалась очередь. И Ганс Карлович одобрительно хмыкал: он видел, никто не считает его чужаком.

Правда, в последнее время стали мы замечать, что Ганс Карлович не шел, как обычно, домой после работы, а сворачивал в сторону Привоза, к винным будочкам, к «бодэгам» (бодэга — это румынское слово, и означает оно что-то наподобие закусочной).

Ганс Карлович присаживался на пузатую бочку рядом с прилавком и показывал «красному носу» вытянутый палец: «Налей, камрад». И «камрад» наливал.

После первого стакана кончик носа у Ганса Карловича едва заметно краснел. После второго Ганс Карлович говорил уже «в полтона выше», требуя внимания ото всех, кто находился в «бодэге». Его слушали и улыбались, так как после третьего стакана Ганс Карлович начинал путать русские слова с немецкими. После четвертого стакана появлялась Дина Ивановна. Сначала она шла за прилавок «потолковать» с «красным носом», то есть давала хорошенькую взбучку за то, что «спаивает слабохарактерных людей», потом поднимала Ганса Карловича с бочки и пыталась увести.

Ганс Карлович сопротивлялся и стучал стаканом о прилавок: «Я пи! Пу! И бу пи!» — Что означало: я пил, пью и буду пить...— «Налей, камрад!» — Ганс Карлович протягивал стакан, но «камрад» косился на Дину Ивановну и прятал руки за спину.

«Ну, когда же ты пил, дурачок? Ну, когда? Пошли, Карлуша!» — Дина Ивановна знала, как действовать: лаской. Она так и говорила маме: «Этого черта, кроме как лаской, ничем не возьмешь». И Ганс Карлович сдавался. Против ласкового обращения он не мог устоять. Он аккуратненько переворачивал стакан вверх дном на прилавке и покорно давал себя увести. Спотыкаясь, Ганс Карлович плакал у жены под мышкой — он был на голову ниже Дины Ивановны — и говорил, что ему стыдно «за свою нацию».

На следующий день Ганс Карлович как ни в чем не бывало суетился в парикмахерской и, чтобы поддержать разговоры «за международную обстановку», тыкался в марлю, показывал кукиш и кричал: «Мы им начешем...» А вечером Дина Ивановна снова находила его в «бодэге». С Гансом Карловичем творилось что-то непонятное. Дело дошло до того, что Дина Ивановна вынуждена была обратиться в домком с просьбой, чтобы на Ганса Карловича повлияли и «дали хорошую вздрючку».

«Вздрючка» должна была состояться в воскресенье, двадцать второго июня. На повестке дня была голубятня Толяши Стояновича и «недостойное поведение тов. Штольха Г. К.». Но, как вы уже знаете, заседание это не состоялось: его отложили на будущее.

Двадцать второго июня Ганс Карлович впервые за много лет не открыл парикмахерскую. Он захватил с собой какие-то документы, в которых подтверждалось, что он, капрал Штольх, вполне владеет огнестрельным оружием. Не забыл Ганс Карлович и ордена, которыми он был награжден еще в первую мировую войну (тогда он воевал на стороне своих земляков-немцев против русских), и с утра побежал в военкомат.

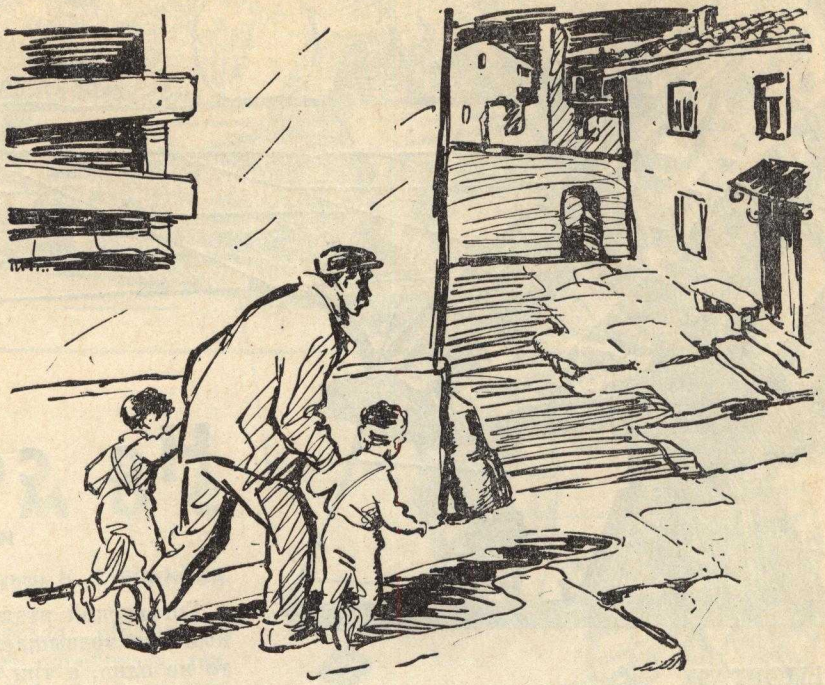
На ордена в военкомате посмотрели с уважением. Но... Гансу Карловичу было уже почти шестьдесят, и руки у него были тонкие, детские, с набухшими венами, а рана, которую он получил еще «в русской кампании», каждый раз в непогоду мучительно ныла.

Так что из военкомата Ганс Карлович вернулся расстроенный. Спрятал ордена в красную шкатулку и с тех пор с утра до позднего вечера принимал клиентов в парикмахерской. А клиентов у Ганса Карловича было хоть отбавляй: волосы у всех отрастали по-прежнему, а парикмахерских в городе с началом обороны стало намного меньше.

Краснофлотцев и солдат Ганс Карлович стриг бесплатно: «Это в фонд обороны».

Когда немцы вошли в город, Ганс Карлович снял зеркало, забрал весь инструмент и парикмахерскую закрыл. Даже кресло он уволок к себе домой. «Чтоб я стриг этих шарлатанов?! Скорей у меня руки отсохнут!»

И вот сегодня Ганса Карловича и Дину Ивановну увезли на этой душегубке. Увезли за то, что они прятали у себя Дору Цинклер. Бедная Дора, и кто только не прятал ее в нашем дворе! Но Жиздра каждый раз вынюхивал, выслеживал. И ей приходилось все время переходить с близнецами от одних жильцов к другим. Была она и у нас несколько дней и вдруг ушла ни с того ни с сего: «У вас, Раиса Ивановна, у самой двое на руках. Не хочу подвергать вас опасности».

Дед Назар повел близнецов в парадное.

А потом Жиздра затих, и все подумали, что он наконец оставил в покое Дору и ее детей. Не оставил. Выдал в самом конце... Ладно, Жиздра, запомним. Все запомним. Я снова потер ладонями по рукам, разглаживая пупырышки.

Небо посветлело. Звезды пригасли, и луна спряталась за крышу. Сон подкрался ко мне, обнял за плечи, и я хотел было уже слезать с подоконника, как вдруг услышал во дворе тихий скрип. Я быстро протер глаза и увидел, как дверь Толяшиной голубятни медленно приоткрылась. Из голубятни показалась темная сгорбленная фигура. Вот она выпрямилась, и я узнал деда Назара. Уф, напугал дед.

Дед Назар остановился. Долго и внимательно смотрел он в сторону затемненных окон Жиздры, прислушивался. Затем он протянул руки в голубятню и вывел из нее двух человечков. Это были Мишка и Ося. Держась вдоль стены, дед Назар медленно провел близнецов в свое парадное.

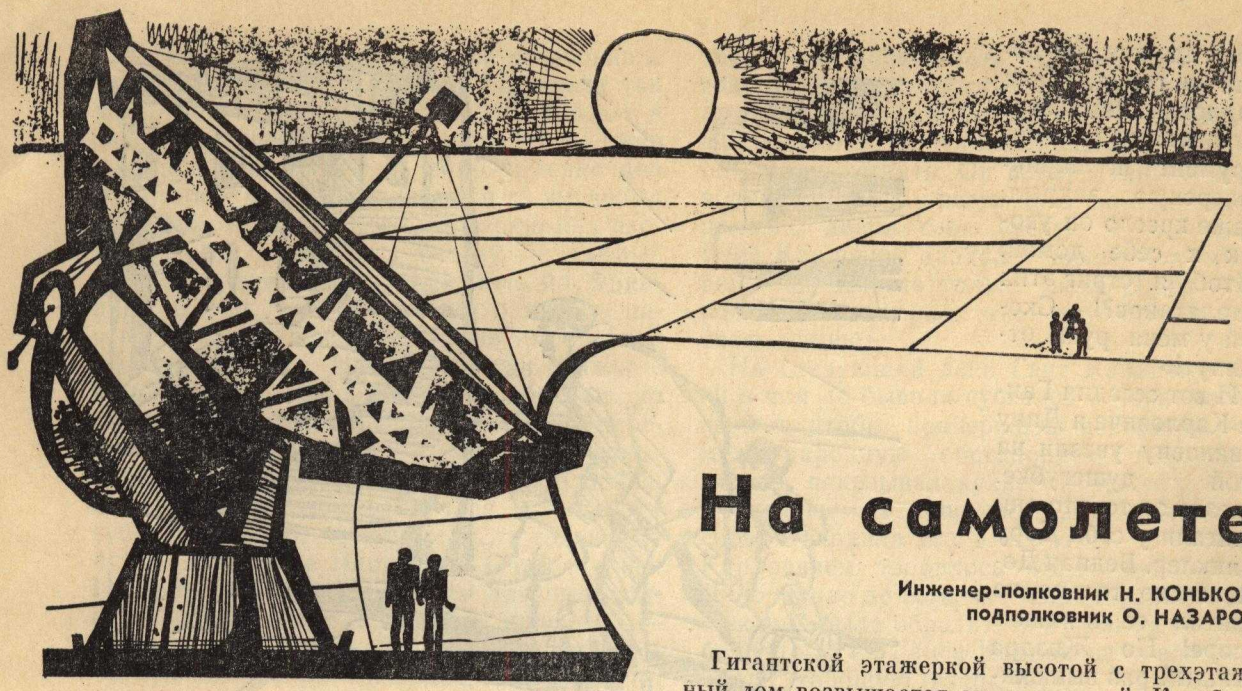
Так вот куда они исчезли! Ну и дед! Молодчага! Я слез с подоконника, закрыл окно и, перемахнув через Леньку, нырнул под одеяло.

И опять сон ушел от меня. Я лежал и думал почему-то о тех людях, которые раньше жили в этой квартире. А жили здесь когда-то артисты цирка. Не запомнил я их потому, что жизнь у цирковых артистов, как у моряков, кочевая, все время в разъездах. Но когда-то они жили в этой квартире. Это точно. Потому что когда мы перебрались сюда, то нашли здесь много разноцветных цирковых афиш. Афиши были разные, но на каждой была нарисована одна и та же женщина в блестящем чешуйчатом костюме. На одних афишах эта женщина парила в свете прожекторов, на других — она стояла на тонкой проволоке под самым куполом цирка и улыбалась. И на каждой афише было одно и то же имя — Алиса Гурман.

Одну из таких афиш Ленька взял и приклеил к двери.

Я лежал и смотрел на Алису Гурман. Она улыбалась мне в полумраке. И, уже засыпая, я подумал, что хорошо бы сейчас увидеть во сне цирковое представление с клоунами, дрессированными слонами и бесстрашной Алисой Гурман под самым куполом цирка.

Продолжение в следующем номере.

На самолете

Инженер-полковник Н. КОНЬКОВ,
подполковник О. НАЗАРОВ

РЕПОРТАЖ

ИЗ НЕДАЛЕКОГО

БУДУЩЕГО

Рано утром мы приехали на аэродром. Перед нами невысокое здание командного пункта, рядом с ним на башнях — огромные сферические чаши — антенны космической связи. Через летное поле пролегла широкая бетонная полоса, уходящая далеко к горизонту. Здесь берут старт самолеты, способные улететь за сотни километров от Земли — в космос, к искусственным спутникам и космическим станциям.

Сегодня и мы отправляемся в космос...

После медицинского осмотра переодеваемся в скафандры — легкие, серебристого цвета, сделанные из особо прочного материала. Наши костюмы снабжены системами вентиляции, подогрева, кислородного оборудования. На груди у каждого небольшой пульт с кнопками управления.

— Это на всякий случай,— объясняет нам бортовой инженер.— Кабина герметическая, но всего ведь не предусмотришь. Метеорит может попасть, какая-нибудь неисправность произойдет при стыковке с платформой станции...

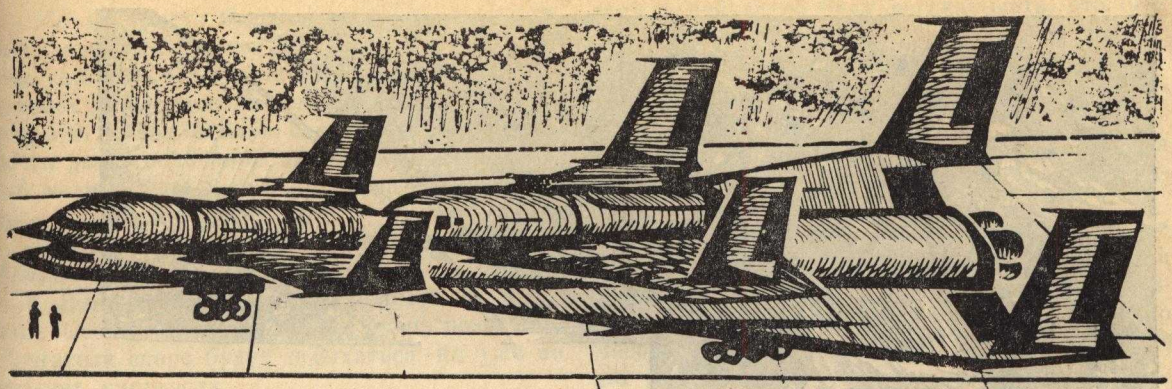
Закончив «космический туалет», идем к небольшому открытому автобусу. Он везет нас прямо к самолету.

Гигантской этажеркой высотой с трехэтажный дом возвышается он над землей. Как будто не одна, а три машины водружены друг на друга. На земле стоит только один, самый большой самолет. Он и поднимает в воздух все это сооружение. На нем второй самолет, поменьше. Его задача — набрать необходимую скорость в верхних слоях атмосферы с тем, чтобы передать ее третьему самолету, который и закончит полет в космосе после стыковки с платформой космической станции.

Весит все это сооружение сотни тонн. А так как основная работа приходится на долю нижней машины, весь ее громадный фюзеляж заполнен горючим. А крылья! Вот почему они такие огромные. Машине нужна большая подъемная сила. Ведь два верхних самолета поднимаются до разреженных слоев атмосферы, не включая двигателей — так сказать, «на иждивении» нижнего.

Бортинженер попросил нас отойти подальше, чтобы мы смогли получше разглядеть «второй этаж» удивительного летающего сооружения. Теперь хорошо видно средний самолет: он очень похож на нижний, но меньше сам, меньше у него и крылья.

Зато третий, космический, не похож на них. Он темного цвета. Крылья у него есть, но небольшие, треугольные, как у сверхзвукового истребителя-перехватчика. Они ему понадобятся не в космосе, а всего лишь при возвращении на Землю и при посадке — для устойчивости. Первые два самолета с громадными крыльями — разгонщики. Они, попросту говоря, забросят своего меньшого брата на космическую орбиту, а сами один за другим вернутся домой.

В КОСМОС

Рисунки Н. СТЕПАНОВА.

— Ну, нам пора,— прервал объяснения бортинженер.— Скоро начнут опробовать двигатели. Все три экипажа уже на своих местах.

Наш разговор прервал голос диктора:

— Внимание! Начинается предполетный осмотр самолета.

...Несколько лет тому назад мне пришлось наблюдать предполетный осмотр. Летчик обошел вокруг машины, заглянул в сопло, лючки, посмотрел на шасси. Но как быть сейчас, как осмотреть эту махину — три громадных самолета? Исправны они или нет? В порядке ли двигатели? Как работает бесчисленное множество приборов и автоматов? Наверное, придется ползать по стремянкам...

Но все оказалось гораздо проще. Для осмотра летчику даже не пришлось выходить из кабины, он только внимательно смотрел на телевизионный экран, заменяющий ему приборную доску, и слушал объяснения диктора. На экра-

не все время менялись изображения. Вот ожили, задвигались телескопы астроориентаторов, антенны радиоаппаратуры. Появились изображения сложнейших блоков. В это время послышался мощный гул: заработали двигатели первого самолета-разгонщика. Они медленно, но верно набирали нужные обороты. На пульте перед пилотом замигали красные, зеленые и желтые лампочки. Автоматика работала нормально. Шум усилился: двигатели набрали максимальные обороты.

— Проверка окончена, — услышали мы спокойный голос диктора.

До взлета осталось совсем немного времени. Мы спешим осмотреть «второй этаж» — перебираемся в кабину космического самолета. Перед каждым креслом установлены небольшие пульты управления.

— Автоматы микроклимата,— спешит закончить свои объяснения бортинженер.— Этой рукояткой можно регулировать температуру и влажность воздуха.

Мы уселись в кресла. Автоматические захваты плотно прижали тело. На правом подлокотнике видны светящиеся надписи: «Катапультирование», «Инструмент», «Медикаменты», «Парашют», «Пища», «Приемопередатчик»... Слева тоже надписи, но мы не успели их прочитать: прозвучал сигнал приготовиться к старту.

Несколько томительных секунд — и самолет плавно начал разбег. Момент взлета мы не уловили, только через некоторое время заметили, что прекратились короткие толчки. В машине тихо, грохота двигателей не слышно.

На мгновение потемнело за иллюминаторами: пробили небольшую облачность. Потом яркой вспышкой засияло солнце. Кажется, совсем недавно взлетели, а бортинженер уже говорит:

— Внимание, нужную высоту набрали. Первый разгонщик сейчас будет отцепляться и пойдет на посадку. Ну, конечно, вы представляете, что такое скорость звука: километр он проходит за три секунды. Наш самолет проходит сейчас километр за секунду! Три скорости звука! Сейчас нас покинет первый самолет-разгонщик. Он израсходовал свое топливо и стал теперь балластом для нас. Через некоторое время летчик посадит его на аэродроме, а наш корабль станет значительно легче.

...Мы на высоте более пятидесяти километров — начали работать мощные двигатели второго самолета-разгонщика. Они разгоняют наш самолет до скорости, в семь раз превышающей скорость звука! Каждую секунду мы пролетаем почти два с половиной километра! Но до первой космической — чтобы оторваться от земли — еще далеко...

— Значит, мы еще не покинули нашу Землю?

— Пока нет, хотя уже находимся на большой высоте — там, где воздух очень разрежен. Двигатели скоро будут задыхаться: им уже не хватает кислорода.

— И что же дальше?!

— Освободимся от второго самолета-разгонщика и налегке помчимся дальше. Начнут работать другие двигатели — жидкостно-реактивные, которые снабжены и окислителем и горючим. Эти двигатели помогут кораблю разогнаться до орбитальной скорости, при которой он сможет преодолеть притяжение Земли и выйти на самостоятельную орбиту.

Все темнее становится небо. Сначала оно было голубым, потом темно-синим, а сейчас почти черное, как ночью. Ясно видим звезды.

— Отделился второй...— Бортинженер не успел окончить фразу. Резкий рывок прижал нас к сиденьям, стал слышен приглушенный рев двигателей: заработали основные, космические.

Невесомость пришла неожиданно. Первое впечатление — что мы летим вверх ногами. Но это быстро прошло. Теперь кажется, что мы стремительно падаем... Вскоре и это ощущение исчезло. Наступила необычайная легкость. Совершенно не чувствуешь вес своего тела. Приятное, ни с чем не сравнимое состояние!

Мы в космосе! Приближается момент встречи и стыковки с орбитальной станцией, но об этом я сейчас не буду рассказывать, это особая тема...

Итак, задание выполнено. Пора возвращаться домой. Но впереди очень ответственный момент.

Самолет с космической скоростью мчится вокруг Земли. Где та «тропинка», которая приведет нас к дому?

На горизонтальном экране — изображение Земли. Маленькая светящаяся точка — наш аэродром. Вторая, движущаяся точка — космический самолет. Вспыхивают линии. Подобно часовой стрелке, светящаяся полоска движется по экрану.

Но вот перед летчиком ожил молчавший до сих пор вертикальный экран. На нем появились изображения шкал приборов, запестрели линии, цифры. Это заговорила с летчиком наземная система, обеспечивающая возвращение космического самолета. Она сообщала летчику необходимые данные.

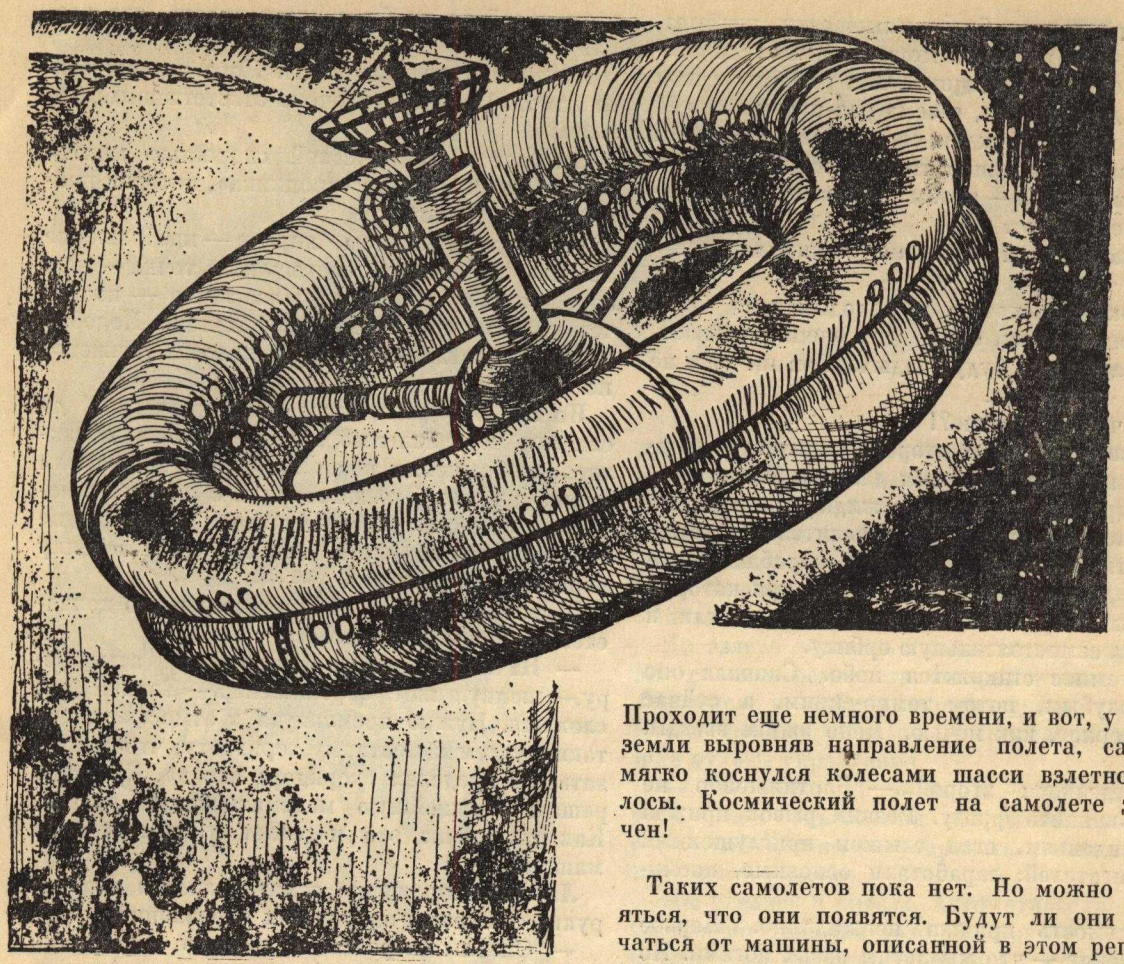
В этот момент мы почувствовали, что кончается состояние невесомости.

— Начали маневр входа в атмосферу,— шепнул нам бортинженер.— Задача это сложная. Нужно проникнуть в атмосферу под таким углом к местному горизонту, чтобы оказаться в пределах «коридора входа». Придется решать сложнейшую математическую задачу. Как раз сейчас это и делает вычислительная машина.

Летчик напряженно всматривался в экраны, руки его лежали на рычагах управления.

— Опасны перелет и недолет,— негромко продолжал бортинженер, оглядываясь на летчика.— Перелет — это слишком пологий вход в атмосферу. Тогда наш самолет со сверхорбитальной скоростью не удержится в атмосфере и снова уйдет в космос. Недолет — тоже плохо. Самолет круто входит в атмосферу, погружается в нее слишком глубоко. Резко возрастает

перегрузка, и самолет начинает сильно перегреваться. И тогда может произойти катастрофа: страшная сила вдавит голову человека в плечи и так прижмет тело к креслу, что не выдержит и согнется позвоночник. Кровь отольет от головы, в глазах потемнеет. Далеко не каждый перенесет такую перегрузку... А самолет? Он не выдержит громадного теплового нагрева и сгорит, как метеор...

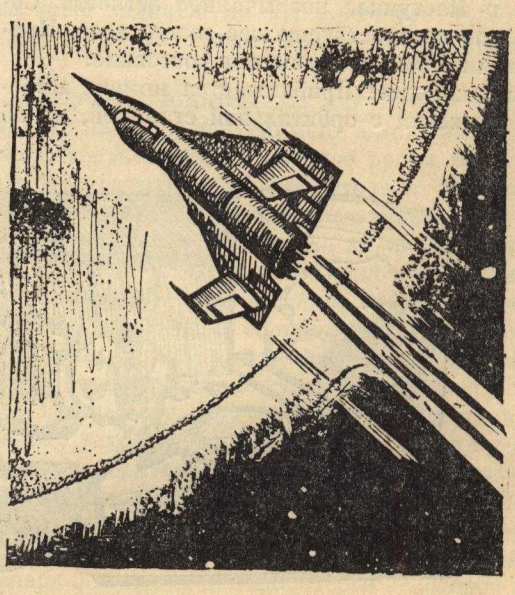
Но тут летчик обернулся к нам и улыбнулся, как школьник, успешно решивший геометрическую задачу. Исчезла напряженность в его позе. Руки свободно легли на пульте.

— Все в порядке! — сказал бортинженер.— Самолет вышел, как принято у нас говорить, на траекторию установившегося планирования. Теперь его поведет автопилот.

Вскоре далеко впереди и внизу показались знакомые башни с антеннами космической связи, маленький прямоугольник командного пункта. Наш самолет продолжает снижение.

Проходит еще немного времени, и вот, у самой земли выровняв направление полета, самолет мягко коснулся колесами шасси взлетной полосы. Космический полет на самолете закончен!

Таких самолетов пока нет. Но можно надеяться, что они появятся. Будут ли они отличаться от машины, описанной в этом репортаже, вы увидите сами, когда отправитесь на самолете в космос.

Толя уходит на границу

Те, кто не первый год читает «Пионер», уже видели один из этих снимков — московский школьник Толя Ямнов со своим Амуром. Снимок был сделан в Москве, на Ленинских горах, где у ребят, членов Клуба юных собаководов, построена тренировочная площадка.

Прошло несколько лет, и вот перед нами новый снимок: тот же Толя, тот же Амур, только снимок сделан в пограничной части...

Здесь, в этой части, два года назад Толя гостил вместе с другими кюсовцами. Ребята и раньше переписывались с курсантами пограничной школы, знали, что здесь проходят подготовку будущие инструкторы служебных собак, а потом, закончив курс, разъезжаются по пограничным заставам.

Кюсовцы жадно учились мастерству у пограничников, выезжали с курсантами на тренировки, перенимали навыки следопытской работы с собакой. Показал Толя воинам и своего в то время еще совсем молодого Амура, продемонстрировал его «работу»...

Тогда и пришло к Толе это решение — пойти служить на границу. Когда-то он первым в клубе передал свою собаку Урана для охраны особо важных объектов, и с тех пор кюсовцы подарили воинам двадцать четыре собаки. Но на этот раз Толя решил по-другому: подготовить Амура для границы, но не передавать его другим, а самому пойти служить в пограничные войска.

Четыре года занимался Толя служебным собаководством. Амур каждый год получал все новые медали и жетоны за отличную работу, первым выходил в самых трудных состязаниях.

Все это время Толя переписывался с сержантом Михаилом Николаевым, курсантом той самой пограничной школы. Его дружеская поддержка и советы помогли Толе серьезно подготовиться к службе.

И вот в альбоме кюсовцев появляются первые фотографии рядового Анатолия Ямнова с Амуром, а ребята перечитывают письма, пришедшие из пограничной школы. Не так давно вместе с делегацией пограничников Толя приезжал в Москву к друзьям-кюсовцам на празднование 49-й годовщины Октября.

А обратно в часть вместе с пограничниками уехали еще шесть овчарок, воспитанных кюсовцами...

Л. ШЕРЕШЕВСКАЯ

О ДОБЛЕСТИ И СЛАВЕ

Стихи Константина СИМОНОВА

Сегодня вы познакомитесь с несколькими стихотворениями Константина Симонова — малой частицей того, что сделано им в нашей литературе за тридцать лет. Стихи, поэмы, романы, повести, рассказы, пьесы, очерки, публицистические статьи...

Симонов написал очень много, а пишет он, казалось бы, обо всем на свете. И тем не менее легко увидеть, понять главную его тему, то, что его неизменно волнует, то, чему, по существу, он и посвятил свое творчество. Главная тема многочисленных книг Симонова во всех литературных жанрах — война, армия. Его близость к этой теме объясняется и биографически: армейская среда и быт, война вошли в жизнь писателя с детства. И тем, что внимательный, чуткий писатель необычайно остро ощущал приближение страшных военных лет еще в годы предвоенные. И тем, что его не минули ни гражданская война в Испании, ни Халхин-Гол, ни финская война. Что, наконец, в годы Отечественной войны Симонов стал одним из самых оперативных, вездесущих наших журналистов. Можно сказать, что не было фронта, на котором бы не побывал военный корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов. Четыре сборника его военных очерков и рассказов «От Черного до Баренцова моря» — это итог работы корреспондента «Красной звезды» и маршруты журналиста Симонова...

Военная тема осталась главной в творчестве Симонова и после войны. Один за другим выходят его романы из циклов «Товарищи по оружию», «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются». Писатель и сейчас продолжает эту работу: он никуда не может уйти от тех страшных и героических лет, навсегда опаливших его душу.

Стихи, которые мы сегодня публикуем, написаны давно — перед самой войной и в трудный военный 1942 год. Это стихи, очень характерные для Симонова. Вы увидите в них юношескую романтику, неумирающую мечту о подвигах. И идет ли речь о Роальде Амундсене, великом исследователе и великом романтике, или о маленькой девочке, которая, как тихий василек, бродит между сабель и сапог, и в глазах ее навсегда останется «пожара отсвет голубой» и «кавалеристы на конях»,—во всех этих стихах живет чуть жестковатая, неумирающая романтика с ее мечтами о доблести и славе, зовущая к подвигам, к тому, чтобы подняться по свистку, вскинуть винтовку и бежать напрямик туда, где остались «те последних тридцать метров, где жизнь со смертью наравне!»

Ф. СВЕТОВ

■ ■ ■

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко
И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь привык он пробовать сердца.
Начав еще мальчишкою с «ньюпора»,
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытав последнего мотора.

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы...

1939.

СТАРИК

Памяти АМУНДСЕНА

Весь дом пенькой проконопачен прочно,
Как корабельное сухое дно,
И в кабинете — круглое нарочно —
На океан прорублено окно.

Тут все кругом привычное, морское,
Такое, чтобы, вставши на причал,
Свой переход к свирепому покою
Хозяин дома реже замечал.

Он стар. Под старость странствия опасны,
Король ему назначил пенсион,
И с королем на этот раз согласны
Его шофер, кухарка, почтальон.

Следят, чтоб ночью угли не потухли,
И сплетничают разным докторам,
И по утрам подогревают туфли,
И пива не дают по вечерам.

Все подвиги его давно известны,
К бессмертной славе он приговорен,
И ни одной душе неинтересно,
Что этой славой недоволен он.

Она не стоит одного ночлега
Под спальным, шерстью пахнущим мешком,
Одной щепотки тающего снега,
Одной затяжки крепким табаком.

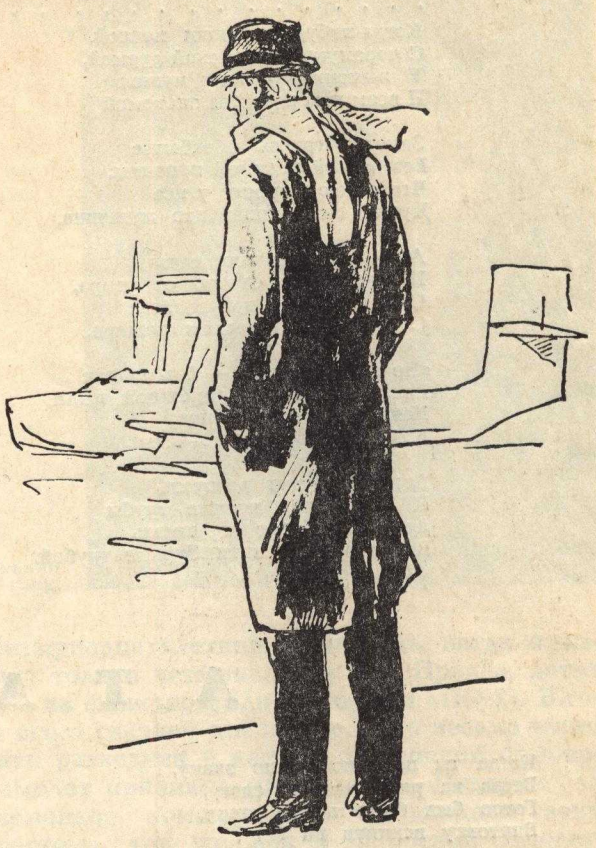
Ночь напролет камин ревет в столовой,
И, кочергой помешивая в нем,
Хозяин, как орел белоголовый,
Нахохлившись, сидит перед огнем.

По радио всю ночь бюро погоды
Предупреждает, что кругом шторма, —
Пускай в портах швартуют пароходы
И запирают накрепко дома.

В разрядах молний слышимость все глуше,
И вдруг из тыщеверстной темноты
Предсмертный крик «Спасите наши души!»
И градусы примерной широты.

В шкафу висят забытые одежды:
Комбинезоны, спальные мешки...
Он никогда бы не подумал прежде,
Что могут так заржаветь все крючки...

Как трудно их застегивать с отвычки!
Дождь бьет по стеклам мокрою листвой,
В резиновый карман — табак и спички,
Револьвер — в задний, компас — в боковой.

Уже с огнем забегали по дому,
Но, заревев и прыгнув из ворот,
Машина по пути к аэродрому
Давно ушла за первый поворот.

В лесу дубы под молнией, как свечи,
Над головой сгибаются, треща,
И дождь, ломаясь на лету о плечи,
Стекает в черный капюшон плаща.

. . . . . .

Под осень, накануне ледостава,
Рыбачий бот, уйдя на промысла,
Нашел кусок его бессмертной славы —
Обломок обгоревшего крыла.

1939.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Пожар стихал. Закат был сух.
Всю ночь, как будто так и надо,
Уже не поражая слух,
К нам долетала канонада.

И между сабель и сапог,
До стремени не доставая,
Внизу, как тихий василек,
Бродила девочка чужая.

Где дом ее, что сталось с ней
В ту ночь пожара — мы не знали.
Перегибаясь к ней с коней,
К себе на седла поднимали.

Я говорил ей: «Что с тобой?»
И вместе с ней в седле качался.
Пожара отсвет голубой
Навек в глазах ее остался.

Она, как маленький зверек,
К косматой бурке прижималась,
И глаза синий уголек
Все догореть не мог, казалось.

. . . . . .

Когда-нибудь в тиши ночной,
С черемухой и майской дремой,
У женщины совсем чужой
И всем нам вовсе не знакомой

Заметив грусть и забытье
Без всякой видимой причины,
Что с нею, спросит у нее
Чужой, не знавший нас мужчина.

А у нее сверкнет слеза,
И, вздрогнув, словно от удара,
Она поднимет вдруг глаза
С далеким отблеском пожара.

«Не знаю, милый».— А в глазах
Вновь полетят в дорожной пыли
Кавалеристы на конях,
Какими мы когда-то были.

Деревни будут догорать,
И кто-то под ночные трубы
Девчонку будет поднимать
В седло, накрывши буркой грубой.

1942.

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готов был броситься в атаку,
Винтовку вскинув на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,

Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Да, этим мыслям — ты им верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

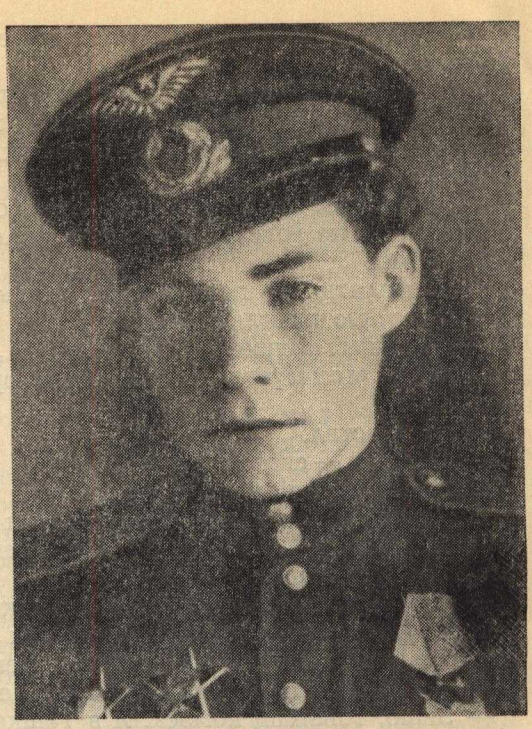
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

1942.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ЛЕТУНОК

Аркадий Каманин в 1945 году.

Аркадий Каманин... Четырнадцатилетний летчик! Да, когда Аркадий начал летать, ему было только четырнадцать лет. Правда, летал он не на боевом самолете, а на фанерном одномоторном «ПО-2». В годы войны это был прежде всего связной самолет, однако весьма часто «ПО-2» использовался и как разведчик и как легкий ночной бомбардировщик. Врагу такой самолет причинял много вреда. Недаром за каждый сбитый «ПО-2» немецкое командование награждало своих летчиков «Железным крестом», так же, как и за боевой самолет.

Полёты Аркадия были нелегкими и опасными. Часто приходилось приземляться в километре-двух от места боя. Не раз уходил его «ПО-2» от хищных «мессеров», летал к партизанам в немецкий тыл, перевозил донесения и спецпочту в штабы фронта и армии. Войну Аркадий закончил в шестнадцать лет кавалером трех боевых орденов.

В 1947 году жизнь Аркадия оборвалась внезапно после тяжелой болезни.

О некоторых эпизодах из фронтовой жизни самого юного военного летчика вам, ребята, расскажет его боевой соратник, подполковник авиации Георгий Александрович ДУБИНСКИЙ.

АРКАДИЙ СТАНОВИТСЯ ПИЛОТОМ

На фронт в штурмовой авиационный корпус Аркадий попал весной 1943 года. Наша часть находилась тогда на Калининском фронте.

Четким шагом подошел к командиру эскадрильи связи худенький, невысокий парнишка и отрапортовал:

— Рядовой Каманин, механик по спецоборудованию, прибыл в ваше распоряжение.

Отрапортовал лихо. Недаром, как я потом узнал, паренек перед этим два дня тренировался на опушке леса, обращаясь

с рапортом чуть ли не к каждому дереву поочередно.

Вид у него был еще совсем мальчишеский, и комэск не удивился, когда вызванный к нему в землянку новичок-механик спросил:

— А где же здесь самолеты?! — Конечно, ему еще не доводилось видеть полевые аэродромы.

— Самолеты? — переспросил комэск.— А ты хорошо приглядывался?

— Конечно. Бензозаправщик видел, поломанную «гончарку», а самолетов вроде нет.

Комэск встал.

— Пойдем,— сказал он коротко.

Они вышли, и комэск, показывая на подковообразные земляные валы, прикрытые маскировочной сеткой и обсаженные елочками, сказал:

— Стоянка самолетов вот в этих капонирах. Оборудование-то «ПО-2» ты хорошо знаешь или дать время на изучение?

Аркадий не подал виду, что обиделся.

— Знаю, товарищ комэск. Я в Ташкенте на аэродроме два лета в каникулы проработал, а в последнее время был механиком на авиационном заводе.

— Тогда полный порядок. Иди в свое звено, приступай к работе. Обратись к технику-лейтенанту Рыбалко.

Так началась служба. Работой на аэродроме были заполнены каждый час, каждая минута. Командир эскадрильи, инженеры, техники — все помогали Аркадию, учили, показывали. Но с него и требовали, как со взрослого. Без каких-либо скидок отвечал моторист Каманин за порученную ему работу.

Поначалу он больше всего боялся, чтобы в нем не увидели «папенькиного сыночка»: ведь в этом же штурмовом корпусе воевал отец Аркадия — прославленный генерал Николай Петрович Каманин. Поэтому Аркадий всегда брался за самую трудную, самую «черную» работу.

Но, нет, никто в нем не видел «генеральского сынка». Напротив, все удивлялись, как это новый механик, мальчишка, справляется с такими сложными обязанностями. Аркадий похудел, осунулся, но глаза его блестели. Еще бы! С каждым днем ближе и ближе становилась поставленная им себе цель — летать.

Как-то старший лейтенант Друма взял Аркадия в полет. Пролетели минут двадцать. Вдруг Аркадий осторожно тронул штурвал. Друма вопросительно посмотрел на механика: мол, что случилось? Аркадий знаками пояснил: «Дай повести самолет». Друма отрицательно покачал головой.

Но потом, набрав высоту, летчик обернулся и показал рукой: «Бери».

Аркадий повел самолет. Он ликовал. Вот оно, счастье! Вот он ведет ручку немного на себя, потом от себя, и послушный ему самолет то слегка набирает высоту, то плавно снижается.

Так, счастливый, сосредоточенный, уверенный, он управлял самолетом целых пять минут. Незабываемые пять минут! Наконец-то сбылась мечта!

Отдавая управление Друме, Аркадий вдруг закричал от восторга, растеряв всю свою сдержанность.

Друма улыбнулся и одобрительно поднял вверх большой палец.

Так у летчиков вошло в привычку разрешать Аркадию вести самолет самостоятельно. Правда, совсем понемножку. Но однажды случилось вот что.

Бомбардировщик «юнкерс» удирал от наших истребителей. Немецкий стрелок яростно отстреливался. Одна из шальных пуль попала в козырек первой кабины самолета «ПО-2», случайно пролетавшего рядом. Летчик был ранен в лицо осколками. Ослепленный, теряя сознание, он передал управление самолетом Аркадию, успев переключить на него и рацию.

Аркадий доложил обо всем командиру по радио и получил приказ: посадка запрещается.

Когда Аркадий подлетал к своему аэродрому, к его «ПО-2» подстроился поднявшийся на выручку командир эскадрильи. Он полетел рядом, сделал несколько кругов над аэродромом, подробно инструктируя Аркадия по радио, и приказал как можно точнее и быстрее повторять все эволюции его самолета.

Люди на аэродроме замерли, следя за посадкой. Крыло в крыло снижались самолеты, и вот уже оба, мягко коснувшись земли, приземлились на три точки. Может быть, долго еще пришлось бы ждать Аркадию разрешения летать, но этот случай открыл ему путь к полетам.

Прошло еще два месяца, и Аркадий стал пилотом. Сначала летал на соседние аэродромы, потом с ответственными заданиями на передовую, в тыл к партизанам, в разведку.

В нашей части мальчик получил ласковое прозвище Летунок.

НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ЗЕМЛЕ

Однажды, пролетая над передовой, Аркадий увидел подбитый штурмовик «ИЛ-2», который дымился на ничейной земле. Аркадий сделал резкий разворот — «лег на крыло» — и заметил, что из приземлившегося на нейтральной земле самолета никто не выходит. Аркадий пошел на снижение, подрулил к штурмовику со стороны наших позиций. Немцы открыли сильный минометный огонь. С трудом Аркадий вытащил из самолета летчика, раненного осколком в голову. Летчик сказал:

— Передай: Бердников задание выполнил. Если сможешь, сними с машины фотоаппарат. Отснято все полностью.

Аркадий перетащил фотоаппарат на «ПО-2». Потом вернулся к Бердникову и под огнем добрался с ним до своего самолета. Но втащить его в кабину оказалось невероятно трудно.

— Обопрись на меня,— задыхаясь, просил Аркадий.

Бердников пытался подняться, но, обессиленный, снова падал.

— Ну еще немного, ну постарайся! Одному мне не поднять тебя.

Несколько раз Аркадий пробовал посадить летчика, и, наконец, когда Бердников схватился за край кабины и, преодолевая боль, подтянулся, Аркадий приподнял его и, уже потерявшего сознание, положил на сиденье. Аркадий еле дышал от усталости. Прислонившись к самолету, он снял с головы шлемофон, вытер пот с лица и окинул взглядом изрытое снарядами поле.

Как тут взлетишь!.. А надо, надо!..

Аркадий не знал, что все это время за ним с волнением наблюдали из ближнего леса наши солдаты. Они собрались возле танков, замаскированных ветками. Солдаты просили командира:

— Разрешите подобраться к самолету на выручку.

Но как можно было разрешить! Ведь враг мог тогда обнаружить спрятанные танки.

К группе танкистов и пехотинцев подошел командир полка.

— Почему не в укрытии? Что, там для вас спектакль показывают?

Но, увидев самолет, поднес к глазам бинокль.

— А ведь это та шестерка, которая только что у нас была,— сказал он.— Самолет связи...

Что делать? Танки должны скоро выступать, но не раньше установленного срока. Демаскируешь танки — можешь сорвать все наступление.

Полковник приказал радисту:

— Узнайте у штурмовиков, могут ли на десять минут,— он посмотрел на часы,— ускорить вылет. Передайте: «На вынужденной посадке, в нейтральной полосе, ближе к немцам, находится десятка, красный номер. Рядом с ней приземлилась шестерка. Передал «Гром-4». Жду ответа».

Зазвучал зуммер радиостанции. Радист доложил:

— Отвечают: «Гром-4», первый эшелон вылетел. Окажите помощь на вынужденной. «Ястреб-2».

Полковник отдал приказ:

— Начинаем атаку. Сообщите артиллеристам. Экипажи, по машинам!

Аркадий тем временем залез в кабину и внимательно осматривал поле, изрытое, все в ямах и воронках от снарядов и мин. Пригоден для взлета был только один кусочек земли, но и там, в конце, огромная воронка от снаряда.

А ждать нельзя: обстрел не прекращался.

В этот момент над головой Аркадия с воем и свистом понеслись на позиции немцев тысячи снарядов. Заговорил «бог войны». Наши! Нет, теперь взлетать нельзя. После артиллерийского налета Аркадий услышал, как понеслись штурмовики, и тут же из леса, сбрасывая маскировочные ветви, вырвались танки. Когда первые танки прошли, Аркадий поднял в воздух свой самолет — это потребовало огромного мастерства! — и потянул на бреющем за лесок.

По радио он услышал голос генерала Байдукова:

— Шестерка, Летунок! Слышишь меня? Отвечай. Как Бердников? А ты сам цел? Чеши на аэродром. Прикроем тебя. Я — «Ястреб-2», я — «Ястреб-2»... Узнал меня? Прием.

— Узнал! — радостно отвечает Аркадий.— Все в порядке, иду домой!

Лейтенант, спасенный Аркадием, вскоре снова летал на штурмовике, а на груди у Летунка заблестел орден Красной Звезды.

НА ХВОСТЕ САМОЛЕТА

то случилось в Польше. Аркадий прилетел на аэродром, но посадку ему запретили: на очередное задание вылетали штурмовики и сопровождавшие их истребители.

Аркадий очень устал: весь полет с передовой проходил в тяжелых условиях, под грозовым ливнем. И вот теперь приходилось летать по кругу в зоне аэродрома и ждать разрешения на посадку.

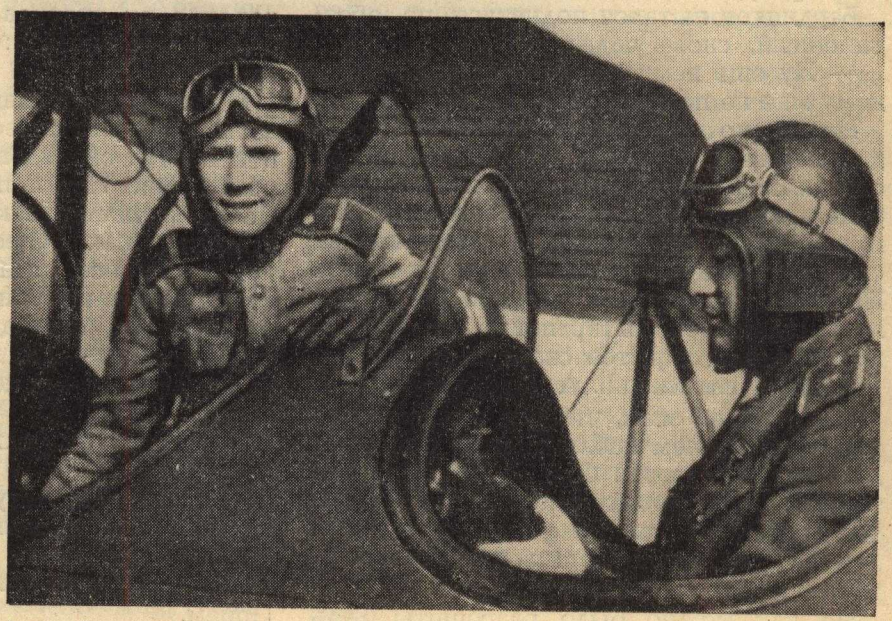
Наконец-то поднялся последний истребитель — двадцатка. Аркадий в это время пролетал неподалеку от взлетной полосы. Взглянул на истребитель и... глазам своим не поверил: верхом на фюзеляже, у хвоста, прижавшись к стабилизатору, сидел человек.

Решение созрело мгновенно, Аркадий дал полный газ и повел свой самолет на перехват. Сблизившись с двадцаткой, он красной ракетой привлек внимание летчика и рукой показал ему на хвост истребителя.

Все закончилось благополучно. Спасенный Аркадием «наездник» закоченел было совсем, да на аэродроме отогрели. А летчик двадцатки после рассказывал:

— Вижу, несется на меня Аркадий на своем «ПО-2», стреляет в упор из ракетницы, грозит кулаком и показывает то на свою голову, то на хвост самолета. Обернулся я и обомлел: на хвосте самолета — механик, а высотенку я уже набрал приличную и шасси убрал. Переключил рацию на прием и слышу свои позывные. В жизни моей, наверное, такой посадки не было и не будет. Вот страху набрался: все боялся, как бы не свалился механик.

Как же случилось такое? Грозовым ливнем размыло грунт аэродрома. Для легких истребителей это беда. Выруливая на старт, они колесами зарывались в грязь и опрокидывались. Чтобы этого не случалось, механики садились им на хвост и после того, как самолет подруливал к старту, проворно соскакивали.

Аркадий со своим отцом, генералом Н. П. Каманиным.

Но летчик двадцатки, взлетавший последним, торопился, не задержался на старте, а сразу пошел в воздух, увозя перепуганного механика.

КАРМАННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Заветным желанием Аркадия было летать на боевом самолете — истребителе или штурмовике. Ведь его тихоходный фанерный самолет не имел вооружения, чтобы защищать себя и наносить удары по врагу.

Он много раз просил и комэска и инженера, чтобы те разрешили установить на его шестерке бомбодержатели. Ведь есть же на «ПО-2» такие установки в полках ночных бомбардировщиков, где на этих же самолетах летают девушки.

Аркадию, смеясь, отвечали:

— Вот и переходи в полк к девушкам. На девчонку ты похож, вполне сойдешь за летчицу.

Тогда Аркадий задумал сам осуществить свой план и превратить связной самолет в бомбардировщик. Об этом мы, может быть, и не узнали бы, если б не случай, происшедший с ним в штабе фронта.

Однажды над Карпатами Аркадий был обстрелян прятавшимися в горах бендеровцами. В следующий полет Аркадий уложил в кабину «ПО-2» автомат с двумя запасными дисками и тяжело нагруженную сумку от противогаза. В этот раз по самолету не стреляли, и он благополучно сел на маленьком аэродроме возле штаба фронта. А после, когда Аркадий уже запустил мотор, собираясь улететь с полученными документами и пакетами, он услышал нарастающую беспорядочную стрельбу: на штаб напала банда бендеровцев. Штаб фронта был примерно в ста километрах от передовой. Поблизости, кроме роты, охраняющей штаб, никого не было.

Прибежал механик аэродрома.

— Товарищ сержант,— закричал он,— аэродром под обстрелом!.. Взлетать нельзя... Идемте в укрытие. Мы там заняли оборону.

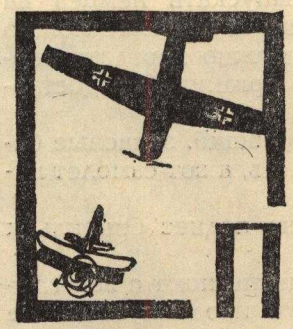
— Ладно, возьми автомат и диски, а я повоюю с ними с воздуха,— ответил Аркадий. Дал полный газ, выбрал ручку на себя и взмыл с пятачка.

Набрав высоту, Аркадий осмотрелся, разглядел небольшие скопления врагов и, снизившись, забросал их ручными гранатами. Потом на максимальной скорости полетел на свой аэродром. По его сообщению, тут же на выручку штаба вылетела группа истребителей-штурмовиков, а по дороге помчался грузовик с солдатами.

Бой длился несколько часов. Банду удалось уничтожить.

Так мы узнали, что в противогазной сумке Аркадий возил с собой «карманную артиллерию». А вскоре у развернутого знамени перед строем личного состава эскадрильи Аркадию была вручена правительственная награда — второй орден Красной Звезды.

К этому времени он был уже опытным летчиком и ему исполнилось пятнадцать лет.

ПОЕДИНОК

Под Яссами, куда был переброшен наш штурмовой корпус, произошел такой эпизод.

Аркадия послали в одну из наступающих групп к танкистам. Бои шли на окраине города. Сбросив вымпел, самолет лег на обратный курс и тут вдруг был атакован «мессером».

Повадки этих стервятников Аркадий изучил хорошо и понимал, что в городе на бреющем полете не уйдешь от истребителя. Аркадий подлетел к куполу собора и стал уходить от атак «мессера», кружась вокруг купола.

Фашист увлекся погоней. Потом, видимо, разъярившись, набрал высоту, спикировал на самолетик Аркадия... и врезался в землю.

Так окончился поединок Летунка с немецким асом. На счету Аркадия появился сбитый самолет.

В СЛУЧАЕ ВЫНУЖДЕННОЙ ПОСАДКИ

Весна 1945 года. Шел бой на ближних подступах к городу Брно.

К командующему фронтом маршалу Советского Союза товарищу Тимошенко, который осматривал в бинокль панораму боя, подошел полковник — начальник связи фронта — и доложил:

— Связь с партизанским отрядом прервана. Вышли из строя батареи питания рации. Просят срочно доставить.

— Вот незадача,— сказал командующий.— Нужно, как можно скорее восстановить связь. Большая группа немцев уходит из-под удара. Партизаны должны взорвать мосты и не выпускать немцев на рокадные дороги, по которым можно увезти технику. Это нужно передать партизанам. Немедленно организуйте доставку питания.

— Товарищ командующий, запасные батареи питания у нас есть, а вот самолет надо вызывать.

Командующий снова поднес бинокль к глазам и сказал:

— Ну и орлы же наши, пока с вами говорил, вон на сколько продвинулись! Не теряйте времени — вызывайте самолет!.. Впрочем, подождите! Чей это самолет стоит на площадке у горы? Выясните.

Через некоторое время подошел генерал-лейтенант Каманин.

— Твой самолет? — пожимая ему руку, спросил маршал.

— Мой.

— Один прилетел или с летчиком?

— С летчиком. Он там, у самолета.

— Зови его, выручай. Есть срочное задание.— И маршал коротко рассказал, в чем оно заключается.— Справится твой летчик?

— Уверен, что справится.

— Зови-ка его сюда. Дадим указание, где найти партизан. Пусть попытается приземлиться, ну, а в крайнем случае сбросит пакеты с вымпелом.

Не прошло и нескольких минут, как паренек в летной форме, отчеканивая шаг, подошел к командующему и доложил:

— Товарищ командующий, маршал Советского Союза, по вашему приказу прибыл. Докладывает старший сержант Каманин.

— Каманин? — переспросил Тимошенко и с удивлением посмотрел на Николая Петровича.— Твой?

— Мой,— так же коротко ответил генерал Каманин.

— Карта района есть?

Аркадий быстро расстегнул планшет и положил свою летную карту на столик.

— Товарищ генерал-лейтенант, уточните задание, наметьте маршрут и подсчитайте необходимое время полета.

Через несколько минут Аркадий бежал к самолету, где уже стояли связисты с упакованными в мягкую тару батареями.

По предварительным подсчетам, лететь ему предстояло час сорок минут.

Полет был сложный, маршрут недостаточно изученный. Горы возникали неожиданно, а лететь на большой высоте нельзя: «ПО-2» мог легко стать добычей зенитчиков или прятавшихся в облаках «мессеров». Бреющим полетом с небольшим запасом высоты лететь тоже опасно: ведь территория занята немцами, и на любой высотке мог быть расположен опорный пункт с зенитными пулеметами.

Так, приноравливаясь к рельефу гор, Аркадий выдерживал среднюю высоту полета, напряженно следя, не увязались ли за ним немецкие истребители.

Задание у него было особой важности. Помимо батарей для рации, он вез пакет. Вручая его, командующий, конечно, не зря сказал:

— Передашь его лично командиру отряда... Если не сможешь приземлиться, пакет не сбрасывай. А в случае вынужденной посадки уничтожь...

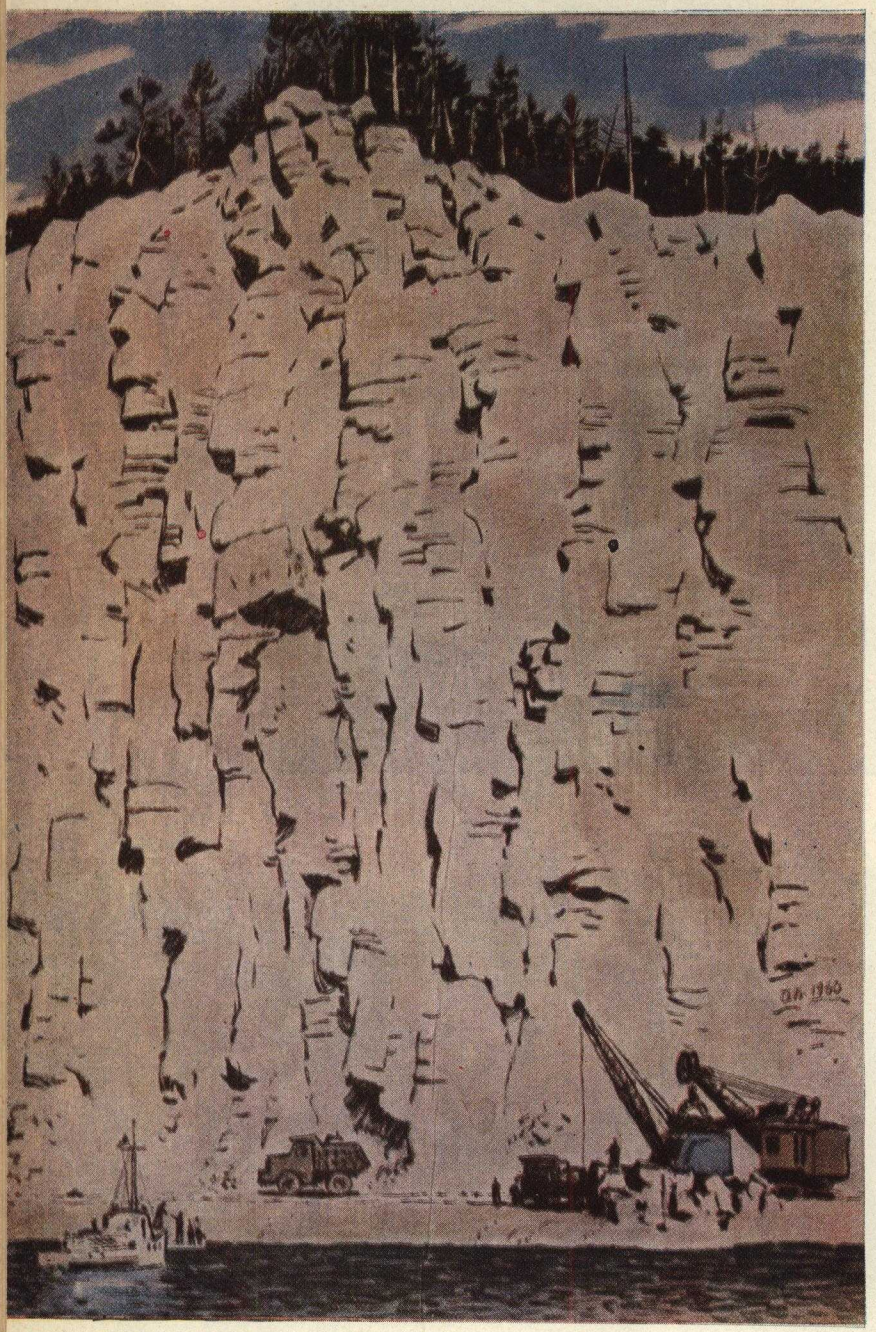
Вспоминая впоследствии этот полет, наш комэск Трофимов говорил, что не каждый опытный летчик смог бы так четко и отважно выполнить задание командующего, как выполнил его шестнадцатилетний Летунок. Аркадий был награжден за это орденом Красного Знамени.

АЛЕША. Г. Прокопинский.

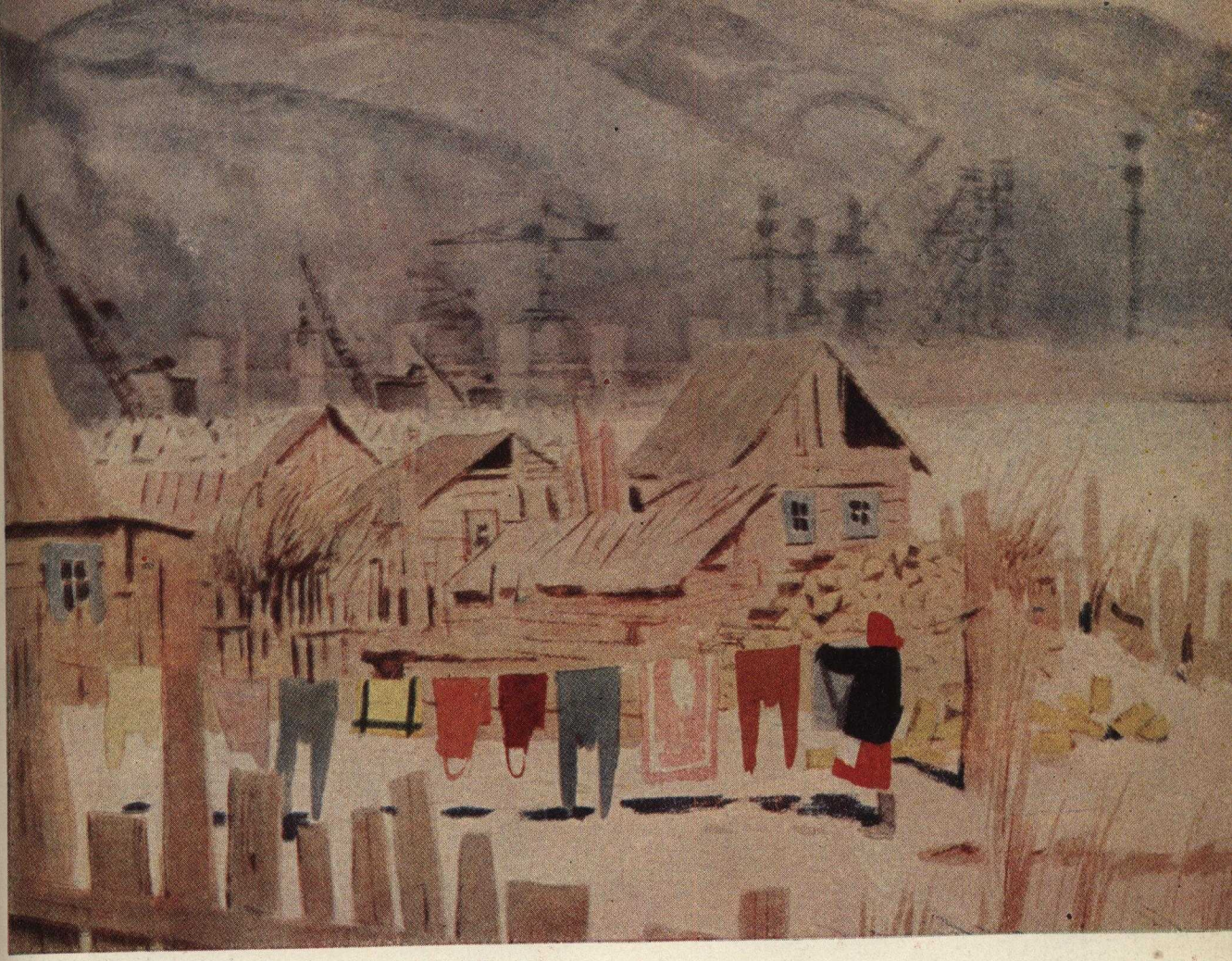
ПЕРВАЯ ПОБЕДА. А. Лысенко.

БЕРЕГ АНГАРЫ.

МИТИНГ ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕКРЫТИЯ.

НА ДНЕ КРАСНОЯРСКОГО МОРЯ.

Рисунки О. Верейского

ДИСПЕТЧЕР. АНГАРА.

Рисунок А. Брея к фантастическому рассказу Люды Харламовой «Да здравствует Разум!».

Конкурс фантастических рассказов

Я живу в далеком сибирском поселке, в ста двадцати километрах от Красноярска. Хотя наш поселок — центр района, это не мешает ему не выделяться среди других сел.

Пишу я различные были-небыли с лета прошлого года. На нашей крайней улочке всего семь девочек (со мною вместе), из которых одна учится сейчас в первом классе, а еще трое не будут учиться по крайней мере года два. Так что нас остается всего трое: я и две мои подруги Тани. С одной Таней я учусь вместе в седьмом классе, а другая Таня — в пятом классе. Мальчиков у нас гораздо больше — двенадцать человек, двое еще не учатся, а двое в этом году пошли в школу первый раз. Все эти ребята, кроме дошкольников, стали моими слушателями. Первые мои «произведения» были про шпионов и жуликов, которых ловили мальчики с нашей улицы. Мальчикам это льстило, и они торопили меня, заставляя устно передавать следующие действия. Для девочек бандиты были слишком страшны, и я, решившись, написала небольшой фантастический рассказик. Но, чтобы не обижать мальчиков, я продолжала писать и детективные сказки.

Журнал «Пионер» получает младшая Таня. Она предложила послать какой-нибудь мой рассказ в редакцию. Старшая Таня, очень требовательная слушательница, выдвинула мою первую повесть «Да здравствует разум!», которая еще только начинала писаться. Я немного подумала и согласилась. Правда, было страшновато, но, как говорят, «попытка не пытка», и, заразившись этой дерзкой мечтой, я стала писать свою повесть дальше. Но ясные погожие летние деньки, манящие просторы лесов и полей тормозили мою писательскую деятельность, а потом пришел сентябрь, и надо было каждый день учить уроки, и тетрадка часто оставалась закрытой. Где-то в начале второй недели первого осеннего месяца повесть, если можно так назвать, была закончена. Под влиянием той же старшей Тани я переписала и «Тайну острова N». Эти две тетрадки пользовались большим уважением среди школьного населения с нашей улочки. И вот уже октябрь. Третье октября. Я сижу при ярком свете электрической лампочки и пишу это письмо. Около двух недель тетрадки пролежали забытые среди книг и тетрадей в тумбочке. Сегодня я их вытащила на белый свет и с решительным видом села за стол.

С пионерским приветом

Людмила ХАРЛАМОВА.

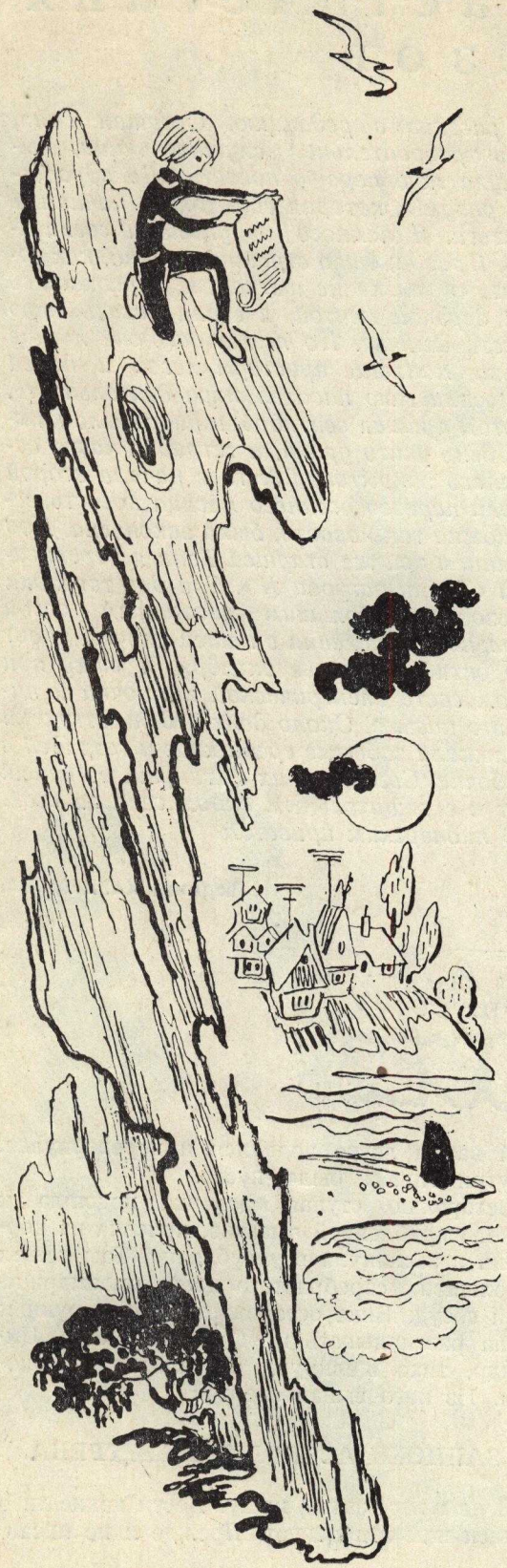

Мирно плещется у ног море. Волны наперегонки выбегают на песок и с тихим шуршанием откатываются назад, шлифуя и без того гладкий берег. Вика неторопливо идет вдоль моря, загребая босыми ногами влажный песок.

Вдруг дорогу Вике преграждает огромный серый камень-валун. Что такое? Раньше его здесь не было. Очевидно, он упал со скалы. Девочка подняла голову. Так и есть. Круглая, чуть заостренная верхушка скалы будто срезана чем-то острым. Вика обошла кругом обломок скалы, толкнула его рукой. Высокий, в рост девочки камень чуть-чуть качнулся. Удивленная Вика налегла плечом. Огромный валун легко поддался и перевернулся. Внутри глыбы было пусто.

Осторожно ступая, девочка подошла к ямке, вырубленной в камне, присела на корточки и заглянула в углубление. Там лежал небольшой, серебристого цвета цилиндрический сосуд. Вика осторожно взяла в руки и стала разглядывать и ощупывать его. Цилиндр, тихо щелкнув, развалился напополам. Из него выпал сверток.

ЗАПИСКИ АСТРОЛЕТЧИКА ГРЕНА

Я не знаю, зачем пишу. Вести какие-либо записи нам запрещают. Прежде я не писал,

но за несколько дней до старта меня вдруг потянуло писать. Я в числе счастливых (или несчастных) избранников на ракете самого последнего выпуска лечу на Голубую планету, на Зею. Почти каждую ночь я вижу один и тот же сон — один из эпизодов, которыми была полна экспедиция на Вею, младшую сестру Зеи. Вот что это за сон. Гер, Моя, Лад и я отправились в очередной обход по сестре Голубой планеты. Вея совсем не похожа на Мад: странный, пышный растительный мир и скудный животный. Толстые, причудливой формы невысокие растения и гигантские кишечнополостные и моллюски. Многие из этих чудовищ сухопутные.

Итак, Гер и Моя пошли влево, а мы с Ладом отправились дальше, прямо. Антенны были настроены, и мы могли разговаривать друг с другом.

А для разговора с Базой надо было выдвигать антенну больше. Лад, с которым я иду, и Моя — биофизики. Они охотятся за мелкими животными, которых здесь очень мало. Гер — геофизик. Я же не имею никакого отношения ни к тем, ни к другим. Я должен сопровождать Лада: одному ходить очень опасно. Неожиданно внимание Лада привлек какой-то невзрачный комочек на выступе скалы. Лад полез на выступ. Он лез, насвистывая какой-то мотивчик, а из норы невдалеке от биофизика высунулась отвратительная голова на тонкой, длинной шее. Голова тихо раскачивалась, издавая шипение, похожее на однообразный шелест оползающего песка и мелких камней. На этой голове было три маленьких красноватых глаза, которые попеременно то открывались, то закрывались. И вдруг глаза учащенно замигали, а потом голова перестала качаться, и тонкая шея, извиваясь, стала вытягиваться по направлению к Ладу. Ящер заметил чересчур любопытного и неосторожного биофизика.

Я не успел предупредить Лада.

— Грен-ла! — воскликнул он и обернулся ко мне, желая что-то сказать, но тотчас увидел морду зверя, которая была совсем рядом. Ладу надо было ложиться, прижиматься к выступу, а он закричал, замахал руками и вдруг прыгнул вниз. Может быть, он думал спастись, прыгнув с выступа, но он прыгнул неудачно, смерть подстерегла его между камней. Потеряв из виду мишень, шея зверя перестала вытягиваться, голова закачалась быстро-быстро и медленно начала сокращаться в обратную сторону.

Сегодня мы стартуем. Пуск будет производиться из центра. Осталось всего несколько ничтожных минут до старта. Один за другим

исчезают ставшие неуклюжими члены экипажа в широко открытой пасти ракеты. Задвинулась пневматическая дверь. После старта ракету ведет Гар, мой напарник, а потом уж я. У каждого летящего свой отдельный салон с телесвязью. Экран видеофона расположен над столиком. Так что вся комната открыта для глаз твоего собеседника...

До старта остается семь секунд... четыре... две... Старт! Взревели, как бешеные, двигатели звездолета. Это в центре чья-то рука легла на пульт управления, холеный, белый палец нажал на кнопку с надписью «Пуск». Чтобы иметь возможность записать несколько слов в свои «записки», я решил начать письмо родным. На Луре я отправлю его с почтовой ракетой домой. Телесвязь очень легка на помине. Стоит только подумать о ней, тотчас же кто-нибудь пожелает перекинуться с тобой двумя-тремя словами. Вот и сейчас мелодично затрещал звонок, и под щитком ярким светом вспыхнула контрольная лампочка. Ловким движением мне приходится сбрасывать листки под стол. На столе остаются лишь письма и необходимые письменные принадлежности. По экрану пробежали звуковые волны, а потом все прояснилось, и появилось лицо нашего командира Ролла. Ролл подозрительно осмотрел мой столик. «Чем вы занимаетесь, пилот?» — металлическим голосом произнес командир. «Пишу письмо родным», — ответил я. «Которое письмо вы уже пишете? — уголком губ усмехнулся Ролл. «Первое», — произнес я. «Вы както говорили в общем салоне, что начали писать письмо». Ролл буквально сверлил меня глазами. «Вот его-то я и дописываю!» «Вы что же, всегда пишете между сменами?» — спросил Ролл. «Когда на пути есть почтовая станция с ракетой», — ответил я. Ролл немного помолчал, после минутной паузы он произнес: «Послушайте, Грен-ла. Не согласитесь ли вы отстоять эту смену?» «А что? Что-нибудь случилось с Гаром?» — И я удивленно поднялся. «Нет, — ответил командир. — Но я хочу, чтобы ракету посадил на Луру второй пилот. Ясно?». «Ясно». — Экран потух. Я поднял из-под стола записи, чтобы спрятать их понадежнее. «Ну что же, пусть Гар совершит посадку на Луру. Мне уж не раз приходилось сажать ракеты на спутники почти всех планет нашей Системы»... И тут произошло неповторимое: о моих записях узнал Ролл! У него скверная привычка входить, не постучавшись, а то бы я не стал даже доставать свои листочки.

Я сидел, как каменный. Он взял в руки мои записи. «Что это значит, пилот? Разве вы не знаете, что писать запрещено? У вас здесь другие обязанности! Уничтожьте сейчас же это!» — совсем тихо уже и миролюбиво закончил Ролл и так же стремительно, как вошел, вышел из моей комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Листочки мои остались на столе. Бог мой, что теперь со мной будет? Но уничтожить, как приказал командир, свои записи я не мог.

Мы приближались к Голубой планете. Как ты нас встретишь, Зея-мечта? Прежних любопытствующих ты встретила сурово. Они все не вернулись. У Голубой планеты очень плотная воздушная оболочка, плотнее, чем у Мада.

Я только что пришел со смены. Там у нас произошла небольшая ссора. Штурман Лог (вообще-то он парень ничего) поссорился с математиком-вычислителем Аяром.

Сердитый Ролл вызвал обоих и долго их отчитывал у себя. Телесвязь он выключил от глаз и ушей любопытных. Через четверть часа (а обычно больше пяти минут у Ролла никто не задерживался) Лог и Аяр, красные и смущенные, вышли из кабинета, дружески пожали друг другу руки, а еще через полминуты звонкий голос кибернетиста уже рассказывал о чем-то в общем салоне, и время от времени ему вторил немного глуховатый басок штурмана. Как быстро помирил их Ролл! Странный все же он человек. Почему он молчит? Завтра я его спрошу обо всем. Пусть он ответит на все мои вопросы! Тут я не выдержал, вызвал командира по видеофону и задал ему вопрос, мучивший меня до сих пор: «Скажите, Ролл-ла, почему вы не сообщили о моих записях в центр?». «А вы все еще пишете?» — в свою очередь, спросил он. «Ответьте сначала на мой вопрос», — настаивал я. «Я бы остался с одним пилотом». «Вам бы прислали другого, достойнее меня». Ролл немного подумал, потом как-то странно посмотрел на меня и, как бы колеблясь, произнес: «Мне жалко вас, Грен. Вы еще молоды».

К вечеру этого же дня мы нашли место и совершили посадку. На карте на этом месте была обозначена суша, а на самом деле кругом плескались волны. Мы же все-таки спустились на небольшой островок. Вот и верь теперь картографам. По их вине мы бы сейчас плавали в море.

Послушав плеск прибоя, мы затихли, каждый в своем салончике-келье.

Наутро море отступило на несколько метров назад, оставив на песке много водорослей и ракушек. Из-за края горизонта выглянуло Солнце. Все заискрилось, засверкало, а небо и море слились в одну голубую поло-

су. Наружу вышли Ролл, биофизик Дор и геофизик Зар. Дор лазил по влажному песку, разглядывая что-то среди водорослей и камней и временами издавая восторженные восклицания. Зар тоже ковырялся в песке, поднимал какие-то камни и сосредоточенно их рассматривал. Ролл же просто стоял на берегу, повернувшись к безбрежному простору моря и неба, и задумчиво, следил за набегающими одна на другую ленивыми волнами. О чем он думал, наш странный, строгий командир? После обеда нас вышло четверо: Ролл, Дор, Зар и я. Командир уже определил, в которой стороне настоящая суша, и мы выплыли на амфибии на разведку. Машину вел сам Ролл. То тут, то там в воде и воздухе мелькали различные тени. «Здесь более развитый мир, чем на Вее, но ему еще далеко до цивилизации Мада»,— сказал Дор, неотрывно смотрящий сквозь прозрачный колпак амфибии. Вдруг, заметив что-то новое, он забеспокоился и попросил: «Ролл-ла, остановите, пожалуйста, амфибию». Машина замерла и закачалась на волнах. Левее нас показалась черная глыба, и из нее в воздух вылетела водяная струя. Дор откинул верх. Вдруг страшный удар сотряс легкое тело четырехместной машины, которая могла плавать по воде и ездить по суше. Я от неожиданности сел на пол. Зар слетел мне под ноги. Дор скатился в воду, как капля скатывается по гладкому сосуду, а Ролла, как воздушный пузырь, выбросило за борт. Сквозь прозрачные стенки амфибии было видно, что с противоположной стороны из воды показалась страшная зубастая пасть. Страх придал нам силы, мы вскочили. «Кидайте веревку!» — крикнул Ролл. Зар вытащил из одного ящика веревку с петлей на конце и бросил командиру. Все произошло мгновенно, я даже не успел мигнуть. Ролл уцепился за петлю... Таким же способом мы вытащили и биофизика.

И что за человек этот Дор! Он все-таки ухитрился поймать какое-то небольшое существо. Только затащив биофизика в амфибию и захлопнув крышку нашей машины, мы увидели с той стороны, где только что плавали Ролл с Дором, широко открытую пасть морского хищника с огромным количеством острых зубов. «Я бы не желал очутиться в этой дыре», — мрачно пошутил Зар.

Без происшествий прошло четыре дня. Позже Лог и я, получив разрешение от Ролла, который недавно вывихнул ногу и находился все время на корабле, отправились побродить. Вооруженные ультрафиолетовыми лазерами, мы уходили все дальше и дальше от моря. Вот и граница предела. Дальше идти опасно. Тут-то и дернул штурмана кто-то за язык: «Грен-ла, а что если мы пройдем немножечко дальше, хотя бы вон до тех деревьев.

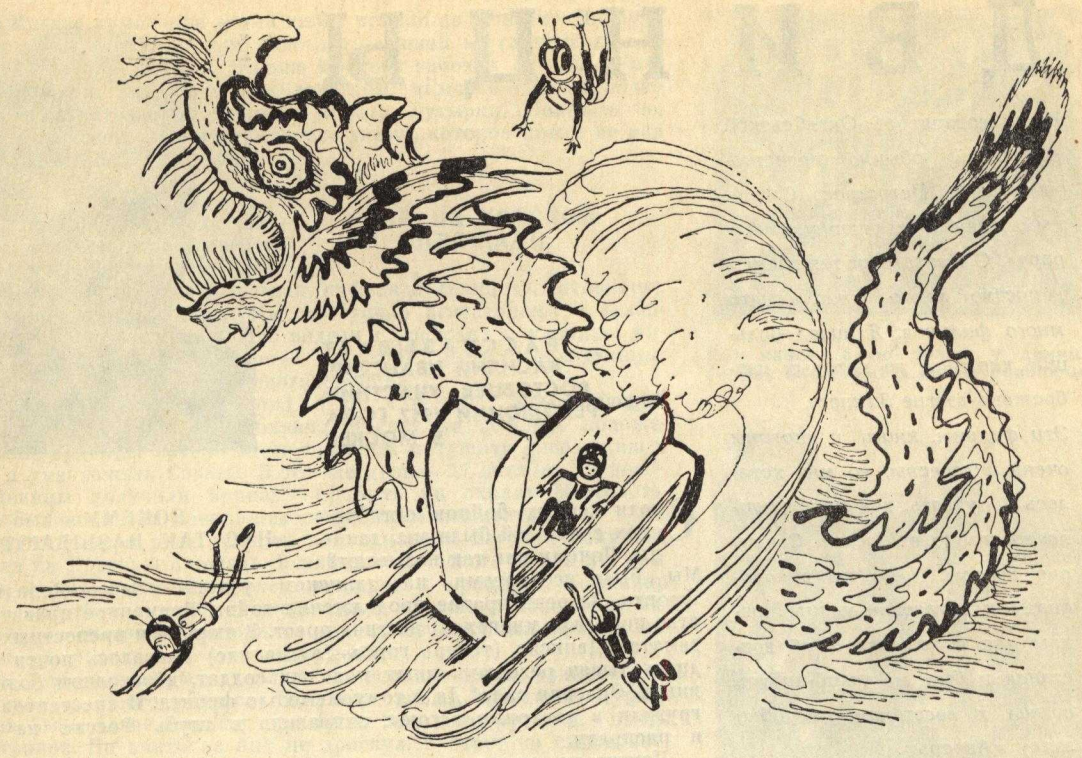
На опушке мы остановились. Трава доходила нам до пояса, а в тени под деревьями была выше человеческого роста. «Может, зайдем, а?» — нерешительно спросил Лог. «М-м», — неопределенно пробурчал я и пожал плечами. Вдруг я заметил среди ветвей близко стоявшего от нас дерева какого-то зверя. Глаза его мерцали желтоватыми огоньками в тени листьев. Я тронул штурмана за локоть и молча указал на огоньки. Вдруг эта зверина напружинилась. Лог повалился на траву и потянул меня за собой. Я упал возле него, угрожающе выставив вперед лазер, и в тот же миг над нами мелькнуло тело хищника. Я инстинктивно нажал на пуск. Хищник грузно плюхнулся в десяти сантиметрах от нас и затих.

Перешагнув черту-границу и пройдя еще немного, я услышал в ушах легкий треск, а потом голос Ролла: «Грен-ла! Лог-ла! Возвращайтесь немедленно на корабль!»

Обеспокоенный, поднялся я в лифте на корабль. Как мучительно долго тянется время в контрольном отсеке! Ничего не знающий экипаж сдержанно гудел в общем салоне. Через несколько минут вышел хромающий Ролл. Он устало прислонился к стене и без обиняков и формальностей бесцветным голосом произнес: «На Маде война. Термоядерная. Уже погибла почти половина Мада».

Подобно грому среди ясного неба прозвучали слова. В салоне стояла угнетающая тишина. Глухо и страшно падали слова в безмолвную толпу: «Войну затеял Тирра. Якобы из-за того, что нас послали на верную смерть. Да, с Зеи еще никто не возвращался из-за глупостей, но нам надо вернуться, чтобы спасти остальных мадян. Полетим без остановок, прямо, потому что исследовательская станция уже снялась с Луры, передав это нам». Тяжелыми камнями падали слова на головы людей.

Тирра... Умный человек, член палаты Высшего Разума, заместитель помощника Главного Правителя Мада — и такое. Просто не верится! Все молча размышляли о случившемся. Вдруг бортинженер Орт, стоящий около иллюминатора, взглянул наружу и восхищенно закричал: «Смотрите, человек!» Забыв про все, люди бросились к окнам. Недалеко на скале стоял крепкого телосложения человек и удивленно смотрел на наш плането-

лет. Все восхищенно смотрели на нового представителя Разума. Не знаю, кто включил наружный звук, но человек на скале обернулся и что-то сказал. На гортанный его голос вышел второй, слабее и меньше первого. Они немного постояли, поговорили, а потом ушли.

«У них почти такая же речь, как у нас! — восхищенно произнес Дор. — Я разобрал три слова: «зачем», «кто» и «они». Из-за прибоя почти ничего не слышно».

Моментально все зашевелились, зашумели. «Первый человек, которого я вижу вне Мада. Значит, и на других планетах есть разумные существа», — сказал Орт. «На других, может, и нет, — мягко возразил Дор, — но что на Зее объявились люди — это можно доказать». «Чем же?», «Как доказать?» — послышались вопросы. «Эти люди зафиксированы на пленку», — ответил за биофизика штурман. «Вот мы улетим и, возможно, даже погибнем, не исключено, а они не узнают о нас ничего. Давайте оставим им какую-нибудь записку, что ли. Я даже могу написать, кто мы и зачем прилетали», — предложил Аяр. «Правильно», — поддержал экипаж. «Подождите, — улыбнулся Ролл и посмотрел на меня. Я смутился. Заметив мое смущение, командир продолжал: — Вы опоздали, Аяр-ла, за вас это сделал Грен-ла. Грен-ла, оставьте свои записи нашим будущим последователям. Ну, как, пилот, вы согласны?» «Да», — неожиданно вырвалось у меня. «Вот и хорошо. Сейчас вам приготовят сейф. Всего хорошего». Ролл вышел. Вышел и я. Я пошел в свой салончик дописать кое-что «будущим последователям», как назвал их Ролл. Сейчас мне принесут сосуд, в котором мои записи будут храниться до тех пор, пока их не найдут. Никто не предполагал, что на Зее есть Разум. Почти половина Мада разрушена. Это значит, разумные люди погубили почти половину Разума. Слышите, люди, я говорю вам: «Да здравствует Разум! Великий Разум мирного Человека!»

* * *

Записи на этом кончались.

ДВИНЦЫ

РАССКАЗЫВАЕТ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ РОСТОВЦЕВ, УЧАСТНИК РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В МОСКВЕ

Когда говорят об Октябрьской революции, обычно представляют себе Петроград, Смольный, Неву и легендарную «Аврору». О Петрограде тех времен написано много книг, снято много фильмов. Я видел большие картины, на которых изображено взятие Зимнего.

Эти фильмы, книги и картины очень интересны, но мне хотелось бы узнать, как происходило восстание в Москве. С чего оно началось, кто им руководил, как выглядели улицы Москвы, где помещался штаб восстания и был ли какой-нибудь сигнал к восстанию, подобно залпу «Авроры».

Дима Левитский

Мне очень хотелось бы знать, что происходило в Москве в октябре 1917 года. Кто руководил восстанием? Живы ли его участники, где они сейчас? Очень интересно послушать рассказ одного из участников восстания.

Саша Аникеев

Почему праздник Октябрьской революции мы отмечаем в ноябре?

Сережа Диков

ПОЧЕМУ НАС ТАК НАЗЫВАЮТ

Среди первых бойцов октябрьских сражений были мы, двинцы. Почему нас так называют? Мы были солдатами на двинском участке Северо-Западного фронта. За речи против продолжения войны Временное правительство посадило многих из нас под арест. В тюрьме и крепостных казематах Двинска (теперь город Даугавпилс) оказалось почти двадцать тысяч революционных молодых солдат, в основном большевиков. Опасная сила! Да к тому же около фронта. И арестантов погрузили в товарные вагоны, отправили в глубь России на суд и расправу.

Помню, по дороге на вокзал среди шума и революционных песен раздались возгласы: «Куда ж нас ведут?» «Вперед, к революции!» — крикнул кто-то. Этот, казалось бы, шутливый ответ скоро оправдался... Но сперва послушайте историю нашего знамени.

КУМАЧОВЫЙ ВЕТЕРАН

Сейчас оно висит в Музее Революции. Приедете туда на экскурсию, обязательно посмотрите. Выцветшее, ветхое, с неровными буквами, это знамя по праву занимает почетное место в музее.

Изготовили мы его в двинской тюрьме из кумачовой рубахи. Хозяин рубахи — звали его, помнится, Федей — все мечтал, как вернется он в этой обновке домой да обнимет мамашу. Но пришлось солдату с мечтою расстаться. Выкроили мы из рубахи кумачовое полотнище, из нижнего белья нарезали белые буквы (краски у нас не было) и пришили: «Вся власть Советам!»

Вы спросите, зачем в тюрьме знамя? Ну, конечно, не только для хорошего настроения. Дело в том, что ораторы Временного правительства мутили тогда головы солдатам, в том числе и арестованным. Обещали им землю, награды, чтобы только принимали присягу и шли воевать «до победного конца». Большевиков, которые были против войны, ораторы называли «кучкой немецких шпионов». И вот мы решили показать всем, каковы мы, большевики, и за что боремся. Во время общей прогулки самый высокий из нас поднял полотнище, и мы дружно грянули: «Смело, товарищи, в ногу...» Тюремная охрана до того растерялась, что не сразу решилась разогнать демонстрацию.

Много дней прятали мы знамя под подкладками шинелей, в сапогах, пока не посадили нас в тот эшелон. В пути знамя тоже повоевало. На одной большой станции у Витебска кто-то с платформы спросил у конвоиров: «Это кого же вы так строго охраняете?» Те ответили: «Разные тут немецкие шпионы, предатели, дезертиры и бандиты». Солдаты услышали. Поднялся крик: «Врут! Мы не шпионы и не дезертиры, а большевики и революционные солдаты, арестованные по приказу Керенского». Из окошка вагона протянулось наше знамя с надписью: «Вся власть Советам!» Собрался народ, стихийно возник митинг. В Витебске большевики уже знали про наш эшелон. Им удалось взять станцию под свою охрану. Они нас освободили, а поезд повернули на Москву.

Но в Москве кумачовое знамя вновь попало за решетку. Подручные Керенского послали нам навстречу конвой во главе с комендантом Бутырской тюрьмы. Только протест рабочих Москвы и наша семидневная голодовка под лозунгом: «Смерть или свобода» заставили правительство открыть ворота Бутырки. Покидая ее, двинцы несли свое славное кумачовое знамя, которое потом не раз сражалось в боях революции.

Вот какое было знамя у двинцев. Сейчас оно висит в Музее Революции.

БОЙ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Шел октябрь 1917 года. Восемьсот шестьдесят девять солдат-фронтовиков, или как нас теперь в Москве называли, «команда двинцев», готовились к вооруженному восстанию. Мы выступали агитаторами в казармах московского гарнизона. Нас видели на заводах и уличных митингах. В каждом районе города работали инструкторы-двинцы: обучали военному делу красногвардейцев.

Когда в Петрограде ударил залп «Авроры», командующий округом полковник Рябцев объявил Москву на военном положении. Белогвардейцы хотели этим способом потушить революцию в городе и уничтожить Советы. В тот же день — 27 октября (9 ноября) — двинцы получили приказ — прибыть на охрану Моссовета. Приказ был подписан военно-революционным комитетом.

В десять вечера рота двинцев под командой Евгения Сапунова вступила на Красную площадь. Возле Исторического музея им преградили дорогу около четырехсот юнкеров и офицеров. Командир патруля потребовал, чтобы двинцы сдали оружие и повернули назад. Сапунов отказался выполнить приказ. Взбешенный офицер выстрелом из револьвера убил Сапунова.

Контрреволюционеры надеялись на панику среди двинцев. Но просчитались. Место убитого Сапунова занял взводный Цуцын. Двинцев было вдвое меньше, они были плохо вооружены, почти без патронов. Но никто из них не дрогнул. В ответ на смертоносные залпы фронтовики поднялись в штыковую атаку, отвагой и яростью своей обратили струсивших юнкеров в бегство. Таким был первый бой революции в Москве.

Ночью рота двинцев прибыла к зданию Моссовета. Она выполнила революционный приказ. Только не было уже в роте половины солдат и командира. Они остались лежать на мокрой от дождя брусчатке Красной площади...

«ВОТ, ТОВАРИЩИ, ПРИВЕЛ ГЕНЕРАЛА...»

Белогвардейцы захватили Кремль, а также несколько других важных кварталов, и бои на улицах Москвы не утихали.

В те дни я был назначен в команду разведчиков-двинцев при военно-революционном комитете. Руководил командой Константин Максимов. Прекрасный был организатор и знаток уличных боев.

А это простреленная снарядом трамвайная мачта у памятника Пушкину.

10 (23) ноября 1917 года пролетарская Москва прощалась с павшими героями-двинцами. Они похоронены в братской могиле на Красной площади. На снимке: похоронная процессия у здания Моссовета.

Белые обычно стреляли из форточек и чердаков. Поэтому мы ходили редкой цепочкой по обеим сторонам улицы, наблюдая сразу за двумя рядами домов. Всех стрелявших задерживали, а если их было много, вызывали на помощь красногвардейский отряд.

Нам охотно помогали жильцы ближних домов, и особенно ребятишки. Было у нас двадцать — тридцать таких юных разведчиков. Один мальчонка, Колей его звали, пришел раз с донесением, что в доме на Сретенском бульваре прячется генерал. Действительно, оказался там генерал высоченного роста, с пышной бородой.

Дали разведчики Коле большой револьвер и приказали конвоировать арестованного. Генерал очень боялся, что мальчишка случайно выстрелит. «А вы идите, не оглядывайтесь!» — строго прикрикнул на него Коля. Так они дошли до Моссовета. В комнате разведки конвоир доложил: «Вот, товарищи, привел генерала, у него много оружия нашли».

Кстати, заготовку оружия тоже поручали разведчикам. Каждый день к Моссовету приходили тысячи рабочих. Мы их тут же, во дворе, обучали солдатскому ремеслу. Да что толку? Оружия все равно не хватало.

Однажды дал мне Максимов задание проверить склады Спасских казарм и, если есть там оружие, забрать его. Вместе с отрядом рабочих мы поздно вечером прорвались к казармам на двух грузовиках. Арестовав для порядка часового, сломали штыками замки на дверях и перетащили из складов в машины сто пятьдесят винтовок. Вместе с трофеями привезли к себе и часового, который попросился к нам в отряд.

Окончательно разрешил нашу оружейную проблему стрелочник-составитель Маркин. Это он на Казанском вокзале обнаружил в вагонах с надписью «Селедка» припрятанные белыми сорок тысяч винтовок!

ЧЕМУ ЭТА МАЧТА СВИДЕТЕЛЬ

Много лет простояла пробитая снарядом трамвайная мачта у памятника Пушкину. Потом переселилась во двор Музея Революции. Ее и сейчас можно там увидеть.

Снаряд, который попал в эту мачту, был сигналом нашего наступления на дом градоначальника. Он находился на Тверском бульваре, недалеко от Моссовета и Комитета большевиков, а нам было поручено очистить этот район от белогвардейцев. В доме градоначальника засело их человек двести. Да вдобавок там были большие запасы оружия, патронов и продовольствия. Это наша разведка уже точно знала.

Наступление мы развернули по бульвару и двум параллельным улицам. Тех, кто шел по бульвару, белогвардейцы встретили бешеным пулеметным огнем. Но тут вступила в бой группа, засевшая напротив дома. Белые и ей ответили стрельбой. Однако скоро их огонь начал ослабевать. Окруженные со всех сторон, контрреволюционеры пришли в смятение. С криками «Ура!» и «Бросайте оружие!» двинцы ворвались в дом. Белые сдались. Повсюду в доме и во дворе валялись винтовки, револьверы, кортики и патроны... Оставив у дверей охрану, двинцы вывели сто пятьдесят пленных.

Так мы разгромили гнездо заговорщиков. Это была наша первая большая боевая победа. Произошла она 29 октября (11 ноября) 1917 года.

Сражались двинцы потом при взятии Кремля и гостиницы «Метрополь», телефонной станции и почтамта, разоружали юнкеров в Александровском военном училище и стояли на охране исторических сокровищ Грановитой и Оружейной палат. А когда Октябрьская революция победила, нашу команду расформировали. Разъехались солдаты революции по разным городам устанавливать Советскую власть...

ДЕКРЕТ О ВРЕМЕНИ

Январь 1918 года. Третий месяц власти Советов, власти революционных рабочих и крестьян. Газетные строки тех дней сообщают о событиях огромной исторической важности. Вести с фронтов гражданской войны. Борьба с тифом и голодом... Революционные выступления рабочих в Австрии, в Венгрии, в Германии... И рядом с этими сообщениями — декрет Совета народных комиссаров о времени. Официально это звучало так: «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря».

Декрет предписывал первый день после 31 января 1918 года считать сразу четырнадцатым днем февраля, второй день считать пятнадцатым днем февраля и так далее. Зачем это было нужно? Имело ли это значение?

Да, это имело значение. И недаром под декретом стояла подпись Ленина.

Издавна вечными, неостанавливающимися часами для людей Земли является сама Земля в своем неустанном беге вокруг Солнца. Один оборот — один год, триста шестьдесят пять дней. Но за две с лишним тысячи лет до нас, когда в Древнем Риме был создан этот календарь, где счет времени велся по движению Земли вокруг Солнца, не учитывалось, что гигантская небесная стрелка совершает свой полный оборот не ровно за 365 дней, а за 365 дней 5 часов 48 минут и 27 с половиной секунд.

Неучтенные «излишние» секунды и минуты, накапливаясь из года в год, из столетия в столетие, привели к расхождению земного календаря с показаниями вековечных космических часов. Календарь отстал от солнечной стрелки уже на десять суток, и тогда по совету ученых, сообразуясь с астрономией, была введена поправка в календарь. За триста с лишним лет, которые минули с тех пор, европейские страны перешли на новый календарь. К 1917 году Россия была чуть ли не единственной страной, где придерживались старого календаря; православная церковь не желала сообразоваться с наукой. Расхождение в счете времени достигло уже тринадцати суток.

Мог ли мириться Ленин, чтобы страна, сломавшая все старое, отсчитывала свои дни по способу, устаревшему еще в средние века? Надо было перешагнуть через тринадцать календарных дней.

Вот как случилось, что Великая социалистическая революция была свершена 25 октября, а мы празднуем славную годовщину этого события 7 ноября.

А. РАЗГОН

Наташа и солдат

Это было в 1917 году. Наташа жила тогда в Петрограде. Трудные выпали ей на долю дни. Наташина мама заболела тифом, и ее увезли в больницу. А отца у Наташи убили на войне. Осталась девочка совсем одна. И не было у нее даже крошки хлеба.

Но Наташа не погибла.

К ней заглянул солдат с красной лентой на шапке.

— Ты кто такой? — спросила Наташа.

— Солдат Кондрат. Меня послал Ленин спасать детей. Пойдем со мной в приют.

В приюте кормили каждый день: хоть и несытно, но все ж не то, что дома. А вот дров приют не имел, печки не топились. На улицу не выходили: не было обуви.

Но однажды к приюту подъехал на телеге солдат. Наташе показалось, что это тот самый солдат, который привел ее сюда, и она побежала навстречу.

— Здравствуй, солдат Кондрат!

— Кондрат так Кондрат, принимай, дочка, подарки.

Когда ребята увидели, что привез солдат, то у них глаза загорелись: ватные одеяла, ботинки, зимние пальто, теплые шапки. Кто-то из девочек крикнул:

— Дед Мороз прислал!

Но солдат возразил:

— Не Дед Мороз, а Ленин. Владимир Ильич.

Ребятам роздали одежду. Наташе достались берет и ботинки. Совсем новые ботинки. Она не могла насмотреться на них и ни на минуту не выпускала из рук.

Наступила первая годовщина Октября. Воспитанники пошли на Дворцовую площадь, слушали речи, пели вместе со взрослыми революционные песни. А потом их повели в Зимний дворец. Ребята рты пооткрывали от изумления: всюду мрамор, золото, картины! Столько богатства, и все принадлежало одному царю! Хорошо, что Ленин его прогнал.

Воспитательница Нина Васильевна привела ребят в большой зал, и там каждый получил подарок: белую сайку и два яблока. Такого они и во сне не видали.

— Крепче держи, а то уронишь,— услышала чей-то голос Наташа. Подняла голову — солдат Кондрат!

— Здравствуй, солдат Кондрат!

— Здравствуй,— сказал солдат.— Что Кондрат, что Ипат — все одно.

Он приподнял Наташу и закружил, а она испугалась: как бы и впрямь не выронить подарок. Потом спросила:

— Ты увидишь Ленина?

— Увижу.

— Скажи ему большое спасибо.

— И от нас, и от нас! — закричали ребята.

Солдат обещал и пошел куда-то по своим делам.

Это было почти полвека назад. Это запомнила навсегда Наталья Антоновна Удоденко. Сейчас она живет в Киевской области на станции Буча.

В. РУДИМ

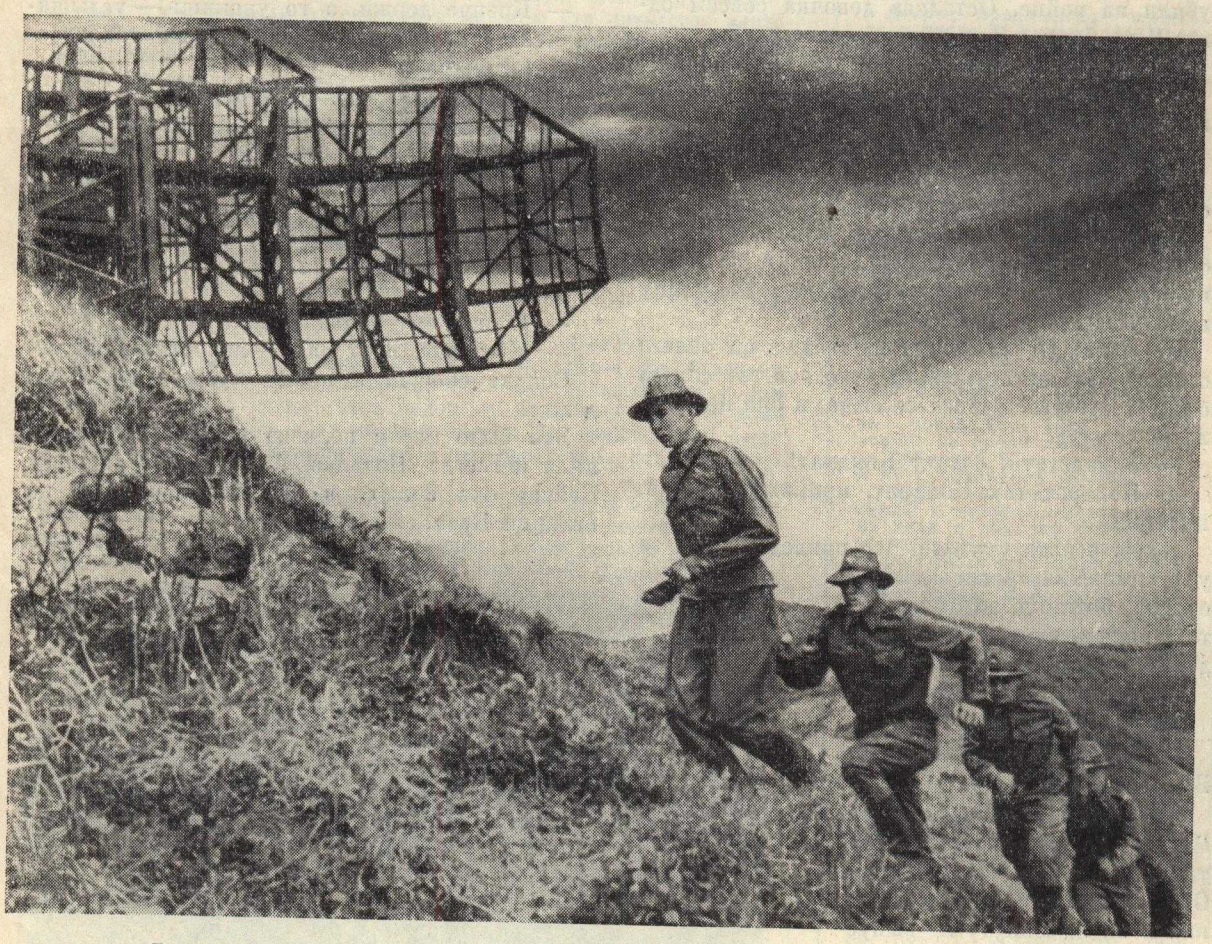

Солдаты революции. Петроград, май 1919 года.

Только для мальчишек

Какой мальчишка не мечтает о подвиге! Вряд ли найдешь такого. Мальчишки есть мальчишки... Беспокойное племя, отважный народ. Сегодня они разыгрывают жаркие баталии на школьных дворах, увлекаются военными играми, а завтра отправляются в серьезные походы по местам боевой славы отцов... Каждый мечтает быть хоть немножко похожим на взрослого военного с его мужеством, знаниями, волей. И мы решили помочь мальчишкам в этом, решили рассказать о сегодняшней армии, о боевых специальностях, о новой технике.

Повелители радио

Тревога!.. Пусть учебная, но все равно нельзя терять ни секунды. Расчет радиолокатора торопится занять свои места.

На пригорке, распластав ажурные крылья антенн, стоит локатор. Крылья его медленно покачиваются, и временами кажется, что вот-вот он взлетит, словно птица...

Днем и ночью несет он свою боевую вахту, тщательно, метр за метром «прощупывая» горизонт радиосигналами. Рождается сигнал в передатчике локатора. Затем антенна словно «выстреливает» его

в определенном направлении узким пучком невидимых радиоволн. Достигнув цели, как бы нащупав препятствие и отразившись от него, радиоволна мчится обратно, к приемнику локатора. В этот момент передатчик молчит. Но «быстроногие» радиоволны преодолевают любое расстояние в считанные доли секунды, и поэтому перерывы в передаче очень коротки, импульсы следуют один за другим. Расстояние не помеха электронным сигналам — локатор «видит» за сотни километров. И ни самолету,

ВОЛН

Фото В. КУНЯЕВА.

ни кораблю, ни танку не укрыться от этого цепкого «взгляда», даже если цель скрыта в ночной тьме или за пеленой густого тумана...

Но вот, вздрогнув, замерла антенна. Радиолуч принес тревожный сигнал. Здесь, на голубом экране, перед которым сидит оператор, невидимое становится видимым: на экране появляется треугольная отметка. Теперь оператор ни на секунду не отрывает взгляда от экрана: никто еще не знает, что это за цель... Мгновение — оператору уже известно, кто он, этот нарушитель спокойствия, где он сейчас и куда движется. Оператор тотчас же докладывает командиру:

— Есть цель!

Теперь экипаж переходит на сопровождение цели. А в это время, получив сигнал, уже приготовились к вылету летчики-перехватчики на ближайшем аэродроме, заняли места расчеты ракетных установок, застыли у зенитных орудий артиллеристы. Все ждут от операторов радиолокатора новых данных о движении цели...

Нет сейчас такого вида боевой техники, где бы не применялась радиоэлектроника. С помощью радио управляют сегодня самым грозным оружием — ракетами. Радиолуч прокладывает в небе невидимую дорожку. По ней и летит ракета. Куда луч, туда и ракета. Это один способ наведения. Другой способ — подавать ракете команды по радио. Такая команда, принятая радиоаппаратурой ракеты, регулирует положение рулей. И ракета ложится на новый курс.

Сложнейшая радиоаппаратура установлена на самолетах: радиолокационные прицелы для бомбометания ночью или в тумане, локаторы самого различного назначения, радиостанции связи. На кораблях и подводных лодках радиоустройств еще больше, чем на самолетах.

Ночными прицелами оснащены сейчас и пушки и пулеметы. Это инфракрасные приборы, которые, как и локаторы, основаны на способности радиоволн отражаться от предметов. Стрелок или водитель с помощью этих приборов видит ночью, что находится перед ним на расстоянии двухсот — трехсот метров. А на танках и бронетранспортерах, помимо приборов ночного видения, установлены еще и собственные радиостанции. Выходит, и солдату пехоты тоже не обойтись сегодня без знания радиоэлектроники!

А радиосвязь? Разве мыслима без радио слаженная работа отдельных частей и подразделений? Еще совсем недавно телеграмму можно было получить только по проводам — теперь она «идет» по радиолучу, и телеграфный аппарат, включенный в радиолинию, сразу же печатает на ленте текст телеграммы.

Цепочкой протянулись по лесам и болотам мачты радиорелейных станций. От одной антенны к другой бежит радиоволна, одновременно передавая несколько телефонных и телеграфных переговоров. И никто не мешает друг другу. Вот на какие чудеса способна сегодняшняя радиоаппаратура!

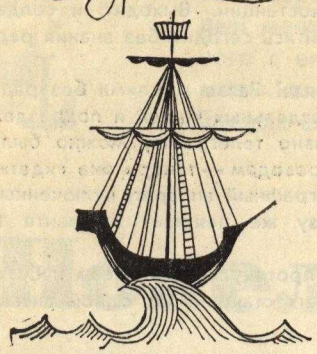

Цель на экране! Операторы неотступно следят за ней. Офицер готов помочь им в любую минуту.

Умелые, поистине золотые руки нужны, чтобы привести всю эту сложнейшую аппаратуру в действие. Операторы локаторов, радисты, механики дальней связи — это молодые парни в солдатских гимнастерках, многие из них — вчерашние школьники. Новички, только пришедшие на службу, мечтают получить заветный голубой значок с цифрой «1». Они знают, что те, кто носит его, операторы или радисты первого класса — подлинные мастера своего дела, люди высокой технической культуры.

Подполковник Н. ВАСИЛЬЕВ

Журнал в журнале

КОРАБЛИК

печатает только тебя

ОСЕННИЙ ПОЖАР

Лес охвачен пожаром,
Пламенеет, горит;
В сизой дымке
туманной
Сам как будто дымит.
Рыжими листьями
Ветер шуршит,
Рыжее солнце
С неба глядит,
А под деревом
рыжик
Рыжим пламенем
дышит.
Кажется, подойдешь—
Так и пыхнет жаром.
Лес охвачен пожаром,
Осенним пожаром.

Вика ВИЦЕНКО,
14 лет,
поселок Борисовка,
Белгородская область.

Зима была, должно быть, где-то,
Но мимо нас прошла она.
Теперь, как осень, без привета
Стоит на улице весна.

Вчера — вода, сегодня тоже
Висит стеклянная завеса;
И вспоминается про дождик
Смешная, маленькая песня.

Водой полны все лужи, ямы,
И небо серо от воды.
И по воде, по лужам прямо,
Плывут, плывут из туч плоты.

Вальтер МИЛЛЕР,
14 лет,
город Душанбе.

СТИХИ ОЛИ ЦЫЦИЛИНОЙ

Вечер

Люблю я озеро
Вечернею порою,
Когда все тихо
В этом сумраке вечернем,
Лишь только ветер нарушает
тишину.

Ветер

Он мечется и стонет,
Летая по полям;
То прилетит на пруд,
Покроет рябью воду,
То вдруг затихнет на мгновенье,
То улетит —
И прилетит
и мимоходом
Погладит ивы над рекой,
Поговорит с березой
И улетит неведомо куда.

Оля живет в селе Чемал,
Алтайского края. Ей 12 лет.

Из писем «Кораблику»

Очень понравилось мне стихотворение Светы Стефаниди «Одуванчик», которое было опубликовано в «Кораблике» в августе прошлого года.

Сколько раз брала я в руки обыкновенный одуванчик и не задумывалась, что одуванчик — шутник, озорник и что у него лысая голова!

Галя Мишина, 13 лет,
Москва.

Многие говорят, что о природе все давно написано, как будто нечего писать.

Но для меня это не так. Еще много не написано. Еще много тайн придется открыть поэзии.

Витя Демин, 14 лет,
город Балахна,
Горьковская область.

КЛУБ ФОРВАРДОВ

ЕСЛИ БЫ ШАЙБА МОГЛА ГОВОРИТЬ...

Эх, если бы хоккейная шайба и правда могла говорить, она бы рассказала много интересного. И, конечно, в собеседники она выбрала бы самых близких своих друзей — членов клуба «Золотая шайба».

Вам, разумеется, не надо объяснять, что это такое — «Золотая шайба». Вы и сами отлично знаете, что это традиционный приз, что учредила его три года назад редакция газеты «Пионерская правда» вместе с ЦК комсомола, что борются за него дворовые команды мальчишек по всей стране.

Так вот, если бы все-таки шайба могла говорить, она первым делом раскрыла бы один секрет: все юные рыцари «Золотой шайбы», все без исключения, хотя их насчитывается почти три миллиона, мечтают со временем стать Старшиновыми или Майоровыми, Фирсовыми или Коноваленко. Словом, мечтают стать знаменитыми хоккеистами.

И еще она бы непременно рассказала, как ими стать. Она-то много чего повидала на своем веку!

Шайба не умеет говорить, но это смотря с кем. Я спортивный журналист, мне положено вести разговор по душам со всеми, кто имеет отношение к спорту. Кое-что рассказала мне и шайба. Однако должен предупредить: она не стала давать советов, как держать клюшку и как строить тренировку, как затачивать коньки и как обводить противников. «Школьный учитель физкультуры или общественный тренер сделает это не хуже меня, — сказала шайба, — но кое-какие мои наблюдения могут оказаться для ребят полезными».

Итак... Кто такой Всеволод Бобров, знает каждый. Но видеть его на хоккейной площадке вам не пришлось. Он распрощался с коньками и клюшкой десять лет назад, когда вы, как говорится, под стол пешком ходили. Это был удивительный игрок. Однажды во время матча его команды (ЦСКА) с московским «Спартаком» он забросил подряд восемь шайб в ворота противника. Когда сборная СССР впервые приняла участие в мировом хоккейном чемпионате, Всеволод Бобров получил приз лучшего нападающего мира.

Про Боброва обычно говорили: «Талант», «Самородок», «Природное дарование». И говорили правильно. Один известный теннисист рассказал мне, как Бобров впервые пришел на теннисный корт: «Посмотрел, посмотрел, потом попросил ракетку и заиграл так, что хоть сразу ему присваивай первый разряд!»

Боброву завидовали, считая, что слава и почести сыплются на него словно с неба. И только его товарищи по команде да еще немногие, кроме них, знали, как в действительности обстоит дело.

Заканчивалась тренировка, и команда уходила в раздевалку. Игроки принимали душ и отправлялись по домам. Со стадиона они шли мимо хоккейной площадки. И всегда наблюдали одну и ту же картину. На площадке, один на один с шайбой, оставался Всеволод Бобров, совершая по двести — триста бросков по воротам. Да не просто бросков, а бросков из самых неудобных, самых трудных положений. И не уходил, пока не добивался, чтобы трудное стало легким.

А потом, во время матчей, пораженные искусством Боброва зрители удивлялись:

— И как это все у него получается! Талант!

Да, талант. И даже если бы не было этих ежедневных двухсот — трехсот «сверхплановых» бросков, он, возможно, стал бы неплохим хоккеистом. Но знаменитым Всеволодом Бобровым он не стал бы.

Вот какую историю сумела бы поведать вам хоккейная шайба, умей она говорить. Мне она призналась, что еще много похожих историй хранится в ее резиновой памяти. И о Николае Сологубове, и о Константине Локтеве, и о Борисе Майорове, и о Вячеславе Старшинове.

И обязательно об Анатолии Фирсове, этом двадцатипятилетнем заслуженном мастере спорта, которого уже сейчас называют «вторым Бобровым».

Хоккейный сезон заканчивается почти одновременно с учебным годом. Вместе с остальными

ными студентами и школьниками хоккеисты разъезжаются на каникулы. Пять лет назад в команду ЦСКА пришел новый игрок — Толя Фирсов. Его товарищи и одноклубники разъезжались на отдых, а он все лето проводил в Москве. Каждое утро он приходил на одно и то же место: на асфальтированную площадку рядом с нынешним спортивным дворцом ЦСКА. Фирсов надевал тренировочный костюм, брал в руки клюшку, кидал на асфальт шайбу, и начиналась двухчасовая работа над совершенствованием техники. Так все лето, пока не возобновились обычные командные тренировки. Тогда работа продолжалась уже вместе со всеми остальными.

Матч сборных СССР — Швеция. Атакует Полупанов.

В ЦСКА существует обычай: когда основной состав заканчивает занятия, тренер Анатолий Тарасов остается еще на полчасика, чтобы позаниматься с молодежью. Так вот, если бы шайба умела говорить, она поручилась бы, что не было случая, чтобы на такое дополнительное занятие не остался Анатолий Фирсов, хотя ему-то, знаменитому форварду, игроку сборной СССР, вроде бы это вовсе ни к чему.

А вот случай, которому не только шайба, но и я сам был свидетелем. Это случилось в подмосковном городке Новогорске, где перед международными матчами жила и тренировалась сборная СССР. Закончилось собрание.

— Итак, вечером матч, — сказал напоследок старший тренер Аркадий Чернышев. — Сегодня не играет тройка Викулов, Полупанов, Фирсов.

Ребята разошлись по своим комнатам отдыхать. И только трое, которых назвал тренер, взяли коньки, клюшки, лопату и метлу и вышли на двадцатиградусный мороз.

— Куда вы, ребята? — удивился я.

— Да вот расчистим лед и потренируемся. Мы ведь сегодня не играем...

Что ж, они были правы. Это как в музыке: даже самый великий пианист должен ежедневно тренировать свои быстрые пальцы.

Как видите, слава и почет не приходят к спортсмену сами собой. Их нужно завоевать. За них нужно бороться. И никому это не известно так хорошо, как проворной и юркой хоккейной шайбе.

Е. РУБИН

Случай с подставкой

Репортаж ведёт... Хоттабыч

О мои юные друзья! Надуйте снова мячи своего внимания насосом интереса к моему рассказу. Итак, когда увидел мой драгоценный друг Волька, что нашу спортплощадку (позволю себе надеяться, что я научился правильно произносить это слово, трудное, как футбольный удар «сухой лист»),— так вот, когда Волька увидел, что площадку нашу занесло снегом, то предложил своим товарищам расчистить ее и залить льдом чистейшей воды. И общими усилиями все мы, молодежь, залили каток.

— А знаете что? — сказал нам

Волька.— Зимой лучшая тренировка для футболиста — это игра в хоккей. Давайте соберем команду и будем выступать в соревнованиях «Золотая шайба»!

— Замечательно! — воскликнул я.— Я могу учредить для победителей специальный приз — сто пачек мороженого.

— Ну что ты, Хоттабыч! — засмеялся Волька.— Съесть сразу сто пачек мороженого будет нарушением спортивного режима. Мы и без мороженого постараемся хорошо сыграть!

И вот команда была создана. И меня тоже приняли в нее — редактором стенной газеты. И, кроме того, я должен был на общественных началах помогать игрокам советами по тактике игры. И для этой цели я купил в книжном магазине специальный учебник и стал знакомиться с правилами хоккея.

Но, увы, первое время слова этой мудрой книги проходили мимо штанги моего понимания. Однако, будучи упорным и настойчивым, как каждый спортсмен, я вскоре овладел премудростями сей замечательной игры и с нетерпением стал ожидать начала соревнований. И вот наконец в саду моего ожидания расцвел цветок свершения. Наша команда встретилась с командой соседней улицы в матче на кубок неведомого мне человека по фамилии Жэк. Не успел еще постовой милиционер на перекрестке через два квартала от нашего двора трижды оштрафовать нарушителей уличного движения, как счет во встрече наших команд уже был 1 : 1. И заметил я, что в команде наших соперников выделяется своей искусной игрой игрок под номером пятым. Но тут наступил перерыв. И подъехал ко мне Волька прямо на коньках и прошептал: «Знаешь, Хоттабыч, я просто не знаю, что делать. У них пятый номер — это подставка».

— Наложи на рану моего непонимания повязку твоих объяснений,— ответил я,— видел я подставку для зонтиков, приходилось мне в своей жизни иметь дело с подставкой для цветов и даже с подставкой для старых галош. Но как может подставка иметь облик человека, да еще столь искусно играющего в хоккей? Уж не замешано ли здесь колдовство?!

— Ну как ты не понимаешь! — воскликнул Волька. — Никакая это не галоша и не зонтик, а Димка Истомин. Он в детской спортивной школе хоккеем занимается. А в заявке написано, будто он Игорь Жданов. И по возрасту он уже не подходит и живет совсем даже не на той улице! Так нечестно!

— Почему же ты не сказал судье матча? — спросил я.

— Понимаешь, Хоттабыч, мне подумалось, что это будет на ябедничество похоже,— ответил ибн Алеша.

— Глупости! — рассердился я не на шутку.— Раскрыть нечестный поступок, по-твоему, ябедничество?! Не ожидал я от тебя! По-моему, просто трусость с твоей стороны так думать!

Не слушая Волькиных возражений, я направился к отроку, который именовался одновременно и Димой и Игорем, будучи на самом деле подставкой.

— Очевидно, во время игры твою совесть удалили на две минуты? — вопросил я его.— Даже Сулейман ибн Дауд не имел столько имен, сколькими обладаешь ты! Неужели ты еще не возвел плотину стыда через реку своего некрасивого поступка?

— Чего-чего?—сказал мне этот оборотень со многими именами.— Не пойму, про что это вы?

Тут, однако, один из игроков его команды, слышавший наш разговор, покраснел, словно небо на закате, и сказал:

— Да ладно, чего там! Хватит прикидываться простачком! Нечестно поступили, и все!

И все остальные один за другим подали голос:

— Ясное дело! Выходит, нам самим слабо́ выиграть, вот мы и жульничаем!

— Хватит обманывать! Я так не согласен!

— И я тоже!

— И я!

— И я!

И вся команда медленно побрела в раздевалку. Судья, конечно, отменил матч. Как видите, солнце правды всегда пробьется сквозь тучи лжи. Тучи же непременно прольются на землю дождем жгучего стыда! И от любой самой искусной подставки останется только пустое место.

Записали братья Кашаевы.

Даем ответы на вопросы

ПЕРВЫЙ ТУР (№ 6)

1. Первое выступление Яшина за сборную СССР было 8 сентября 1954 года в Москве в матче со сборной Швеции. Счет — 7 : 0. Голы забили: Н. Симонян — 2, С. Сальников — 2, А. Гогоберидзе, А. Ильин и швед Андерсон (в свои ворота) — по одному.

2. Рекордным по общему числу забитых мячей был матч первого круга между московским и киевским «Динамо» в розыгрыше первенства 1940 года. Выиграли москвичи со счетом 8 : 5.

3. Засчитать гол. В правилах оговорено, что гол не засчитывается в том случае, если мяч попадет в ворота, коснувшись постороннего предмета. А какой же посторонний предмет судья!

4. Засчитать гол. Если нападающий получил мяч от чужого игрока, положения «вне игры» нет. При подобных обстоятельствах был забит гол А. Банишевским в ворота сборной Бразилии (Рио-де-Жанейро, 1965 год).

ВТОРОЙ ТУР (№ 7)

1. Рекорды результативности форвардов по клубам: 1. Н. Симонян («Спартак») — 133 мяча; А. Гогоберидзе (тбилисское «Динамо») — 127; С. Соловьев (московское «Динамо») — 126; Г. Федотов (ЦСКА) — 124; В. Иванов (московское «Торпедо») — 122; В. Каневский (киевское «Динамо») — 80 мячей.

2. Приз за самый красивый гол сезона в 1964 году был присужден игроку киевского «Динамо» О. Базилевичу, забившему этот гол в кубковом матче с московским «Спартаком». А в 1965 году — В. Воронину (московское «Торпедо») в матче второго круга с ростовским СКА.

3. Игру останавливать не следует. В момент удара нападающий был в пассивном положении «вне игры», поскольку ему не адресовалась передача, а мяч попал к нему от чужого игрока.

4. Нет. Игрок, производивший удар, не может вторично касаться мяча, пока другой игрок не дотронулся до мяча.

Внимание! Внимание! Участники «Турнира знатоков»! Ответы к третьему и четвертому туру вы найдете в следующем номере журнала.

ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

Рэй БРЭДБЕРИ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

(Окончание.)

Раннее-раннее утро, первые отсветы зари на крыше за окном. Все листья на деревьях вздрагивают, отзываясь на малейшее дуновение предрассветного ветерка. И вот где-то далеко, из-за поворота, на серебряных рельсах появляется трамвай, покачиваясь на четырех маленьких серо-голубых колесах, ярко-оранжевый, как мандарин. На нем эполеты мерцающей меди и золотой кант проводов, и желтый звонок громко звякает, едва старый вожатый стукнет по нему ногой в стоптанном башмаке. Цифры на боках трамвая и спереди ярко-золотые, как лимон. Внутри вагона сиденья точно поросли прохладным зеленым мхом. На крыше словно занесен огромный кучерский бич, на бегу он скользит по серебряной паутине, протянутой высоко среди деревьев. Из всех его окон, будто ладаном, пахнет всепроникающим голубым и загадочным запахом летних гроз и молний.

Трамвай звенит вдоль окаймленных вязами улиц, и обтянутая серой перчаткой рука вожатого опять и опять легко касается рукояток управления.

В полдень вожатый остановил вагон посреди квартала и высунулся в окошко.

— Эй!

И, завидев призывный взмах серой перчатки, Дуглас, Чарли, Том, все мальчишки и девчонки всего квартала соскочили с деревьев, побросали в траву скакалки, где они остались лежать, точно белые змеи, и побежали к трамваю; они расселись по зеленым плюшевым сиденьям, и никто с них не спросил никакой платы. Мистер Тридден, вожатый, положил перчатку на щель денежного ящика и повел трамвай дальше, по тенистым улицам, громко звякая звонком.

— Эй! — сказал Чарли.— Куда это мы едем?

— Последний рейс,— ответил мистер Тридден, глядя вперед, на бегущие высоко над вагоном провода.— Больше трамвая не будет. Завтра пойдет автобус. А меня отправляют на пенсию, вот как. И потому покатайтесь напоследок, всем бесплатно! Осторожно!

Он рывком повернул медную рукоятку, трамвай заскрипел и круто свернул, описывая бесконечную зеленую петлю, и само время на всем свете замерло, только мистер Тридден и дети плыли в его удивительной машине куда-то далеко по нескончаемой реке...

— Напоследок? — переспросил ошеломленный Дуглас.— Да как же так? И без того все плохо. Зеленой машины больше нет, ее заперли в гараже, и никак ее оттуда не вызволишь! И мои новые теннисные туфли уже становятся совсем старые и бегут все медленнее и медленнее! Как же я теперь буду? Нет, нет... Не могут они убрать трамвай! Ведь, как ни говори, автобус — это не трамвай! Он и шумит не так, у него нет ни рельсов, ни проводов, он и искры не сыплет и рельсы песком не посыпает, да и цвет у него не такой, и звонка нет, и подножку он не опускает!

— А ведь верно,— подхватил Чарли.— Страх люблю смотреть, когда трамвай подножку опускает,— прямо гармоника!

— То-то и оно,— сказал Дуглас.

Тут они приехали на конечную остановку; впрочем, серебряные рельсы, заброшенные восемнадцать лет назад, бежали среди холмов дальше. В тысяча девятьсот десятом году трамваем ездили на загородные прогулки в Чесмен-парк, прихватив с собой огромные корзины с провизией. С тех пор рельсы так и остались ржаветь среди холмов.

— Тут-то мы и поворачиваем назад,— сказал Чарли.

— Тут-то ты и ошибся! — И мистер Тридден щелкнул выключателем аварийного генератора.— Поехали!

Трамвай дернулся, скользнул по рельсам и, оставив позади городские окраины, покатился вниз, в долину; он то вылетал на душистые, залитые солнцем лужайки, то нырял под тенистые деревья, где пахло грибами. Там и сям колею пересекали ручейки, солнце просвечивало сквозь листву деревьев, точно сквозь зеленое стекло. Вагон, тихонько бормоча что-то про себя, скользил по лугам, усеянным дикими подсолнухами, мимо давно заброшенных станций, усыпанных, точно конфетти, старыми трамвайными билетами, и вслед за лесным ручьем устремлялся в летние леса.

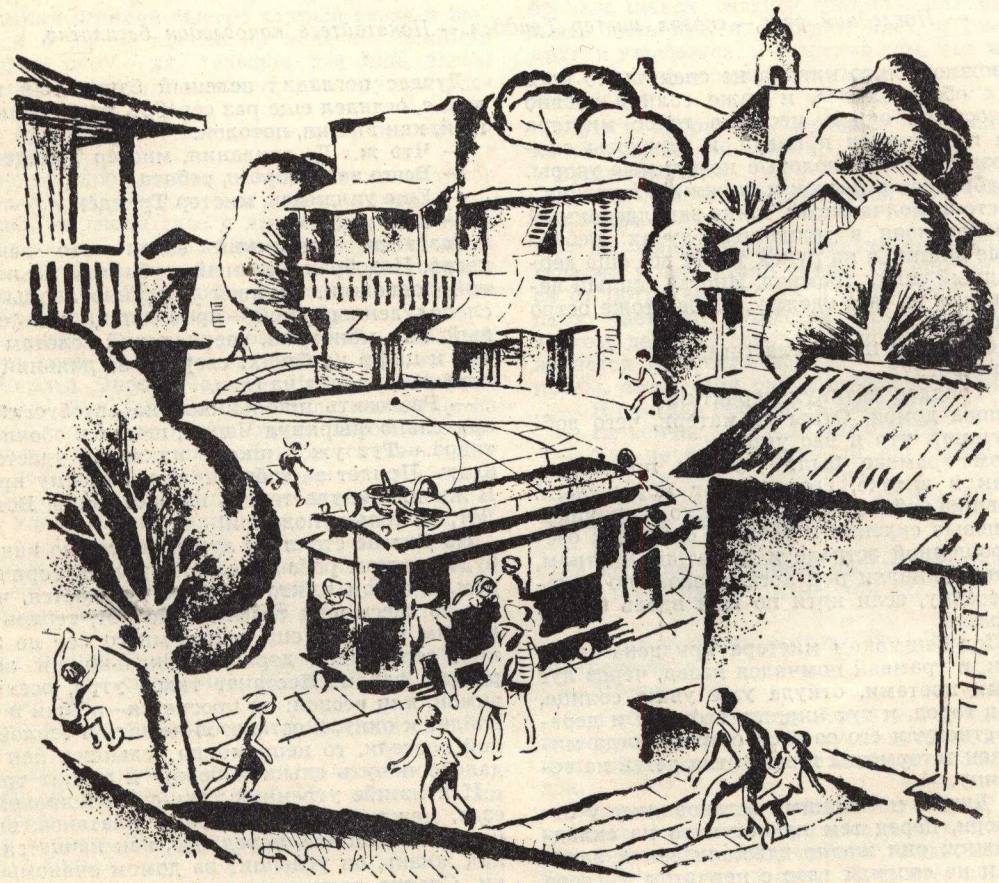
— Трамвай — он даже пахнет по-особенному,— говорил Дуглас.— Ездил я в Чикаго на автобусах: у тех какой-то чудной запах.

— Трамвай чересчур медленно ходит,— сказал мистер Тридден.— Вот они и хотят пустить по городу автобусы. И ребят в школу тоже станут возить в автобусах.

Трамвай взвизгнул и остановился. Мистер Тридден достал сверху корзины с провизией. Дети с восторженными воплями помогали ему оттаскивать их на траву возле ручья, туда, где он впадал в молчаливое озеро; здесь некогда поставили эстраду для оркестра, но теперь она уже почти рассыпалась в прах.

Они сидели на траве, уплетали сандвичи с ветчиной, свежую клубнику и яркие, блестящие, точно восковые, апельсины, и мистер Тридден рассказывал им, как двенадцать лет назад тут по вечерам на разукрашенной эстраде играл оркестр: музыканты изо всех сил трубили в свои медные трубы, а толстенький дирижер, обливаясь потом, усердно размахивал палочкой, а в высокой траве гонялись друг за другом ребятишки и мелькали светлячки, а по дощатым мосткам, постукивая каблуками, будто играя на ксилофоне, расхаживали дамы в длинных платьях с высокими стоячими воротниками и мужчины в таких тесных накрахмаленных воротничках, что того и гляди задохнутся. Вот они, остатки этих мостков, только за долгие годы доски сгнили и превратились в какое-то деревянное месиво.

Озеро лежало молчаливое, голубое и безмятежное, рыба медленно плескалась в блестящих камышах, а вагоновожатый все говорил и говорил, и детям казалось, что они перенеслись в какое-то иное время, и мистер Тридден стал вдруг на диво молодой, и глаза у него горят, как голубые электрические лампочки. День проплывал сонно

Мальчишки и девчонки всего квартала побежали к трамваю.

— Последний рейс,— сказал мистер Тридден. — Покатайтесь напоследок бесплатно.

и бестревожно, никто никуда не спешил, со всех сторон их обступал лес, и даже солнце словно остановилось на одном месте, а голос мистера Триддена поднимался и падал, и стрекозы сновали в воздухе, рисуя золотые невидимые узоры. Пчелка забралась в цветок и жужжит, жужжит... Трамвай стоял молчаливый, точно заколдованный орган, поблескивая в солнечных лучах. Ребята ели спелые вишни, а на руках у них все еще держался медный запах трамвая. Иногда теплый ветерок шевелил на них одежду, от нее тоже остро пахло трамваем.

В небе с криком пролетела гагара.

Кто-то вздрогнул.

Мистер Тридден натянул перчатки.

— Ну, пора домой. Отцы да матери, чего доброго, подумают, что я вас украл.

В темном трамвае было тихо и прохладно, совсем как в аптеке, где торгуют мороженым. Присмиревшие ребята повернули тихо зашуршавшие плюшевые сиденья и уселись спиной к озеру, к заброшенной эстраде и дощатым мосткам, которые выстукивали под ногами звонкую деревянную песенку, если идти по ним вдоль берега в иные страны.

Дзинь! Под башмаком мистера Триддена звякнул звонок, и трамвай помчался назад, через луг с увядшими цветами, откуда уже ушло солнце, через лес в город, и тут кирпич, асфальт и дерево словно стиснули его со всех сторон; тогда мистер Тридден затормозил и выпустил детей на тенистую улицу.

Чарли и Дуглас последними остановились у открытой двери, перед тем как ступить на складную подножку; они жадно вдыхали запах электричества и не сводили глаз с перчаток мистера Триддена на медной рукоятке.

Дуглас погладил зеленый бархатный мох сиденья, оглядел еще раз серебро, медь, темно-красный, как вишня, потолок.

— Что ж... До свидания, мистер Тридден!

— Всего вам доброго, ребята.

— Еще увидимся, мистер Тридден.

— Еще увидимся.

Раздался негромкий вздох — это закрылась дверь. Подобрав длинный, рубчатый язык складной подножки, трамвай медленно поплыл в послеполуденный зной — ярче солнца, весь оранжевый, как мандарин, сверкающий золотом рукояток и цифр на боках; свернул за дальний угол и скрылся, пропал из глаз.

— Развозить школьников на автобусах! — презрительно фыркнул Чарли, шагая к обочине тротуара.— Тут уж в школу никак не удастся опоздать. Придет за тобой прямо к твоему крыльцу. В жизни никуда теперь не опоздаешь! Вот жуть, Дуг, ты только подумай!

Но Дуглас стоял на лужайке и ясно видел, что будет завтра: рабочие зальют рельсы горячим варом, и потом никто даже не догадается, что когда-то здесь шел трамвай. Но нет, теперь и ему и этим ребятам еще много-много лет не забыть этой серебряной дорожки, сколько ни заливай рельсы варом. Настанет такое утро, осенью ли, зимой, или весной: он проснется—и если и не подойдет к окну, а останется лежать в теплой, уютной постели, то непременно услышит, как где-то далеко и чуть слышно бежит и звенит трамвай.

И в изгибе утренней улицы, на широком проезде, между ровными рядами платанов, вязов и кленов, в тишине, перед тем, как начнется дневная жизнь, он услышит за домом знакомые звуки. Словно затикают часы, словно покатится с грохотом десяток железных бочонков, словно за-

жужжит на заре одна-единственная огромная стрекоза. Словно карусель, словно маленькая электрическая буря, словно голубая молния, мелькнет и исчезнет, зазвенит звонком трамвай! И зашипит, точно сифон с содовой, опуская и вновь поднимая подножку, и вновь начнется сон, когда вагон поплывет своим путем, все дальше и дальше по своим потаенным, давно схороненным рельсам к какой-то своей потаенной, давно схороненной цели...

— Погоняем после ужина мяч? — спросил Чарли.

— Ясно,— ответил Дуглас.— Ясно, погоняем.

* * *

А потом наступает день, когда слышишь, как всюду вокруг с яблонь одно за другим падают яблоки. Сначала одно, потом где-то невдалеке — другое, а потом сразу три, потом четыре, девять, двадцать, и, наконец, яблоки начинают сыпаться, как дождь, мягко стучат во влажной, темнеющей траве, точно конские копыта, а ты — последнее яблоко на яблоне и ждешь, чтобы ветер медленно раскачал тебя и оторвал от твоей опоры в небе,— и ты падаешь все вниз, вниз... И задолго до того, как упадешь в траву, уже забудешь, что было на свете дерево, другие яблони, лето и зеленая трава под яблоней. Будешь падать во тьму...

— Нет!

Полковник Фрилей быстро открыл глаза и выпрямился в своем кресле на колесах. Вскинул застывшую руку — да, телефон все еще здесь! Полковник на секунду прижал его к груди и растерянно мигнул.

— Не нравится мне этот сон,— сообщил он пустой комнате.

Наконец он дрожащими пальцами поднял трубку, вызвал междугородную и назвал номер, а потом ждал, не сводя глаз с двери своей спальни, точно опасаясь, что сюда вот-вот ворвется орда сыновей, дочерей, внуков, сиделок и докторов и отнимет у него последнюю радость, которую он позволял своему угасающему сердцу.

Много дней — или, может быть, лет? — назад он услышал этих мальчуганов внизу... Как их зовут?... Чарльз, Чарли, Чак, да! И Дуглас! И Том! Он помнит! Они позвали его оттуда, издалека, из прихожей, но у них перед самым носом захлопнули дверь, и они ушли. Доктор сказал, ему нельзя волноваться. Никаких посетителей, ни в коем случае! И он слышал, как мальчики переходили улицу, он их видел, даже помахал им рукой. И они помахали ему в ответ. «Полковник... Полковник». И теперь он сидит совсем один, и сердце его, как маленький серый лягушонок, вяло шлепает лапками у него в груди, то тут, то там.

— Полковник Фрилей,— раздалось в трубке.— Говорите, я вас соединила. Мехико-Сити, Эриксон, номер 3899.

И далекий, но удивительно ясный голос:

— Bueno [1].

— Хорхе! — закричал старый полковник.

— Сеньор Фрилей! Опять? Но ведь это же очень дорого!

— Ну и пусть. Ты знаешь, что надо делать.

— Si [2]. Окно?

— Окно, Хорхе, пожалуйста.

— Минутку,— сказал голос.

И за тысячи миль от Грин-Тауна, в южной стране, в огромном многоэтажном здании, в кабинете раздались шаги — кто-то отошел от телефона. Старый полковник весь подался вперед, крепко прижимая трубку к сморщенному уху, и напряженно, до боли вслушивался и ждал, что будет дальше.

Там открыли окно.

Полковник вздохнул.

Сквозь открытое окно в трубку ворвались шумы Мехико-Сити, знойного золотого полудня, и полковник так ясно увидел Хорхе — вот он стоит у окна, выставив телефонную трубку на улицу, под яркое солнце...

— Сеньор...

— Нет, нет, пожалуйста. Дай мне послушать!

Он слышал: ревут гудки автомобилей, скрипят тормоза на асфальте, кричат разносчики, на все лады восхваляя свой товар — связки красноватых бананов и дикие апельсины. Ноги полковника, свисавшие с кресла, невольно начали подергиваться, точно и он шагал по той улице. Веки его были плотно сжаты. Он несколько раз шумно втянул ноздрями воздух, словно надеясь учуять запах мясных туш, что висят на огромных железных крюках, залитые солнцем и сплошь облепленные мухами, и запах мощенных камнем переулков, еще не просохших после утреннего дождя. Он ощущал на своих колючих, давно не бритых щеках жгучее солнце,— ему снова двадцать пять лет, и он идет, идет, и смотрит вокруг, и улыбается, и счастлив тем, что живет, что так остро чувствует, впитывает в себя цвета и запахи...

Стук в дверь. Он поспешно накрыл телефон на коленях полой халата.

Вошла сиделка.

— Ну как, мы хорошо себя вели? — спросила она бодро.

— Да,— машинально ответил полковник. Перед глазами у него стоял туман. Он еще не опомнился от потрясения, стук в дверь застал его врасплох; часть его существа еще оставалась там, в другом, далеком городе. Он подождал — пусть все вернется на место, ведь нужно отвечать на вопросы, вести себя разумно, быть вежливым.

— Я пришла проверить ваш пульс.

— Не сейчас,— сказал полковник.

— Уж не собираетесь ли вы пойти куда-нибудь? — Сиделка улыбнулась.

Он пристально посмотрел на нее. Он не выходил из дому уже десять лет.

— Дайте-ка руку.

Ее жесткие, уверенные пальцы нащупывали болезнь в его пульсе, измеряли ее, точно кронциркуль.

— Сердце очень возбуждено. Чем это вы его растревожили?

— Ничем.

Она обвела взглядом комнату и увидела пустой телефонный столик. В эту минуту за две тысячи миль раздался приглушенный автомобильный гудок.

Сиделка вынула телефон из-под халата полковника и поднесла его к самому его лицу.

— Зачем вы себя губите? Ведь вы обещали больше этого не делать. Поймите, вам же это вредно. Волнуетесь, слишком много разговариваете. И еще эти мальчишки скачут вокруг вас...

---

[1] Добрый день (исп.).

[2] Да (исп.).

Ноги не держали его, и он сполз по стене на пол.

— Они сидели очень спокойно и слушали,—сказал полковник.— А я рассказывал о разных разностях, о которых они еще не слыхивали. О буйволах, о бизонах. Ради этого стоило поволноваться. Мне все равно. Я был как в лихорадке и чувствовал, что живу. И если жить полной жизнью— значит, умереть скорее, пусть так; предпочитаю умереть быстро, но сперва вкусить еще от жизни. А теперь дайте мне телефон. Раз вы не позволяете мальчикам приходить и тихонько сидеть около меня, я хоть поговорю с кем-нибудь издали.

— Извините, полковник. Мне придется рассказать об этом вашему внуку. Он хотел убрать отсюда телефон еще на прошлой неделе, но я его отговорила. А теперь, видно, придется так и сделать.

— Это мой дом и мой телефон. И я плачу вам жалованье,— сказал старик.

— За то, чтобы я помогала вам поправиться, а не волноваться.— Она откатила кресло в другой конец комнаты.— А теперь, молодой человек, в постель.

Но и с постели он, не отрываясь, глядел на телефон.

— Я сбегаю на минутку в магазин,— сказала сиделка — А кресло ваше я увезу в прихожую. Так мне спокойнее: я уж буду знать, что вы не станете опять звонить по телефону.

И она выкатила пустое кресло за дверь. Потом он услышал, что она снизу звонит на междугородную станцию.

Неужели в Мехико-Сити? Нет, не посмеет.

Хлопнула передняя дверь.

Всю минувшую неделю он провел здесь один, в четырех стенах, и какое это было наслаждение — тайные звонки через моря и океаны, тонкая ниточка, протянутая сквозь дебри омытых дождем девственных лесов, среди озер и горных вершин... разговоры... разговоры... с Буэнос-Айресом... и Лимой... Рио-де-Жанейро...

Он приподнялся на локте в своей холодной постели. Завтра телефона уже не будет! Каким же он был дураком! Полковник спустил с кровати хрупкие, желтые, как слоновая кость, ноги и изумился — они совсем тонкие! Казалось, эти сухие палки прикрепили к его телу однажды ночью, пока он спал, а другие ноги, помоложе, сняли и сожгли в печи. За долгие годы все его тело разрушили, отняли руки и ноги и оставили взамен нечто жалкое и беспомощное, как шахматные фигурки. А теперь хотят добраться до самого неуловимого — до его памяти: они пытаются обрезать провода, которые ведут назад, в прошлое.

Спотыкаясь, полковник кое-как пересек комнату. Схватил телефон и прижал к себе; ноги уже не держали его, и он сполз по стене на пол. Потом позвонил на междугородную, а сердце поминутно взрывалось у него в груди — чаще, чаще... В глазах потемнело. Скорее, скорее!

Он ждал.

— Bueno!

— Хорхе, нас разъединили.

— Вам нельзя звонить, сеньор,— сказал далекий голос.— Ваша сиделка меня просила. Она говорит, вы очень больны. Я должен повесить трубку.

— Нет, Хорхе, пожалуйста,— взмолился старик.— В последний раз прошу тебя. Завтра у меня отберут телефон. Я уже никогда больше не смогу тебе позвонить.

Хорхе молчал.

— Заклинаю тебя, Хорхе,— продолжал старый полковник.— Ради нашей дружбы, ради прошлых дней! Ты не знаешь, как это для меня важно. Мы с тобой однолетки, но ведь ты можешь ДВИГАТЬСЯ! А я не двигаюсь с места уже десять лет!

Он уронил телефон и с большим трудом вновь поднял его, боль в груди разрасталась, не давала дышать.

— Хорхе! Ты меня слышишь?

— И это в самом деле будет последний разговор?— спросил Хорхе.

— Да, обещаю тебе!

За тысячи миль от Грин-Тауна телефонную трубку положили на стол. Снова отчетливо, знакомо звучат шаги, тишина— и наконец открывается окно.

— Слушай же,— шепнул себе старый полковник.

И он услышал тысячу людей под иным солнцем и слабое, отрывистое треньканье: шарманка играет «Ла Маримба» — такой прелестный танец!

Старик крепко стиснул веки, поднял руку, точно собирался сфотографировать старый собор, и тело его словно налилось, помолодело, и он ощутил под ногами раскаленные камни мостовой.

Ему хотелось сказать: «Вы все еще здесь, да? Вы, жители далекого города, сейчас у вас там жаркий полдень, лавки закрываются, а мальчишки выкрикивают «Loteria Nacional para hoy» и суют прохожим лотерейные билеты. Вы все здесь, люди далекого города. Мне просто не верится, что и я был когда-то среди вас. Из такой дали кажется, что его и нет вовсе, этого города, что он мне только приснился. Всякий город — Нью-Йорк, Чикаго — со всеми своими обитателями издали кажется просто выдумкой. И не верится, что и я существую здесь, в штате Иллинойс, в маленьком городишке у тихого озера. Всем нам трудно поверить, каждому трудно поверить, что все остальные существуют, потому что мы слишком далеко друг от друга. И как же отрадно слышать голоса и шум и знать, что Мехико-Сити все еще стоит на своем месте и люди там все так же ходят по улицам и живут...»

Он сидел на полу, крепко прижимая к уху телефонную трубку.

И наконец ясно услышал самый неправдоподобный звук — на повороте заскрежетал зеленый трамвай, полный чужих смуглых и красивых людей, и еще люди бежали вдогонку, и доносились торжествующие возгласы — кому-то удалось вскочить на ходу, трамвай заворачивал за угол, и рельсы звенели, и он уносил людей в знойные летние просторы, и оставалось лишь шипение кукурузных лепешек на рыночных жаровнях, а быть может, лишь беспрерывное, то угасавшее, то вновь нараставшее гудение медных проводов, что тянулись за две тысячи миль...

Старый полковник сидел на полу.

Время шло.

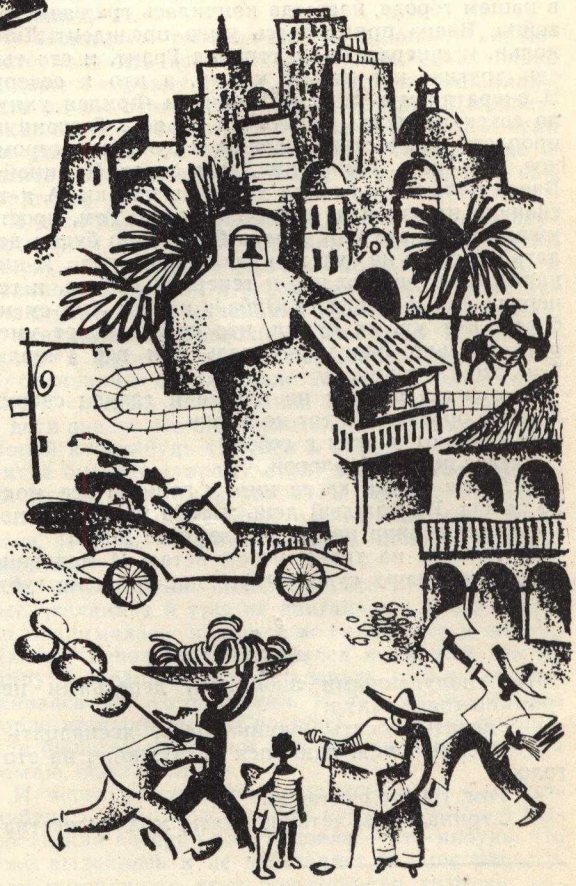
Внизу медленно отворилась дверь. Легкие шаги в прихожей, потом кто-то помедлил в нерешительности и вот, осмелев, поднимается по лестнице. Приглушенные голоса:

— Не надо нам было приходить!

— А я тебе говорю, он мне позволил. Ему одному невтерпеж. Что ж мы, предатели, что ли, возьмем да и бросим его?

— Так ведь он болен!

— Ясно, болен. Но он велел приходить, когда сиделки нет дома. Мы только на минутку войдем, поздороваемся и...

«Вы все здесь, люди далекого города...»

Дверь спальни раскрылась настежь. И трое мальчишек увидели: старый полковник сидит на полу у стены.

— Полковник Фрилей,— негромко позвал Дуглас.

Тишина была какая-то странная, они тоже не решались больше заговорить.

Потом подошли поближе, тихонько, чуть ли не на цыпочках.

Дуглас наклонился и вынул телефон из совсем уже застывших пальцев старика. Поднес трубку к уху, прислушался. И сквозь гудение проводов и треск разрядов услышал странный, далекий, последний звук.

Где-то за две тысячи миль закрылось окно.

* * *

— Бумм! — крикнул Том.— Бумм, бумм, бумм!

Он сидел на пушке времен гражданской войны во дворе суда.

Перед пушкой стоял Дуглас, он схватился за сердце и рухнул на траву. И не вскочил, а остался лежать и, видно, о чем-то задумался.

— У тебя такое лицо, точно ты вот-вот вытащишь карандаш и возьмешься писать.

— Не мешай мне думать,— ответил Дуглас, глядя на пушку. Потом перекатился на спину и уставился на небо и на макушки деревьев.— Том, до меня только сейчас дошло.

— Что?

— Вчера умер Чин Лин-су. Вчера прямо здесь, в нашем городе, навсегда кончилась гражданская война. Вчера прямо здесь умер президент Линкольн, и генерал Ли, и генерал Грант, и сто тысяч других, кто лицом к югу, а кто к северу. И вчера днем в доме полковника Фрилея ухнуло со скалы в самую что ни на есть бездонную пропасть целое стадо бизонов и буйволов, огромное, как весь Грин-Таун, как штат Иллинойс. Вчера целые тучи пыли улеглись навеки. А я-то сначала ничего и не понял! Ужасно, Том, просто ужасно! Как же нам теперь быть? Что будем делать? Больше не будет никаких буйволов... И никаких не будет солдат, и генерала Гранта, и генерала Ли, и Честного Эйба [1]; и Чин Лин-су не будет! Вот уж не думал, что сразу может умереть столько народу! А ведь они все умерли, Том, это уж точно.

Том сидел верхом на пушке и глядел сверху вниз на брата, пока тот не умолк.

— Блокнот у тебя с собой?

Дуглас покачал головой.

— Тогда сбегай-ка за ним и запиши все, пока не забыл. Не каждый день у тебя на глазах помирает половина населения земного шара.

Дуглас сел на траве, потом встал. И медленно побрел по двору суда, покусывая нижнюю губу.

* * *

Под полуденными знойными деревьями негромкий голос тянул:

— ...девять, десять, одиннадцать, двенадцать...

Дуглас медленно двинулся по лужайке на этот голос.

— Том, ты что считаешь?

— ...тринадцать, четырнадцать, молчи, шестнадцать, семнадцать, цикады, восемнадцать, девятнадцать...

— Цикады?

— А, черт! — Том открыл глаза.— Черт, черт, черт!

— Смотри, кто-нибудь услышит, как ты ругаешься...

— Черт, черт, черт живет в аду! — крикнул Том.— Теперь придется начинать все сначала. Я считал, сколько раз прострекочут цикады за пятнадцать секунд.— Он поднял вверх свои дешевенькие часы.— Надо только заметить время, прибавить тридцать девять, и получится, сколько сейчас градусов жары...— Он глянул на часы, зажмурил один глаз, склонил голову набок и снова зашептал: — Раз, два, три...

Дуглас медленно повернул голову и прислушался. Где-то высоко в раскаленном белесом небе дрогнула и зазвенела медная проволока. Снова и снова, точно электрические разряды, падали ошеломляющими ударами с потрясенных деревьев пронзительные содрогания металла.

— Семь,— считал Том.— Восемь.

Дуглас поплелся на веранду. Блаженно жмурясь, заглянул в прихожую. Через минуту опять медленно вышел на веранду и вяло окликнул Тома:

— Сейчас ровно восемьдесят семь градусов по Фаренгейту.

— ...двадцать семь, двадцать восемь...

— Эй, Том, ты слышишь?

— Слышу, тридцать, тридцать один! Убирайся! Два, три, тридцать четыре...

— Хватит тебе считать, в доме на градуснике сейчас восемьдесят семь и еще лезет вверх, и не нужны тебе никакие кациды.

— Цикады! Тридцать девять, сорок! Не кациды! Сорок два!

— Восемьдесят семь градусов. Я думал, тебе будет интересно узнать.

— Сорок пять, это же в доме, а не на улице!.. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один! Пятьдесят два, пятьдесят три! Пятьдесят три плюс тридцать девять будет... будет девяносто два градуса!

— Кто сказал?

— Я сказал! Не восемьдесят семь по Фаренгейту, а девяносто два по Сполдингу!

— Ты-то ты, а еще-то кто?

Том вскочил и поднял раскрасневшееся лицо к солнцу.

— Я и цикады, вот кто! Я и цикады! Нас больше! Девяносто два, девяносто два, девяносто два градуса по Сполдингу, вот тебе!

Оба стояли и глядели в безжалостное, без единого облачка небо; точно испорченный фотоаппарат, зияющий раскрытым во всю ширь затвором, оно глазело на недвижный, оглушенный зноем, умирающий в пламенных лучах город.

Дуглас закрыл глаза и увидел, как два дурацких солнца выплясывают на внутренней стороне розовых прозрачных век.

— Раз... два... три...

Дуглас почувствовал, как шевелятся его губы.

— ...четыре... пять... шесть...

Теперь цикады стрекотали еще быстрее.

* * *

С полудня до заката, с полуночи до рассвета по улицам Грин-Тауна, штат Иллинойс, разъезжали лошадь с фургоном и возница, которых хо-

---

[1] То есть Авраама Линкольна.

рошо знали все двадцать шесть тысяч триста сорок девять обитателей города.

Средь бела дня дети вдруг ни с того ни с сего останавливались среди какой-нибудь игры и говорили:

— А вот и мистер Джонас!

— А вот и Нэд!

— А вот и фургон!

Взрослые могли сколько угодно глядеть на север или на юг, на восток или на запад—они все равно не увидели бы ни мистера Джонаса, ни лошади по имени Нэд, ни фургона: это был большой, крытый фургон на огромных колесах, такие фургоны когда-то бороздили прерии, пробираясь сквозь чащу к побережью.

Но если бы ухо у вас было чуткое, как у собаки, да если еще насторожить его и настроить на самые высокие и далекие звуки, вы бы услышали за много-много миль заунывное пение, точно молится старый раввин в земле обетованной или мулла на башне минарета. Голос мистера Джонаса летел далеко впереди его самого, люди вполне успевали приготовиться к его появлению — у них оставалось для этого полчаса, а то и целый час. И к той минуте, когда его фургон показывался из-за угла или в конце улицы, вдоль тротуаров уже выстраивались ребята, точно на парад.

И вот подъезжал фургон, на высоких его козлах под зонтиком цвета японской хурмы восседал мистер Джонас, и вожжи струились в его руках, ласковых руках, словно ручеек. Он пел:

— Хлам, барахло?
— Нет, сэр, не хлам.
— Хлам, барахло?
— Нет, мэм, не хлам!
Спицы, булавки, иголки,
Тряпки, обломки, осколки,
Пустячки, побрякушки,
Вещички-старушки —
Все возьму в барахолку
Ради пользы и толку!
Ясно ли вам?
Это не хлам!

Всякий, кто хоть раз слышал пение мистера Джонаса — а он всегда сочинял что-нибудь новенькое,— сразу понимал, что это не простой старьевщик. С виду-то его, правда, от обыкновенного старьевщика не отличить: рваные, в заплатах, плисовые штаны, побуревшие от времени, а на голове фетровая шляпа, украшенная пуговицами времен избрания первого президента. Но в одном отношении он был старьевщик необыкновенный: его фургон можно было увидеть не только при солнечном свете, даже ночью он без устали кружил по улицам, точно по извилистым речкам, огибая островки — кварталы, где жили люди, которых он знал всю свою жизнь. И в фургоне полно было самых разных вещей; он подбирал их во всех концах города и возил с собой день, неделю, год, пока они кому-нибудь не понадобятся. Тогда стоило только сказать: «Эти часы мне пригодятся» или «Как насчет вон того матраса?» — и Джонас отдавал часы или матрас, не брал никаких денег и ехал дальше, сочиняя по дороге новую песню.

Вот так и получалось, что иной раз в три часа ночи он оказывался единственным бодрствующим человеком в Грин-Тауне, и нередко люди, страдающие от головной боли, завидев сверкающую в лунном свете лошадь с фургоном, выбегали на улицу и спрашивали, нет ли у него случайно аспирина, и аспирин всегда находился. Не раз он и роды принимал в четыре часа ночи, и тогда люди вдруг замечали, что у него поразительно чистые руки и ногти. Порой он отвозил людей на работу на другой конец города, а иногда, если видел, что человек страдает бессонницей, поднимался к нему на крыльцо, угощал сигарой и сидел и беседовал с ним до зари.

Да, мистер Джонас был человек странный, непонятный, ни на кого не похожий, он казался чудаком и даже помешанным, но на самом деле ум у него был ясный и здравый. Он сам не раз спокойно и мягко объяснял, что ему уже много лет назад надоели его дела в Чикаго и он решил подыскать себе какое-нибудь другое занятие. Церковь мистер Джонас терпеть не мог, он любил проповедовать и делиться с людьми своими познаниями; потому он и купил лошадь с фургоном и принялся проводить остаток дней своих в заботах о том, чтобы одни люди могли воспользоваться тем, в чем другие больше не нуждаются. Он считал себя чем-то вроде процесса диффузии, который в пределах одного города помогает обмену между различными слоями общества. Он не выносил, когда что-нибудь пропадало зря, ибо знал: то, что для одного ненужный хлам, для другого недоступная роскошь.

Вот почему и взрослые и особенно дети взбирались по откидной лесенке и с любопытством заглядывали в фургон на груду собранных там сокровищ.

— Помните,— говорил мистер Джонас,— вы можете получить все, что вам нужно, если только это вам и вправду нужно. Спросите-ка себя, жаждете ли вы этого всеми силами души? Доживете ли до вечера, если не получите этой вещи? И если вы уверены, что не доживете,— хватайте ее и бегите. Что бы это ни было, я с радостью вам это отдам.

И дети рылись в сокровищах; была там и пергаментная бумага, и обрывки парчи, и куски обоев, и мраморные пепельницы, и жилетки, и роликовые коньки, и огромные, вспухшие от набивки кресла, и маленькие приставные столики, и стеклянные подвески к люстрам. Некоторое время в фургоне только перешептывались, чем-то бренчали и позвякивали. Мистер Джонас смотрел и слушал, неторопливо попыхивая трубкой, и дети знали, что он внимательно следит за ними. Порой кто-нибудь тянулся к шахматной доске, к нитке бус или старому стулу и, едва коснувшись их рукой, поднимал голову и встречал спокойный, мягкий, пытливый взгляд мистера Джонаса. И рука отдергивалась, и поиски продолжались.

А потом рука находила что-то единственное, желанное и уже не двигалась с места. Голова поднималась, и лицо так сияло, что и мистер Джонас невольно расплывался в улыбке. Он на минуту заслонял глаза ладонью, словно отгораживаясь от этого сияния. И тут ребята во все горло кричали ему: «Спасибо!»— хватали ролики, или фаянсовые плитки, или зонтик и, соскочив на землю, бежали прочь.

И через минуту возвращались, неся ему что-нибудь взамен — куклу или игру, из которой выросли или которая уже надоела,— что-нибудь, что уже выдохлось и не доставляет больше радости, как потерявшая вкус жевательная резинка; пора передать эту забаву куда-нибудь в другую

часть города, там ее увидят в первый раз, и там она вновь оживет и кого-то порадует. Свои приношения ребята робко бросали на кучу не видимых теперь богатств, и фургон, покачиваясь, катил дальше, поблескивали большущие, как подсолнухи, колеса, и мистер Джонас уже опять пел:

— Хлам, барахло?
— Нет, сэр, не хлам!
— Хлам, барахло?
— Нет, мэм, не хлам!

Наконец он исчезал из виду, и только собаки в тени под деревьями слышали заунывное пение и слабо виляли хвостами.

«...хлам...» Все тише и тише. «...хлам...» Еле слышно. «...хлам...» Все стихло. И собаки спят.

* * *

Всю ночь по тротуарам носились пыльные призраки; их поднимали пышущие жаром ветры, и гоняли, и кружили, а потом осторожно укладывали на разогретые, душистые лужайки. От шагов запоздалых прохожих вздрагивали ветки деревьев, и с них обрушивались лавины пыли. Будто с полуночи просыпался где-то за городом вулкан и извергал на все вокруг раскаленный пепел, который толстым слоем покрывал недремлющих ночных сторожей и собак, что совсем извелись от жары. В три часа, перед самым рассветом, в каждом доме словно занимался пожар — начинали тлеть желтым светом чердачные окошки.

Да, на заре все предметы и сами стихии преображались. Воздушные струи, точно горячие ключи, неслышно текли в неизвестность. Озеро недвижным жарким облаком нависало над долинами, населенными рыбой и песком, и жгло их своим равнодушным дыханием. Гудрон на улицах плавился в патоку, кирпич становился медным и золотым, а черепица на крышах — бронзовой. Провода высокого напряжения — навек плененные молнии — угрожающе сверкали над бессонными домами.

Цикады трещали все громче.

Солнце не просто взошло, оно нахлынуло, как поток, и переполнило весь мир.

У себя в комнате Дуглас таял и плавился в постели, лицо его было все в поту.

— Уф,— сказал Том, входя в комнату.— Пошли, Дуг, в такой день только и сидеть в речке и не вылезать.

Дуглас тяжело дышал. Пот струился у него по шее.

— Дуг, ты что, спишь?

Чуть заметное движение головы.

— Ты, может, захворал? Да, уж этот дом сегодня прямо горит огнем.— Том приложил ладонь ко лбу брата. Это было все равно, что тронуть заслонку пылающей печки. Он испуганно отдернул руку. Повернулся и сбежал вниз по лестнице.

— Мам,— сказал он.— Дуг, кажется, здорово заболел.

Мать в эту минуту вынимала яйца из холодильника; она замерла, и на лице у нее мелькнула тревога; сунув яйца обратно, она пошла за Томом наверх.

Дуглас за все это время не шелохнулся.

Цикады трещали изо всех сил, от этого треска звенело в ушах.

В полдень у веранды остановилась машина доктора; он примчался так быстро, будто солнце гналось за ним по пятам, готовое его раздавить. Глаза у него были усталые; тяжело дыша, он отдал свой саквояж Тому.

В час дня доктор, качая головой, вышел из дома. Том с матерью остались за дверью, а доктор, обернувшись, опять и опять повторял им негромко через москитную сетку, что он не знает, право, не знает... Потом надел свою панаму, поглядел, как лучи солнца терзают и жгут листву деревьев, чуть помедлил, точно готовясь кинуться в первый круг ада, и побежал к своей машине. Из выхлопного отверстия вырвалось облако сизого дыма и еще добрых пять минут дрожало в воздухе, когда он уехал.

Том взял в кухне ломик, разбил на маленькие кусочки целый фунт льда и отнес наверх. Мать сидела на краю кровати, в комнате слышно было только прерывистое дыхание Дугласа — он вдыхал пар и выдыхал огонь. Лед завернули в носовые платки и положили Дугласу на лоб и вдоль тела. Занавески задернули, и комната сразу стала похожа на пещеру. Том с матерью сидели возле Дугласа до двух часов и все время приносили ему свежий лед. Потом опять пощупали его лоб — он был горячий, как лампа, которая горела всю ночь напролет. Тронешь — и невольно глядишь себе на пальцы: кажется, будто сжег их до самой кости.

Мать открыла было рот, хотела что-то сказать, но тут цикады затрещали так громко, что с потолка стала сыпаться известка.

Окутанный непроглядным багровым сумраком, Дуглас лежал и слушал, как глухо стреляет его сердце и как медленно, толчками движется густая кровь в руках и ногах.

Губы тяжелые, неповоротливые. И мысли, тоже тяжелые и медлительные, падают неторопливо и редко, одна за другой, точно песчинки в разленившихся песочных часах. Кап, кап...

По блестящему стальному полукругу рельсов из-за поворота вылетел трамвай, вскинулась и опала радуга шипящих искр, назойливый звонок звякал десять тысяч раз подряд и совсем смешался со стрекотом цикад. Мистер Тридден помахал рукой. Трамвай затрещал, как пулемет, умчался за угол и исчез. Мистер Тридден.

Кап. Упала песчинка. Кап.

— Чух-чух-чух! Ду-у-у-у!

Высоко на крыше мальчишка изображал паровоз, дергал невидимую веревку гудка и вдруг замер, превратился в статую. «Джон Хаф! Эй, ты Джон Хаф! Я тебя ненавижу! Джон, ведь мы друзья! Нет, не ненавижу, нет!»

Джон падает в аллею из вязов, как в бездонный летний колодец, и становится все меньше, меньше.

Кап. Джон Хаф. Кап. Падает песчинка. Кап. Джон...

Дуглас повернул голову — как болит затылок, как больно расплющивается о белую, белую, мучительно белую подушку.

Мимо проплывают в своей зеленой машине две старушки, лает черный тюлень, и старушки поднимают руки — белые руки, точно голуби. И погружаются в омут лужайки, и травы смыкаются над ними, а белые перчатки все машут, машут...

Мисс Ферн! Мисс Роберта!

Кап... Кап...

И вдруг в доме напротив из окна высунулся

полковник Фрилей, а вместо лица у него часы, по улице — вихрем пыль из-под копыт буйволов. Полковник Фрилей качнулся вперед, быстро-быстро забормотал, челюсть у него отвалилась, и вместо языка изо рта выскочила часовая пружина и задрожала в воздухе. Он рухнул на подоконник, как марионетка, а одна рука все машет, машет...

Дуглас глубоко вздохнул, тотчас шумно выдохнул и заплакал в голос.

Он не слышал, как в комнату вбежала мать. На его бесчувственную руку упала муха, зажужжала, обжегшись, и улетела.

Четыре часа дня. На мостовой дохлые мухи. Взмокшие собаки попрятались в конуры. Под деревьями жмутся короткие тени. Магазины в городе закрылись, двери заперты. Берег озера опустел. Тысячи людей забрались по горло в воду: хоть она теплая, а все-таки легче.

Четверть пятого. По мощеным улицам движется фургон старьевщика, мистер Джонас сидит на козлах и поет.

У Тома нет больше сил глядеть на воспаленное лицо брата, он вышел на улицу и побрел в сторону клуба; и тут рядом с ним остановился фургон.

— Здравствуйте, мистер Джонас.

— Здравствуй, Том.

Они были только вдвоем на пустой улице, можно было всласть полюбоваться сокровищами, сваленными в фургоне, но ни тот, ни другой на них не глядел. Мистер Джонас заговорил не сразу. Он зажег трубку, и попыхивал ею, и качал головой, будто наперед знал, что случилось неладное.

— Ну что, Том? — спросил он.

— С Дугом плохо, — сказал Том. — С моим братом...

Мистер Джонас отвернулся и посмотрел на свою лошадь.

— Он больной, — сказал Том. — Он умирает!

— Ну, ну, не может этого быть, — сказал мистер Джонас и хмуро огляделся: вокруг был спокойный, надежный мир, и ничто в этот тихий день не напоминало о смерти.

— Он умирает, — повторил Том. — И доктор не поймет, что с ним. Говорит, это все жара виновата. Может так быть, мистер Джонас? Неужели жара может убить человека, даже не на улице, а в темной комнате?

— Ну... — начал было мистер Джонас и прикусил язык.

Потому что Том заплакал.

— Я всегда думал: я его ненавижу... я думал: мы ведь всегда деремся... Наверное, я и правда его ненавидел... иногда... а теперь... теперь... ох, мистер Джонас, если б только...

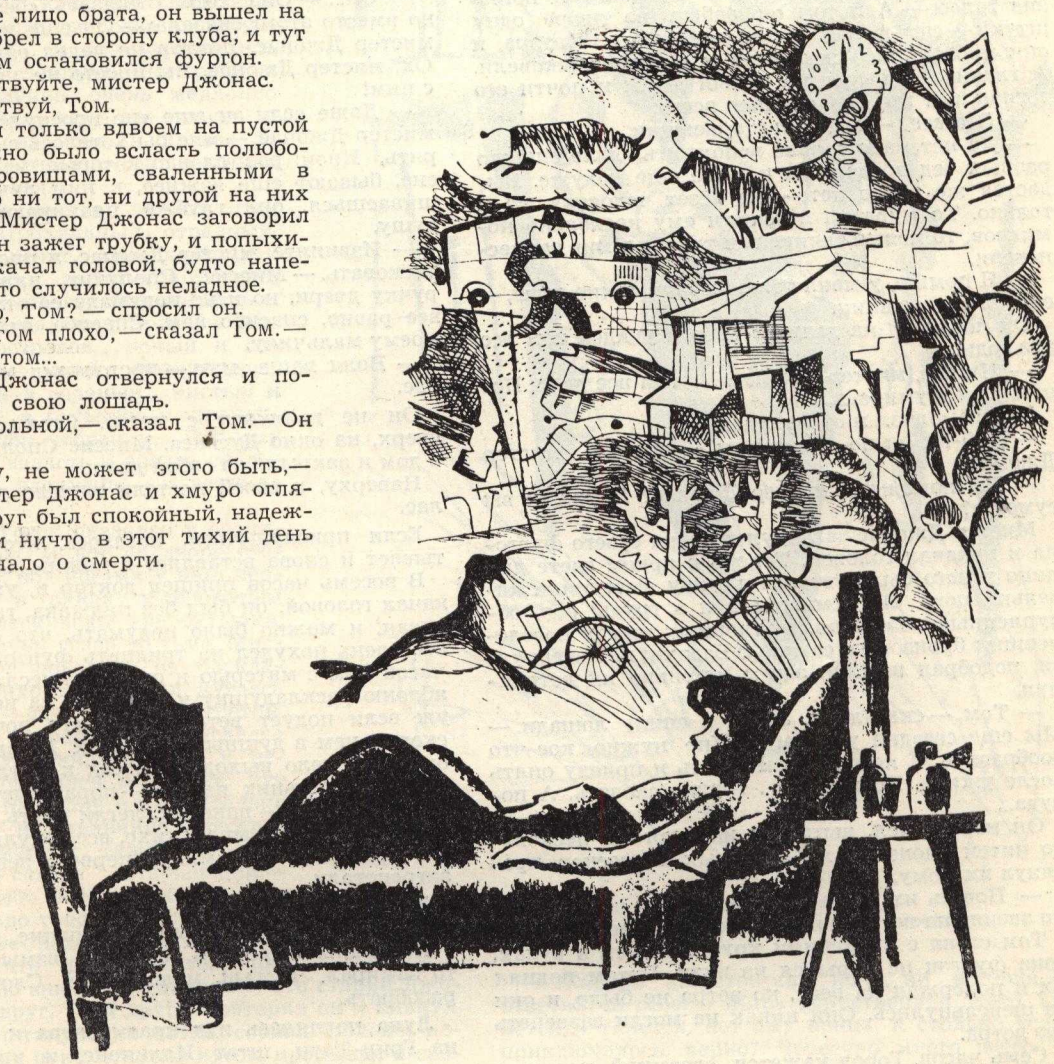
— Что, мальчик?

— Если б только у вас в фургоне нашлось что-нибудь для Дуга! Ну, что-нибудь такое, чтобы отнести ему, и он поправится...

Том опять заплакал.

Мистер Джонас вытащил красный носовой платок и протянул Тому. Том высморкался и утер глаза.

— Дугу нынче летом уж очень не везет, — сказал он. — Прямо все шишки на него валятся.

Окутанный багровым сумраком, Дуглас лежал и слушал, как глухо стреляет его сердце.

— Расскажи-ка все толком,— попросил старьевщик.

— Ну... во-первых,— Том всхлипнул и перевел дух, он еще не совсем совладал со слезами,— он лишился своего лучшего друга, это и правда был настоящий парень. И сейчас же кто-то стащил его вратарскую бейсбольную перчатку, а она очень дорогая — доллар девяносто пять! Потом он еще свалял дурака — сменялся с Чарли Вудменом, отдал свою коллекцию ракушек и морских камешков за глиняную статую Тарзана, ну, знаете, какую дают в магазине, если принести им много-много крышек от ящиков из-под макарон. А Дуглас на другой же день уронил этого Тарзана на тротуар и разбил.

— Ай-ай-ай,— сказал старьевщик, живо представив себе осколки на асфальте.

— И еще он очень хотел на рождение книгу волшебных фокусов, а ему взяли и подарили штаны да рубашку. Ну, и понятно, лето вышло пропащее.

— Родители иногда забывают, как они сами были детьми... — сказал старьевщик.

— Ну ясно,— сказал Том и продолжал, понизив голос: — А потом он забыл во дворе одну штуку — самые настоящие кандалы из Тауэра, и они провалялись всю ночь и совсем заржавели. А главное, я вырос на целый дюйм и почти его догнал, вот это ему обиднее всего.

— Это все? — спросил старьевщик.

— Да нет, надо только вспомнить, было еще сто разных бед вроде этих и даже еще похуже. Выдастся же такое лето — не везет человеку, да и только. То муравьи источили ему несколько комиксов, то новые теннисные туфли в миг заплесневели.

— Я помню, у меня тоже бывали такие годы, — сказал старьевщик.

Он поглядел на далекое небо и увидел там все эти годы.

— Ну вот, мистер Джонас. В этом все дело. Поэтому он и умирает...

Том замолчал и отвернулся.

— Дай-ка мне подумать, — сказал мистер Джонас.

— Вы поможете, мистер Джонас? Неужели вы сумеете?

Мистер Джонас заглянул в недра своего фургона и покачал головой. Теперь в ярком свете дня лицо у него было усталое, на лбу выступили капельки пота. Он всматривался в груды ваз, облупленных абажуров, мраморных нимф, позеленевших бронзовых сатиров. Вздохнул. Повернулся, подобрал вожжи, затем легонько их встряхнул.

— Том, — сказал он, глядя в спину лошади. — Мы еще сегодня увидимся. Мне нужно кое-что сообразить. Я немного осмотрюсь и приеду опять после ужина. Но и тогда... трудно сказать. А покуда...

Он перегнулся, вытащил из фургона несколько нитей японских хрустальных подвесков, протянул их Тому.

— Повесь их у брата на окне. Они очень славно звенят на ветру, совсем как льдинки.

Том стоял с японскими хрусталиками в руках, пока фургон не скрылся из виду. Потом поднял их и подержал на весу, но ветра не было, и они не шевельнулись. Они никак не могли зазвенеть без ветра.

Семь часов. Город кажется огромной печью, с запада на него опять и опять накатываются волны зноя, от каждого дома, от каждого дерева, вздрагивая, тянется тень — черная, точно нарисованная углем. Внизу по улице идет человек с ярко-рыжими волосами. Они вспыхивают в лучах заходящего, но все еще жгучего солнца, и Тому чудится: гордо шествует огненный факел, торжественно выступает огненная лиса, сам дьявол обходит свои владения.

В половине восьмого миссис Сполдинг вышла на заднее крыльцо, чтобы выкинуть на помойку арбузные корки, и увидела во дворе мистера Джонаса.

— Как Дуглас? — спросил он.

Губы миссис Сполдинг задрожали, она не решалась отвечать.

— Позвольте мне его повидать,— попросил старьевщик.

Миссис Сполдинг все не могла вымолвить ни слова.

— Мы с ним старые знакомые, — сказал мистер Джонас. — Виделись чуть ли не каждый день с тех пор, как он научился ходить и стал бегать по улицам. У меня кой-что для него припасено.

— Он... — Она хотела сказать «без сознания», но вместо этого сказала: — Он еще не проснулся, мистер Джонас. Доктор не велел его тревожить. Ох, мистер Джонас, мы просто не знаем, что это с ним!

— Даже если он еще «не проснулся», — сказал мистер Джонас, — мне бы хотелось с ним поговорить. Иной раз слова, которые услышишь во сне, бывают еще важнее, к ним лучше прислушиваешься, они глубже проникают в самую душу.

— Извините, мистер Джонас, я просто не могу рисковать. — Миссис Сполдинг ухватилась за ручку двери, но и не подумала ее открыть. — Но все равно, спасибо вам. Спасибо, что пришли к моему мальчику.

— Воля ваша, мэм,— проговорил мистер Джонас.

Он не двинулся с места. Стоял и смотрел вверх, на окно Дугласа. Миссис Сполдинг вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Наверху, в своей постели тяжело дышал Дуглас.

Если прислушаться, казалось, кто-то выхватывает и снова вставляет в ножны острый нож.

В восемь часов пришел доктор и, уходя, опять качал головой; он был без пиджака, галстук развязан, и можно было подумать, что он за один этот день похудел на тридцать фунтов. В девять часов Том с матерью и отцом вынесли в сад под яблоню раскладушку и уложили на нее Дугласа: уж если подует ветерок, тут его почувствуешь скорее, чем в душных комнатах. До одиннадцати они то и дело выходили в сад к Дугласу, потом завели будильник на три — пора будет наколоть и сменить лед,— наконец, легли спать.

В доме стало темно и тихо, все уснули.

В тридцать пять минут первого веки Дугласа затрепетали.

Всходила луна.

И где-то далеко послышалось пение.

Печальный высокий голос то взмывал вверх, то замирал. Чистый, мелодичный. Слов было не разобрать.

Луна поднялась над краем озера и поглядела на Грин-Таун, штат Иллинойс, и увидела его весь, и весь его осветила — каждый дом, каждое дерево, каждую собаку — собаки спали и часто

вздрагивали: в нехитрых снах им виделись доисторические времена.

И казалось, чем выше поднималась луна, тем ближе, громче, звонче пел тот голос.

Дуглас беспокойно поворочался и вздохнул.

Было это, пожалуй, за час до того, как луна затопила потоком света весь мир, а быть может, и раньше. Но голос все приближался, и вместе с ним слышалось словно биение сердце — это цокали лошадиные копыта по камням мостовой, и жаркая густая листва деревьев приглушала их стук.

И еще изредка что-то поскрипывало, постанывало, будто медленно открывалась и закрывалась дверь. Это двигался фургон.

И вот на улице в ярком свете луны появилась лошадь, впряженная в фургон, а на высоких козлах сидел мистер Джонас, и его худое тело мерно покачивалось в такт движению. На голове у него была шляпа, как будто все еще палило солнце; изредка он перебирал вожжи, и они колыхались над спиной лошади, как речные струи. Медленно, очень медленно фургон точно плыл по улице, и мистер Джонас пел, и Дуглас во сне словно затаил на миг дыхание и прислушался.

— Воздух, воздух... А вот кому воздуха?.. Прохладный, отрадный, как ручей течет, холодный, как лед... Купишь разок — запросишь в другой... Есть и весенний, есть и осенний, из дальних краев, с Антильских островов... ясный и синий, пахнет дыней... Воздух, воздух свежий и соленый... чистый и душистый... в бутылке с колпачком, надушен чебрецом... Всякому на долю, и всласть и вволю, сколько хочешь вдохнешь — и всего-то на грош!

Потом фургон оказался у обочины тротуара. И вот во дворе стоит человек, под ногами у него черная тень, в руках зеленоватым огнем поблескивают две бутылки, будто кошачьи глаза во тьме. Мистер Джонас поглядел на раскладушку и тихонько позвал Дугласа по имени — раз, другой, третий. Помедлил в раздумье, поглядел на свои бутылки, решился и неслышно подкрался к яблоне; тут он уселся на траву и внимательно посмотрел на мальчика, сраженного непомерной тяжестью лета.

— Дуг,— сказал старьевщик,— ты знай себе лежи спокойно. Ничего не надо говорить, и глаза открывать не надо. И не старайся показать, что ты меня слышишь. Я все равно знаю, что слышишь: это старик Джонас, твой друг. Твой друг,—повторил он и кивнул.

Потом потянулся к ветке, сорвал яблоко, повертел его в руке, откусил кусок, прожевал и снова заговорил:

— Некоторые люди уж больно рано начинают печалиться, — сказал он. — Вроде и причины-то никакой нет, да они, видно, отроду такие. Уж очень все к сердцу принимают, и устают быстро, и слезы у них близко, и всякую беду помнят долго, вот и начинают печалиться с самых малых лет. Я-то уж это знаю, я и сам такой.

Он откусил еще кусок яблока, пожевал.

— О чем бишь я? — задумчиво спросил он.

В руках у человека поблескивают две бутылки.

— Жаркая августовская ночь, ни ветерка, — ответил он себе. — Жара убийственная. Лето тянется и тянется, нет ему конца, и столько всего приключилось, верно? Чересчур много всего. И время к часу ночи, а ни ветерком, ни дождиком и не пахнет. И сейчас я встану и уйду. Но когда

я уйду — запомни хорошенько,— у тебя на кровати останутся вот эти две бутылки. Вот я уйду, а ты еще немножко подожди, а потом не спеша открой глаза, сядь, возьми эти бутылки и все из них выпей. Только не ртом, нет,— пить нужно носом. Вытащи пробку, наклони бутылку и втяни в себя поглубже все, что там есть, чтобы прошло прямо в голову. Но сперва прочти, что на бутылке написано. Постой, я сам прочту.

Он поднял бутылку к свету.

— «Зеленые сумерки для того, чтобы видеть во сне чистейший северный воздух,— прочитал он.— Взяты из атмосферы снежной Арктики весной тысяча девятисотого года и смешаны с ветром, дувшим в долине Верхнего Гудзона в апреле тысяча девятьсот десятого; содержит частицы пыли, которая сияла однажды на закате солнца в лугах вокруг Гринелла, штат Айова, когда от озера, от ручейка и родника поднялась прохлада, тоже заключенная в этой бутылке».

— Теперь прочтем то, что написано помельче, — сказал он и прищурился. — «Содержит также молекулы испарений ментола, лимона, плодов дынного дерева, арбуза и всех других, пахнущих водой, прохладных на вкус фруктов и деревьев, камфары, вечнозеленых кустарников и трав, и дыхание ветра, который веет от самой Миссисипи. Необычайно освежает и прохлаждает. Принимать в летние ночи, когда температура воздуха превышает девяносто градусов».

Мистер Джонас поднял вторую бутылку.

— В этой то же самое, только я еще собрал сюда ветер с Аранских островов, и соленый ветер с Дублинского залива, и полоску густого тумана с побережья Исландии.

Он поставил обе бутылки на кровать.

— И последнее предписание. — Он наклонился над мальчиком и договорил совсем тихо: — Когда ты будешь это пить, помни: все это собрано для тебя другом. Разливка и закупорка компании «Джонас», Грин-Таун, штат Иллинойс, август тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Хорошего тебе года, мальчик. Урожайного тебе года.

Через минуту по спине лошади мягко хлопнули вожжи, и фургон покатил вдоль по улице в лунном свете.

Веки Дугласа затрепетали; медленно-медленно открылись глаза.

— Мама, — зашептал Том. — Папа! Проснитесь! Дуг поправляется! Я сейчас ходил на него посмотреть, и он... идем скорей!

Том выбежал из дома, отец и мать — за ним.

Дуглас спал. Том подошел первым и замахал рукой, подзывая родителей поближе, он весь расплылся в улыбке. Все трое наклонились над раскладушкой.

Выдох, затишье; выдох, затишье... Они стояли и слушали.

Рот Дугласа был полуоткрыт, от его губ, от тонких ноздрей поднимался едва уловимый аромат прохладной ночи, и прохладной воды, прохладного белого снега и прохладного зеленого мха, прохладного лунного света, что лежит на серебристых камешках на дне спокойной реки.

Будто они на миг склонились над фонтаном, и прохладная, пахнущая яблоневым цветом струя взметнулась ввысь и омыла их лица.

Еще долго они не могли шевельнуться.

Перевела с английского Э. Кабалевская.

Первый театральный сезон нашего «Фонарика» в разгаре!

Ты помнишь, он начался осенью минувшего года пьесой Е. Васильевой и С. Маршака «Зеленый мяч».

Потом были у нас и другие премьеры: на подмостках «Фонарика» шли веселые пьесы писателей В. Медведева и В. Драгунского.

И вот в новом году мы вновь даем сказку Е. Васильевой и С. Маршака. Называется она «Опасная привычка».

Дирекция «Фонарика» надеется, что со сцены журнального театра она очень скоро перекочует на настоящие сцены школьных, клубных, дворовых театров и придется зрителям по душе.

А сейчас, слышишь: звенит последний звонок, гаснет свет в зале, и уже колышется занавес...

Итак, мы начинаем!

Е. ВАСИЛЬЕВА,
С. МАРШАК

ОПАСНАЯ ПРИВЫЧКА

СКАЗКА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАТЬ
СТАРШИЙ СЫН
МЛАДШИЙ СЫН
2 ТОЧИЛЬЩИКА
СТАРЫЙ ЦИРЮЛЬНИК
СУДЬЯ
2 ПИСЦА
ТОРГОВКА ЯБЛОКАМИ
ТОРГОВКА РЫБОЙ
ЦВЕТОЧНИЦА
МОЛОЧНИЦА
ВОР
РАЗБОЙНИК
ФОКУСНИК

Рисунки Э. БУЛАТОВА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната. Стол, скамья. Мать сидит и шьет. Старший сын строгает палочку, младший делает то же, что и старший.

Старший сын. Хочу я обстрогать палочку и сделать кнутик.

Младший. И я тоже!

Старший. Сделаю кнутик и запрягу лошадку.

Младший. И я тоже!

Старший. Запрягу лошадку и поеду к речке.

Младший. И я тоже!

Старший. Поеду к речке, да и утоплюсь!

Младший. И я тоже!

Мать и старший сын смеются.

Мать. Эх, сынок, сынок, сколько раз я тебе говорила — отучись от своей привычки. Кто бы что ни сказал, ты на все говоришь: «И я тоже». Смотри, это тебя до добра не доведет! Ведь и вправду утопишься, если рядом кто-нибудь топиться станет.

Старший. Да, братец, надо бы тебе от своей привычки отучиться. Не маленький ты, чужим умом жить нельзя.

Младший. Да ведь я тоже знаю, что чужим умом жить нельзя, да ничего с собой поделать не могу. Так и быть, с этой минуты зарок себе дам: своим умом жить.

Старший. Ну смотри же, запомни. А что, нет ли у тебя чего-нибудь поесть, матушка? Я проголодался.

Младший. И я тоже.

Мать *(старшему)*. Чего ты, сынок, хочешь? Хлеба с сыром или киселя с молоком?

Старший. Киселя с молоком.

Младший. И я тоже.

Мать. Да ведь ты киселя в рот не берешь!

Старший. А ты ему, матушка, нарочно киселя дай, коли просит.

Мать *(дает им по тарелке киселя)*. Ну ешьте на здоровье!

Старший быстро съедает, младший ест с отвращением.

Старший. Я бы, матушка, еще тарелку съел.

Младший. И я тоже!

Мать. Да ты еще первой не кончил! *(Дает старшему вторую тарелку.)*

Старший. А я, матушка, сегодня сон какой видел!

Младший. И я тоже!

Мать *(старшему)*. Какой же ты сон видел?

Старший. Видел я во сне, будто у нашей коровы вторая голова выросла, да не простая, а стеклянная...

Младший. И я тоже!

Старший. Матушка, не вели ему мешать, мне при нем и рассказать ничего нельзя!

Мать *(строго)*. Не мешай брату рассказывать, придержи язык! А будешь мешать — из дому выгоню! *(Старшему.)* Ну, дальше что?

Старший. Повел я ее на луг...

Младший *(тихо)*. И я тоже...

Старший. А она как замычит!

Младший *(громче)*. И я тоже...

Старший. Я взял палку, ударил ее по стеклянной голове!..

Младший *(громко)*. И я тоже!

Старший *(рассердясь)*. Неправда! Не мог ты корову во сне видеть, это я видел!

Младший *(упрямо)*. И я тоже!

Старший. Ну, скажи, какого цвета была стеклянная голова у твоей коровы?

Младший. А у твоей?

Старший. Вот и не знаешь! Синяя у нее голова была.

Мать *(младшему)*. В последний раз говорю — молчи! *(Старшему.)* Рассказывай, сынок.

Старший. Ударил я ее, и не стало коровы. А на ее месте увидел я прекрасную девушку...

Младший *(тихо)*. И я тоже...

Старший. Подошел я к ней, взял ее за руку...

Младший *(громче)*. И я тоже.

Старший. Надел ей на пальчик обручальное колечко и поцеловал ее!

Младший *(громче)*. И я тоже!

Старший *(вставая, гневно)*. Врешь, бездельник! Ты не целовал ее! Послушай, матушка. Либо я из дому уйду, либо его прогони!

Мать. Правду ты говоришь, сынок. Ничего не поделаешь, придется его прогнать из дому, пусть поживет один, чужих людей увидит, уму-разуму научится. *(Младшему.)* Уходи!

Младший сын молчит.

Старший. Слышишь, что матушка приказывает, уходи от нас!

Мать. Говорят тебе, уходи!

Старший. Ну, видно, он не уйдет, а оставаться с ним я не могу. Если не он, так я уйду. Прощай, матушка! *(Уходит.)*

Младший. И я тоже. Прощай, матушка! *(Уходит за братом.)*

Мать *(одна)*. Оба ушли! Беда мне с моим младшим сыном, из-за него и старший из дому ушел! *(Плачет.)*

Старший *(возвращаясь)*. Я, матушка, нарочно ушел, чтобы брата увести. Теперь он не скоро вернется. Вышли мы с ним из ворот и встретились с точильщиками. Они между собой разговаривают,— в город, мол, на ярмарку идем. Брат, как услышал, так и говорит: «И я тоже». С ними и пошел. А я домой вернулся.

Мать. Жаль мне его. С его нравом много он горя натерпится! Ну, да, авось, когда-нибудь поумнеет. Тогда и домой вернется!

Старший. Что ж, коли поумнеет, пусть возвращается! Я ведь зла ему не желаю. Только бы он не говорил без толку: «И я тоже!»

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Город. Базар.

Цветочница. Розы, ландыши и маки!

Торговка рыбой. Раки, раки, раки, раки!
Сельди, кильки и треска!

Молочница. Кто желает молока?

Цирюльник. Косы, локоны, шиньоны!

Цветочница. Разноцветные пионы!

Первая торговка. Шампиньоны, шампиньоны!

Третья торговка. Вот форели из садка!

Молочница. Кто желает молока?

Появляется фокусник.

Фокусник. Слушайте, слушайте, слушайте! Я знаменитый индийский маг Амадиус деле-Торре-Навага, по прозванию «Лысый Бес». *(Снимает шляпу.)* Каждый может убедиться в том, что я лыс! Я покажу вам необычайные чудеса. Проглочу шпагу в два метра длины, съем сотню сапожных гвоздей, отрежу себе голову и, держа ее в руках, протанцую с ней сарабанду. Приходите через полчаса, приходите через полчаса!..

Появляются точильщики и младший сын.

Точильщики *(кричат во все горло)*. Ножи, бритвы точить! Точить ножи, бритвы!

Народ дает точильщикам ножи, ножницы.

Точильщики *(точат и поют)*:

Ходим мы по городам,
Нынче здесь, а завтра там,—
Пой и не тужи!
Колесо, кружись быстрей.
Отточи, да поострей,
Ржавые ножи!

Старый цирюльник *(выходя из лавочки)*. Эй, кто тут бритвы точит?

Первый точильщик. Я!

Младший сын. И я тоже!

Цирюльник *(младшему сыну)*. Вот, наточи мне бритву, да поострее! У меня каждый день сам судья бреется. Не дай бог его оцарапать.

Младший сын. Давай! *(Подходит к станку, начинает точить и ломает бритву.)*

Точильщик. Ловко наточил! Говорили мы тебе, не берись, а ты свое: «И я тоже!» Вот и сломал бритву.

Цирюльник. Как сломал? Мою лучшую бритву? Да она мне два золотых стоила! Отдай мне два золотых, а то я тебя к судье отведу!

Младший сын. У меня нет денег, добрый человек!

Цирюльник. Нет денег? Ну тогда я твой станок возьму!

Младший сын. Да станок-то не мой.

Точильщики *(смеясь.)* У него станка никогда и не было.

Цирюльник. Какой же он точильщик, если у него нет станка?

Точильщики. Он и не точильщик!

Цирюльник. Зачем же он взял мою бритву?

Точильщики. А зачем же ты ему давал?

Цирюльник. Да ведь он назвал себя точильщиком!

Точильщики. Он себя как угодно назовет!

Цирюльник. Ну да мне это все равно. *(Младшему сыну.)* Вот погоди: сейчас на площадь приедет судья судить воров. Я ему пожалуюсь!

Младший сын. И я тоже!

Цирюльник. Ах ты, мошенник! Ты еще жаловаться собираешься? Вяжите его!

Толпа. Судья идет! Судья идет!

Появляется судья, за ним два писца.

Писцы. Дорогу правосудию! Дорогу правосудию! Кресло судье! *(Судье подают кресло, он садится.)*

Писцы. Кто нарушил закон за последние три дня? Кто нарушил закон?

Цирюльник *(становится на колени)*. Мудрейший судья! Бритва стоит два золотых. Сломанная бритва стоит, конечно, дешевле, а не дороже... Бритва бреет вашу милость, а меня кормит... Посудите сами, ваша милость, он совсем не точильщик, у него даже нет станка..

Судья. Ничего не понимаю!

Младший сын. И я тоже!

Писцы. Какое запутанное дело!

Судья. Приведите свидетелей.

Цирюльник. Все базарные торговки — свидетельницы, само небо — свидетель.

Писцы. Ваша милость, кого из свидетелей вызывать?

Судья. По закону небо не может быть свидетелем, а базарные торговки могут.

Писцы. Кто из базарных торговок был свидетелем преступления?

Торговка. Я!

Судья. Расскажите, что было.

Торговка. Приехала я с мужем и теткой мужа на базар продавать яблоки.

Судья. Дальше!

Торговка. А вы сами знаете, какие яблоки этой осенью. Все лето дожди были.

Судья. Дальше!

Торговка. Я и двух десятков яблок сегодня не продала.

Судья. К делу!

Писцы. К делу!

Торговка. Я о деле и говорю, о своем деле!

Цирюльник. Мудрейший судья, это самая болтливая торговка на всем базаре. Вы не давайте ей попусту болтать, а только спросите, видела ли она, как этот бездельник сломал мою бритву.

Судья. Вряд ли это распутает такое сложное дело! Ну, хорошо, спрошу. Видели ли вы, как этот юноша сломал бритву?

Торговка. Видела, своими глазами видела!

Младший сын. И я тоже!

Писцы. Он сознался! Он сам сознался!

Судья. Хорошо, дайте книгу законов.

Писец подает толстую книгу.

Судья *(перелистывая книгу)*. За порчу чужой вещи: кареты...

Все. Нет, нет!

Судья. Камзола...

Все. Нет, нет!

Судья. Вертела... для жаренья куропаток... Не то, не то!

Все. Не то, не то!

Судья. Трубки... Кофейники... А, вот: угольных щипцов!

Все. Не то, не то!

Судья *(читая дальше)*. Ножниц... Бритвы... Вот!

Все. Вот, вот!

Судья. Полагается штраф... в размере стоимости испорченной вещи. *(Цирюльнику.)* Кажется, бритва стоила два золотых?

Цирюльник. Теперь, пожалуй, за два не купишь! Я думаю, она стоит три золотых!

Младший сын. И я тоже!

Судья. Пусть он уплатит три золотых по окончании суда! Есть ли еще преступники?

Писцы. Вот вор.

Судья. Что ж он украл?

Торговка рыбой. Ваша милость, сегодня ночью взломали мою лавку, украли бочку селедок, пять маринованных угрей и лоханку еще не уснувшей форели. Этого мальчика поймали, когда он уносил лоханку форели, а других злодеев не поймали.

Судья *(вору)*. Сознаешься ли ты в том, что обокрал лавку рыбной торговки?

Вор *(плача)*. Сознаюсь!

Младший сын *(плача)*. И я тоже!

Цирюльник всплескивает руками.

Судья. Оба виновны в краже рыбы! Принесите мне другую книгу законов.

Писцы приносят книгу еще толще.

Судья *(перелистывая ее)*. Кража рыбы из чужого пруда... из чужого садка... из чужой тарелки... А, вот: ограбление рыбной лавки!.. Два года тюрьмы обоим. Есть ли еще преступники?

Писцы. Вот разбойник: он напал на проезжающего купца и хотел его зарезать.

Судья *(разбойнику)*. Если ты хочешь, чтобы суд был к тебе милостив, расскажи, как было дело.

Разбойник *(скрестив руки, грубым голосом)*. Мне пришлось приняться за свое ремесло с малых лет. Еще юношей я убежал от матери.

Младший сын *(подражая разбойнику)*. И я тоже!

Разбойник. Я сошелся с ворами, с разбойниками. Двадцать

раз я судился за кражу и десять за грабеж.

Младший сын. И я тоже!

Разбойник. Прошлой ночью я решил зарезать купца и напал на него на перекрестке.

Младший сын. И я тоже!

Судья. Как, ты тоже? В первый раз вижу столько зла в одном человеке. Принесите книгу самых строгих законов.

Писцы подают очень толстую книгу.

Судья *(открывая книгу)*. Разбой... неудавшийся разбой... наказывается... ссылкой на необитаемый остров.

Разбойник. Ссылайте меня куда хотите, я все равно убегу!

Младший сын. И я тоже!

Цирюльник. Какой закоренелый злодей! Хорошо, что он только сломал мою бритву. Он мог этой бритвой меня зарезать!

Торговка рыбой. Хорошо, что он только украл у меня бочку селедок, он мог меня задушить!

Судья. Немедленно закуйте обоих разбойников в цепи и отведите в тюрьму.

Писцы надевают на обоих цепи.

Старший брат *(протискиваясь)*. Постойте, постойте! За что вы его заковали в цепи? Это мой брат!

Писцы. За то, что он сломал бритву, ограбил рыбную лавку и хотел зарезать купца.

Старший брат. Когда же он успел совершить столько преступлений?

Писцы. За одну ночь!

Старший брат. Да ведь он ночевал дома и только утром ушел из дому.

Точильщики. Верно, верно, он вышел из дому сегодня утром. Мы пришли в город с ним вместе.

Судья. Ничего не понимаю. Преступник сам сознался... Какое запутанное дело! Я в отчаянии!

Младший брат. И я тоже!

Старший брат. Эх, брат, ты до сих пор не отучился от своей старой привычки?

Судья. От какой привычки?

Старший брат. У него, милостивый судья, с детства есть глупая привычка говорить «и я тоже». Что бы при нем ни сказали, он на все говорит: «И я тоже». За это матушка его из дому и прогнала.

Судья. Я никогда ничего подобного не слышал!

Младший сын. И я тоже.

Все смеются.

Судья. Первый раз в жизни я смеюсь на суде!

Младший сын. И я тоже!

Судья *(хватаясь за бока)*. Я умру от смеха!

Младший сын. И я тоже!

Судья *(успокаиваясь)*. Он веселый малый. Не может быть, чтобы он был вором и разбойником.

Фокусник. Какой же он вор и разбойник? Я бы, господин судья, отпустил его на свободу!

Младший сын. И я тоже.

Смех.

Все. Отпустите его, господин судья, отпустите!

Судья. Отпустить его!

Младшего сына освобождают.

Фокусник. Ты свободен. Хочешь, пойдем со мной. Я научу тебя показывать фокусы.

Младший сын молчит.

Все. Он ничего не понимает.

Фокусник. Ничего, он скоро поймет. *(Начинает перебрасывать мячики.)* Сейчас я вам покажу фокус с мячами.

Младший сын. И я тоже! *(Пытается поймать мячи.)*

Фокусник. Ну вот и отлично. Теперь ты будешь ходить со мной вместо обезьянки! *(К публике.)* Прощайте, я отправляюсь сейчас в далекое, далекое путешествие.

Младший сын. И я тоже!

Все. Счастливого пути!

Фокусник и младший сын уходят, за ними с шумом следует толпа.

ЗАНАВЕС

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

СМЕРТОНОСНАЯ ЛЯГУШКА

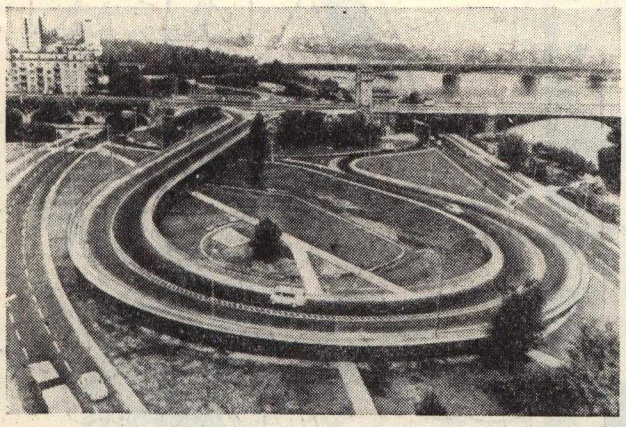
Колумбия — это маленькая страна в Южной Америке. Здесь в непроходимых тропических зарослях — сельве — неосторожного путника ждет смерть от укуса жарараки, гремучей змеи, или гибель в кольцах водяного удава, анаконды. А свирепые ягуары и прожорливые крокодилы (кайманы)? Но, оказывается, не менее опасна, чем все эти знаменитые хищники... простая лягушка, черная с желтыми полосами, которая водится в тропических лесах Колумбии. Яду, выделяемому ее подкожными железами, могла бы позавидовать и гремучая змея, и королевская кобра, жительница Индии, и наша среднеазиатская эфа. Даже яды из группы кураре, одни из самых сильных и быстродействующих, в тридцать раз слабее яда этой лягушки!

Ю. КОТЛЯР

СЕРИЯ «ВЛТАВА»

Летом этого года на территории Чехословакии проходили военные учения под названием «Влтава». В них приняли участие войска армий ЧССР, Венгрии, ГДР и СССР. В Чехословакии выпущена серия этикеток с изображением военной техники.

«ЮЖНАЯ СПИРАЛЬ»

Такое имя дали варшавяне новому въезду на мост Понятовского через Вислу. На этом снимке — Южная спираль.

КАРМАННОЕ СОЛНЦЕ

Этот фонарик меньше обычных. И хотя работает он на простых плоских батарейках, световой луч его гораздо сильнее. Дело в том, что лампочка здесь расположена необычно: она повернута цоколем наружу, а сама находится в глубоком рефлекторе, который значительно увеличивает силу света. Рефлектор пластмассовый, покрыт тонким слоем алюминия. С обратной стороны на нем компактно смонтированы выключатель и проводка. Фонарик изготовлен на ленинградском заводе «Электропульт», стоит 2 рубля 50 копеек.

В. СОЛДАТЕНКОВ

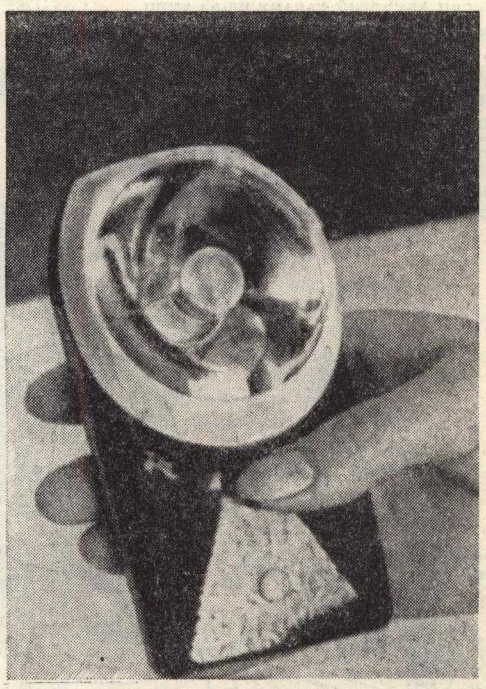
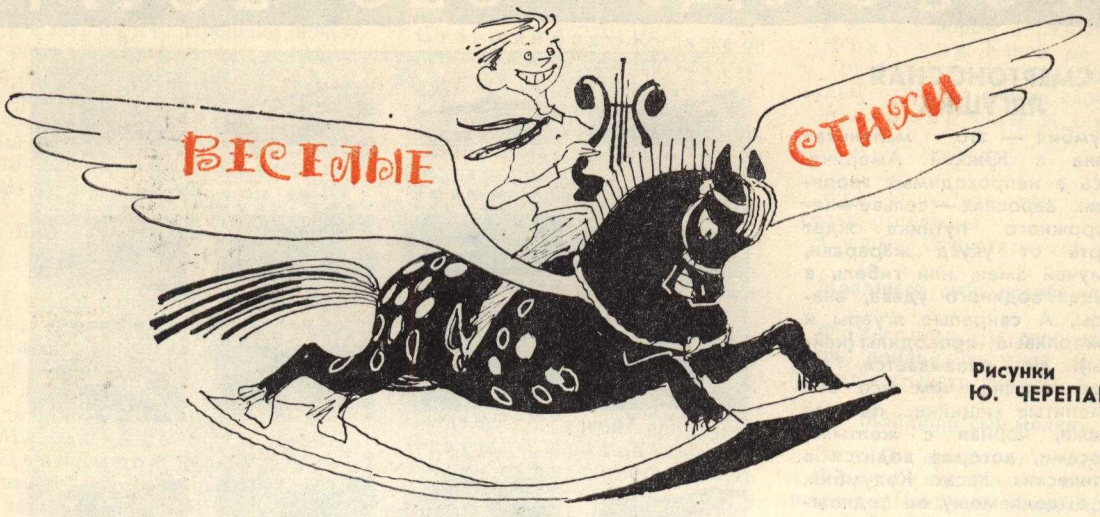

Фото Н. Иванова.

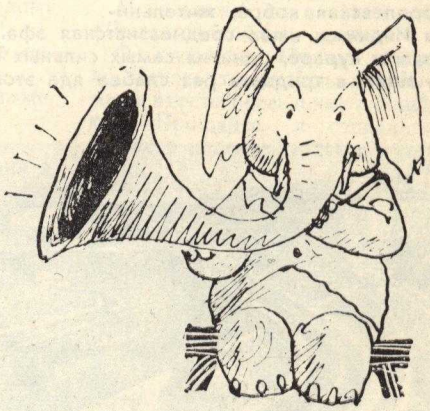

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Карол КОРД

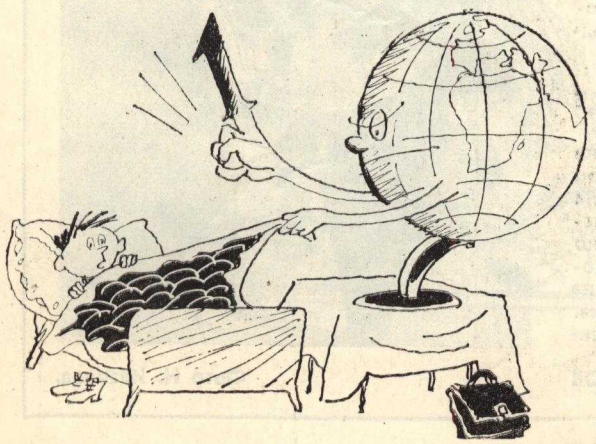
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ

Странные вещи в природе бывают:
Ножки у стула, но стул не шагает.
Часто часы бьют. Но мы не слыхали,
Чтобы кого-то они обижали.
Ключ, тот, что жажду в лесу утоляет,
Двери в квартиру нам не открывает.
Ключ от квартиры — обычный, дверной —
Не напоит нас водой ключевой.
Месяц двурогий глядит из-за тучи,
Он никогда не бывает бодучим.
А кенгуру, хотя не письмоносец,
Сумку на брюхе с рождения носит.
Еж, как и роза, колоться умеет,
Но аромата ее не имеет.
«Слон затрубил»,— говорят. Интересно!
Что же слонов я не вижу в оркестре?
Так и лентяй, в поднебесье витая,
Соколом ясным — увы! — не бывает.

Перевела с польского
Н. Рачинская.

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ГОРОДА

Мне дано заданье на дом:
Города запомнить надо.

Города,
Города,
Много вас, но не беда!
Все, когда не поленюсь,
Перечислю наизусть.

А потом увижу сон
Радостный и мирный:
Шлет привет мне и поклон
Добрый город Мирный.

А если полениться,
То сон приснится грозный:
Дубинкой-единицей
Грозит мне город Грозный!

Франц ФЮМАН

ХВАЛА НЕПОСЛУШАНИЮ

Их было семеро козлят,
им позволялось всюду совать нос,
но только не внутрь часов:
ведь можно часы испортить,—
так говорила мама.

Было шесть послушных козлят,
они всюду совали нос,
но только не внутрь часов:
ведь можно часы испортить,—
так говорила мама.

И был непослушный козленок,
он всюду совал свой нос,
и даже внутрь часов,
и он испортил часы,
как говорила мама.

Потом пришел волк.

Было шесть послушных козлят;
они спрятались, когда пришел волк,
под стол, под кровать, под стул,
но никто — внутрь часов,
и всех их съел волк.

Был один негодный козленок;
он спрятался внутрь часов,
так как знал он, что там пусто,
и волк его там не нашел.

И так он остался живым.
И так он обрадовал маму.

Перевел с немецкого
В. Куприянов.

Елена АКСЕЛЬРОД

В КЛАССИКИ

Очень солнышко спешило,
Тротуар оно сушило.
Я из школы шла домой —
Тротуар совсем сухой.

Стала солнышко я звать:
Хочешь в классики играть?
  Мак? Мак!
  Мак? Мак!
Зашумел, запел овраг.
  Мак? Мак!
  Мак? Мак!
Заалеет скоро мак.
  Мак? Мак!
  Мак? Дурак!
Я сгорела — вот так-так!
Я сгорела-загорела,
Стала красною, как рак.

Вот уж скоро сладкий мед
Соберут на пасеке.
Солнышко с утра печет.
Все играют в классики.
Из весны да в июнь —
  Скок, скок.
Из июня в июль —
  Скок, скок.
Догони его поди!
Вот и август позади.

Солнце, как через порог,
Прямо в осень — скок, скок.
Чертит дождь на тротуаре.
Солнце светит, да не жарит.
С солнцем кончилась игра.
Осень. Мокро.
В класс пора.

ДЕТСТВО НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

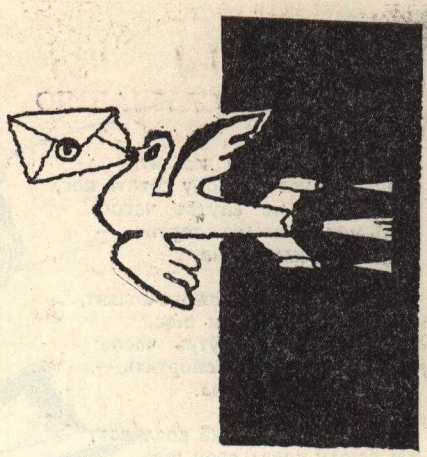
● Смоленская область. Сафоновская школа-интернат. Дружина имени Лени Голикова.

Идут и идут письма по этому адресу — из Ленинграда, из Казани, из Красноярска, из Мюнхена, из Дрездена.

Несут почтальоны в Сафоновскую школу-интернат конверты простые, обычные, с письмами, с воспоминаниями, пакеты большие, заказные — с документами, с фотографиями.

Ребята из дружины Лени Голикова собирают материал о пребывании В. И. Ленина в разных городах Советского Союза и за рубежом.

Второй год длится заочное путешествие по ленинским местам. Создается интереснейший Ленинский музей.

НОВОЕ

● «Всем, всем, всем!

Мы пересекли летний экватор и вступили в новый учебный год. Здравствуй, школа! Но мы не собираемся покидать свой корабль. Всем оставаться на своих местах. «Бригантина» продолжает плавание. Курс прежний: тысячи интересных дел плюс дружба».

Это строчки из постановления ребячьего дворового клуба «Бригантина».

Клуб «Бригантина» создан в домоуправлении № 14 Ленинского района города Алма-Аты. Назовем только несколько дел этого клуба: помогли благоустроить городской стадион, работали в общественной библиотеке, открыли вечерний филиал детского сада... А еще создали футбольную команду, ходили в походы, пели песни...

Городской комитет комсомола наградил клуб «Бригантина» почетной грамотой.

● Дан старт. Микромашины рванулись вперед. За рулем мальчишки и девчонки. Кто победит?

Смотрите! Смотрите! Девочка обгоняет одну машину, другую, третью... Вот она у финиша. Это Наташа Тодорова. Ей тринадцать лет, и учится она в седьмом классе 42-й средней школы.

В Курском Дворце пионеров не одна — сто девочек водят гоночные микромашины. Здесь создан первый отряд девочек-картингисток. Юные гонщицы получили уже квалификационные билеты спортсменов-автомобилистов первого юношеского разряда.

● «Улыбка» — так называется пионерский цирк, созданный в Харьковском Дворце пионеров артистом Савелием Вертеймом.

Акробаты — пионеры, жонглеры — пионеры, иллюзионисты — пионеры. Пионерский цирк нравится и ребятам и взрослым. Артистов приглашают в школы, на заводы, в клубы.

Может быть, «Улыбку» пригласят даже принять участие в дневном представлении настоящего цирка. Но, честно говоря, пока это только мечта.

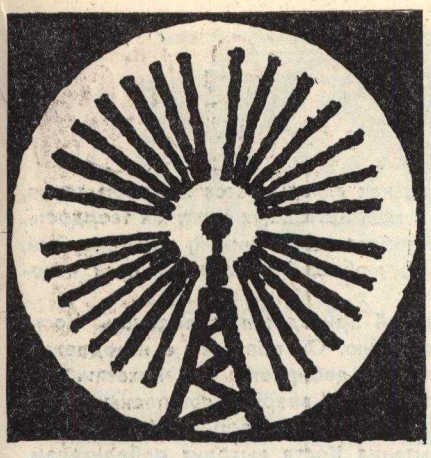
НЕИЗВЕСТНОЕ

● Гаснет свет. На белой стене вспыхивает квадрат экрана. «Буратино-амфибия» — читают зрители название фильма, и начинается веселый рассказ о приключениях Буратино, деревянного человечка.

Фильм цветной. Идет он в сопровождении музыки.

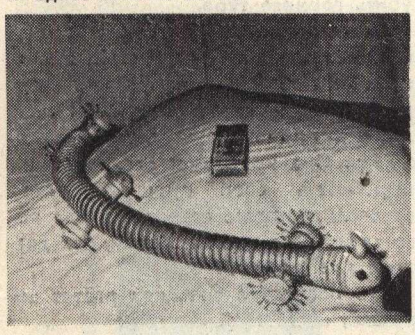

Киноэпископ, аппарат, с помощью которого показывают диафильм, сделали ребята со станции Лянгасово, Кировской области. На выставке игрушек-самоделок в клубе железнодорожников города Кирова киноэпископ, сделанный ребятами, заинтересовал всех посетителей. (Фото слева.)

● **Внимание! Внимание! В Молдавии, в Бендеровской железнодорожной школе-интернате № 2, открылся октябрятский клуб «Искорка». Одна из секций клуба называется «Карандаш». В эту секцию ходят фантазеры. Они рисуют красками и карандашами невиданные деревья, небывалых зверей, сказочные города.**

Однажды они решили вылепить из пластилина самого храброго зайца и самого трусливого волка. Волк у всех получился маленьким, похожим на комнатную собачонку, а заяц оказался вдвое больше волка.

● **Это не червяк и не пылесос. Это модель лунного вездехода. Ему не страшны ни горы, ни пустыни на Луне.**

НУЖНОЕ

Сделали этот вездеход ребята из клуба «Орленок», созданный при Московском государственном университете имени Ломоносова.

Авторы модели Володя Логинов и Женя Варов хорошо продумали структуру вездехода: научная аппаратура и космонавты будут надежно защищены герметическим корпусом. А тяжелые гусеницы, которые бывают на обычных вездеходах, здесь не нужны: ведь, как известно, на Луне сила тяжести во много раз меньше земной.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИКСА, ИГРЕКА И ЗЕТА

Эти задачи Икс, Игрек и Зет предложили вам в №№ 10 и 11 «Пионера» за 1966 год. Сообщаем их решения.

Задачу **«Зачеркни нуль»** решили многие ребята. Правильно назвали цифры — 450 и 45 — Наташа Петракова из Подольска, пятиклассница Надя Новикова из Челябинской области, ученица шестого класса г. Краматорска Светлана Дымань, Люда Панькина из Кемеровской области и другие ребята.

Сергей Шултин из Ташкента первым прислал верный ответ на одну из двух задач **«Сосчитайки»**. Задачу эту можно решать по-разному. Вот, например, как строится решение, если начинать с конца.

Сначала узнаем число, при делении которого на 0,8 получилось 37,5. Оно равно $(37{,}5 \times 0{,}8)=30$. Затем найдем число, к которому надо прибавить 1,75, чтобы получить 30. Оно равно $(30-1{,}75)=28{,}25$. И, наконец, найдем число, которое при увеличении в 2,5 раза дает 28,25. Оно равно $(28{,}25 : 2{,}5)=11{,}3$. Это и есть задуманное число.

Второй в **«Сосчитайке»** была задача о словаре. Она показалась ребятам более трудной. Видимо, это связано с тем, что на нумерацию разных страниц требовалось разное число знаков. На каждую страницу первого десятка—с 1-й по 9-ю—требовалось по одному знаку — всего 9 цифр. На каждую страницу с 10-й по 99-ю — уже по два знака — всего 180 цифр; на остальные страницы (уже трехзначные!), начиная с сотой, $2\,322-9-180=2\,133$ цифры. Так как $2\,133 : 3=711$, то всего в словаре $(9+90+711)=810$ страниц.

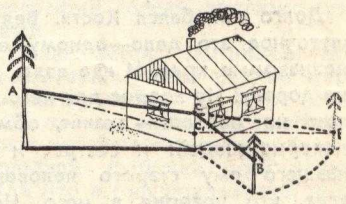
А вот решение **«Вкусной задачи»**. Каждый раз, когда мы ломаем один кусочек, получается два меньших, то есть общее число кусочков при этом увеличивается на один. Вначале был один кусок, а в результате получилось 40 кусков. Значит, всего нам придется ломать плитку 39 раз.

Раньше всех верный ответ прислал ученик 4-го класса Толя Мотякин из г. Кентау.

Задача **«Браун, Джонс или Смит?»**. Преступление совершил Браун.

Правильный ответ на эту задачу прислала только Наташа Петракова из Подольска.

А вот как можно решать задачу **«Загадка бельевой веревки»**. Взгляни на рисунок. Точка А изображает первый крюк, точка В — второй. Мысленно повернем второе дерево вокруг оси, проходящей через угол дома так, чтобы оба дерева и угол дома оказались в одной плоскости. При этом точка В займет положение B_1. Как видно из рисунка, длина веревки будет наименьшей, если третий крюк С вбить на такой высоте, чтобы точка С оказалась на прямой AB_1 (штрихпунктиром на рисунке показано положение веревки в случае, когда крюк вбит в точке C_1, не лежащей на AB_1: очевидно $AC_1 + C_1B_1$ больше, чем $AC + CB_1$). Первой ответила Наташа Петракова.

Остальные задачи, судя по письмам, оказались для многих ребят трудными. Коротко расскажем о некоторых из них.

«Разыгрывается первенство». Обозначим через N число команд, каждая из которых сыграла хотя бы один матч к данному моменту первенства (число N не больше 30). Каждая из этих команд могла играть лишь с остальными из этих N команд, и, значит, сыграла не больше, чем $N-1$ матч. Присвоим каждой из N команд номер, равный количеству сыгранных ею матчей. Так как команд N, а номеров только $N-1$, то обязательно найдутся две команды с одним номером, то есть сыгравшие одинаковое количество матчей.

Разберем теперь, как решается задача **«Перепутанные таблички»**. Согласно условию, надписи не соответствуют тому, что в урнах. Вынув один шар из урны с табличкой БЧ, мы узнаем, какие шары в какой урне. Докажем это. Допустим, что вынутый шар белый. Тогда и второй шар в этой урне белый, в противном случае **надпись соответствовала бы тому,** что в урне. По той же причине два черных шара не могут лежать в урне с табличкой ЧЧ, значит, они лежат в урне с табличкой ББ, а в урне с табличкой ЧЧ один шар белый, а другой черный. Точно так же вы сможете доказать, что если вынутый шар черный, то в урне БЧ черные шары, в урне ЧЧ белые, в урне ББ один шар черный, а другой белый.

Приведем решение задачи **«Когда остановились часы»**. Вопрос, очевидно, сводится к тому, как мне удалось узнать точное время в момент, когда я вернулся домой. С этой целью я, прежде чем выйти из дому, завел свои часы и поставил их ровно на двенадцать.

Уходя от знакомого, я узнал точное время. Пусть его часы показывали в этот момент X. Вернувшись домой, я посмотрел на свои часы. Ясно, что они показывали время, в течение которого я отсутствовал. Отняв от этого времени один час (время, проведенное мною у знакомого) и разделив результат на два, я узнал время У, которое мне пришлось затратить на обратный путь. Значит, когда я возвратился домой, точное время было X+У.

И в заключение задача **«В некотором царстве»**. Одно из возможных решений следующее. Чужеземец спросил встреченного им путника, указывая на одну из двух дорог: «Если спросить любого твоего соплеменника, ведет ли эта дорога в деревню, ответит ли он утвердительно?» Если эта дорога действительно ведет в деревню, любой встречный ответит «да», а если не ведет, то любой встречный скажет «нет».

Попробуйте сами разобраться, почему так произойдет.

Растет человек...

Что Нам Читать?

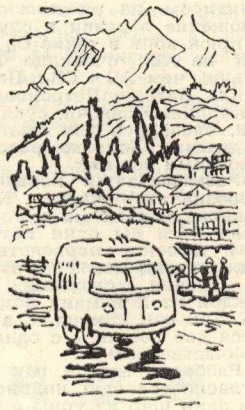
Жизнь Кости Шалаева, героя повести **С. Георгиевской «Дважды два четыре»**, не отличается от жизни других городских ребят. Но однажды в обычную московскую квартиру, где живет Костя, приходит письмо из Сванетии. Ему, четырнадцатилетнему мальчику, пишет человек, которому больше ста лет! Этот человек как будто пришел из сказки, совсем из другого мира, так непривычно звучат для Кости слова его письма. К Косте обращаются, как к равному, называют «досточтимым братом», просят приехать в Сванетию.

— Приезжай за сестрой, досточтимый брат,— пишет столетний человек.— Ты юн. Но ты мужчина. Значит, в тебе есть доблесть, ради которой мужчина зовется мужчиной, и ты сумеешь защитить девочку.

Оказывается, у Кости есть сестра. Но почему она вдруг оказалась в далекой Сванетии? И почему именно Костя должен ехать за ней? Как дальше поступит Костя и как сложится судьба его сестры? Все это ты узнаешь, отправившись с героем книги в далекое путешествие.

Долго колебался Костя. Ведь нешуточное это дело—одному ехать в незнакомые края. И где взять денег на дорогу? Но вопрос для него стоял так: не поехать — значит, обмануть доверие людей: и сестры, и написавшего ему старого человека, и всех, кто поверил в него. Не поехать — значит, отступить, спасовать перед настоящей жизнью, с которой ему пришлось столкнуться и которая требует от него твердого решения.

Костя попадает в большой мир, где действуют незнакомые раньше Косте отношения и законы. Читая книгу, мы видим, как складывается характер героя, как появляется в нем настоящая мужская твердость. Перед нами немного застенчивый, благородный, сильный, горячий, любящий и мужественный человек.

Много трудностей приходится преодолеть Косте по дороге в Сванетию. Он попадает в наводнение. С риском для жизни добирается до Кахетии, где работает на сборе роз и впервые собственным трудом зарабатывает деньги на дорогу. Из первого серьезного испытания Костя выходит победителем. Торжественно, с почестями, как самого дорогого гостя, встречают Костю в Сванетии.

— Мы тебя испытали, Константинэ. Раз приехал, стало быть, брат. Теперь тебе можно доверить девочку.

Как высшая похвала Костиной решительности, верности, мужеству звучат эти слова столетнего дедушки Гасвиани.

Здесь, в Сванетии, все необычно. И горные хребты, покрытые снегами, и древнейшие башни замков, и девчонки, которые могут чуть свет с ружьем за плечами уйти на охоту и убить горного тура.

Читая книгу, мы вместе с героем восхищаемся пейзажами Сванетии, начинаем любить ее мудрых, щедрых и талантливых людей. Новые люди и отношения входят в Костину жизнь. Она проверяет его, помогает выработать свои принципы, свои взгляды, которые становятся для него такими же незыблемыми, как дважды два четыре.

Это повесть о том, как растет хороший, настоящий человек.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

Сказка о двух сказочниках

Летом в горах Алтая трава альпийских лугов густая, высокая: коню выше брюха, всаднику до колен. Рубиновыми шарами горят в ней дикие пионы. Оранжевым огнем полыхают алтайские купавки — «жарки». Стройные водосборы качают синими головками и прячут в глубине вырезных листьев дрожащие бусинки росы. Громом гремят горные ручьи и водопады, звоном звенят птичьи голоса, ровным гулом лесного прибоя шумят столетние кедры и пихты. Когда же на Алтай приходит осень, лес становится золотым, а кедры среди золота лиственниц и берез стоят густо-синие, как ночное небо...

Давным-давно, когда вы даже маленькими не были, потому что еще не родились на свет, а ваши мамы только-только в школу пошли, ехали два всадника по горному Алтаю. Послушные лошадки вброд по гремящим камням переходили кипучие речки, по узким карнизам над пропастями взбирались на перевалы. Всадники ночевали в крытых корьем пастушьих шалашах, у охотничьих костров. Они тоже охотились. Но не пугливая кабарга, не круторогий горный баран, не проворная белка были их добычей, а созданные народом Алтая сказки.

Для охотников и пастухов-алтайцев нет тайн в вековечной тайге, зеленым прибоем захлестнувшей склоны гор. Вот почему у них так много сказок про зверей. В каждом слове этих сказок живыми встают обитатели чащи.

У охотников и пастухов не раз бывает над головой вместо крова ночное небо, таинственный и медленный хоровод созвездий. Вот почему так много у них сказок про звезды.

Среди суровой природы худо человеку одному. Вот почему так много в алтайских сказках про дружбу, про верность, про неизменную любовь...

Звякают чеканные уздечки. Блестят на солнце глубокие, как чаши, из меди кованные стремена. От богатой добычи вздуваются бока арчемаков — дорожных сумок.

Кто же были они, эти двое удачливых? Откуда?

Одна — писательница Анна Гарф, отправившаяся в дальний путь из Москвы за сказками. Другой — поэт Павел Кучияк — здесь на Алтае родился, певучий язык алтайских сказочников был его родным языком.

Итак, хотите узнать, как у зайца потемнели кончики ушей, а у горностая — кончик хвоста? Как бурундук стал нарядным? Почему у муравьев тонкая талия, а у лягушки выпученные глаза? Или, может, вам неизвестно, почему синица раньше всех запевает весеннюю песенку «Дил-кель, дил-кель»?

Или вам не терпится узнать сказку про семерых звездных братьев? А про волшебное слово «тап-тажаан» не хотите? А про то, как заяц храпел и что из этого вышло? А про девочку Торко-чачак, шелковую кисточку? А про богатыря Алыпманаша и верную Кумужек-ару? Ну так берите скорей «Алтайские сказки» и садитесь читать.

Е. РУБЦОВА

Прогулка в прошлое

Кто из нас не получает писем? Пожалуй, нынче такого человека и не найдешь. Но из миллионов людей, державших в руках почтовый конверт, очень немногие, наверно, задумывались над тем, что самое обыкновенное письмо, которое добиралось к тебе с другого конца страны, а то и с другого континента, перебираясь с автомобиля на поезд, с корабля на самолет, и разыскало тебя,

где бы ты ни жил, что это письмо — чрезвычайно любопытная вещь. Вещь, о которой можно рассказать столько удивительного, что едва уместится и в самую толстую книгу.

Потому что самые первые письма были написаны на глиняных плитках или на папирусе несколько тысяч лет назад, когда еще и бумагу не придумали. И с тех пор началась удивительная история почты.

Век за веком изменялись способы, которыми люди сносились друг с другом. На истории почты отражались всякие изменения в человеческих отношениях и нравах и различные достижения науки и техники. А как это происходило, можно узнать из очень интересной книги писателя **Михаила Арлазорова «Вам письмо!»**.

В первой же главе автор рассказывает о странном послании, в котором вместо слов были упакованы птица, лягушка, мышь и несколько острых стрел. Такое письмо получил две с половиной тысячи лет назад персидский царь Дарий от степняков скифов. И полководцы Дария сумели прочесть это послание правильно.

А дальше, страница за страницей, узнаешь не менее удивительные обстоятельства.

О маленьких картинках, из которых выросли наши буквы, и о телеграммах, которые передавали барабан барабану или костер костру.

О депешах, которые проносили под облаками в осажденный Париж быстрокрылые голуби, и о почте, которая попадала в средневековые города только вместе с тушами быков и телят.

О том, как и когда появились на земле конверты и почтовые ящики и кто придумал и напечатал первые открытки.

А уж о всяческих марках в этой книжке можно прочесть столько необычайных историй, что начинаешь смотреть на эти маленькие документы истории и географии совсем другими глазами.

Оказывается, например, что существуют такие редкие марки, которых во всем мире осталось только одна или три штуки и которые стоят дороже, чем большая фабрика или завод. Или что в государственной коллекции марок СССР собрано около трех миллионов различных марок, а у одного американского миллионера есть такая драгоценная марка, которая лежит в бронированном шкафу и круглые сутки ее сторожит вооруженный охранник. Или о марках, выпущенных никогда не существовавшими государствами, и о марках, дающих третью часть всех доходов одному государству, существующему.

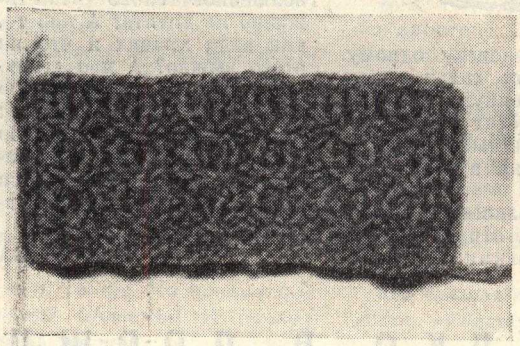
К тому же выяснилось, что почта настолько тесно связана с многими сторонами жизни, что, рассказывая о ее истории, волей-неволей пришлось рассказать и об истории множества других вещей. К примеру, о том, как пробивали дорогу в жизнь первые паровозы и первые автомобили, или о том, на каком языке собираются наши ученые беседовать с жителями других миров.

Вот сколько любопытного уместилось в одной небольшой книжке.

А. ДОРОХОВ

Ажурные чулки

Наверное, вы уже хорошо научились вязать и теперь сможете сделать себе все, что задумаете. Сейчас модны красивые и удобные в холодную погоду чулки ручной вязки. Вяжут их из разных ниток любой толщины — шелковых, льняных, хлопчатобумажных и, конечно, шерстяных. Можно из одной и той же пряжи связать гарнитур: чулки, варежки, шлем и свитер. Это будет очень красиво выглядеть, когда ты пойдешь на каток или на лыжную прогулку.

Чтобы связать чулки, нужно иметь 200 г шерсти и две спицы № 2,5. Для того чтобы понять, как вяжется узор, свяжи сначала образец. Набери на две спицы 34 петли и вяжи:

1-й ряд — две петли изнаночные, три лицевые.

2-й ряд — по рисунку: над изнаночными петлями вяжи изнаночные, над лицевыми — лицевые.

3-й ряд — две петли изнаночные, потом три петли лицевые и в первую из этих трех петель протяни две другие.

4-й ряд — две петли лицевые, одна изнаночная, накид, одна петля изнаночная.

Не забудь: начиная с пятого ряда, накиды по изнанке работы провязывать лицевой петлей. В пятом ряду повторяется рисунок первого ряда.

Теперь можно вязать чулок. Набери на спицы сто петель и свяжи 10 см резинкой 1×1 (1-й ряд — одна петля лицевая, одна изнаночная. Все последующие ряды — над лицевыми петлями вяжи лицевые, над изнаночными — изнаночные).

Вот ты связала верх чулка. Начинай вязать ажурный узор. Ниже колена убавь в трех лицевых рядах по две петли (перед крайними петлями свяжи по две петли вместе). Дальше вяжи прямо до самой ступни.

Теперь петли переведи на нитку, сшей чулок и начинай вязать низ. Все петли одень на две спицы, раздели их на две части. Одна часть петель пойдет на пятку, другая — на подъем. И смотри, чтобы шов чулка оказался посередине. Так как пятка шире подъема, то в этой части должно быть на две петли больше. Свяжи полоску в двадцать пять рядов. Теперь начинай спуск петель пятки. Для этого все петли пятки раздели на три части: две боковые и одну среднюю. Если в расчете окажутся лишние петли, прибавь их к средней части. Спуск пятки начинай с лицевой стороны работы. Провяжи всю правую часть полностью, за ней провяжи вторую (среднюю) часть, но не довязав последней петли от средней части, сними ее непровязанной, а провяжи первую петлю третьей части и протяни ее в снятую петлю. Третью часть не вяжи, а работу поверни на изнаночную сторону и снова провяжи всю среднюю часть, а последнюю петлю средней части и первую петлю первой части (со стороны изнанки) провяжи вместе наизнанку. Дальше вяжи все время только среднюю часть, а от боковых частей пятки петли сокращай. Количество петель боковых частей пятки с каждым рядом станет убывать, а количество петель средней части сохраняется. Теперь петли пятки закрой и вяжи след до конца мизинца. Пока вяжешь след, убавь четыре — шесть петель. Мысок свяжи, убавляя петли по бокам (по одной петле с каждой стороны) в каждом ряду.

Шлем

Шлем-колпачок связать совсем просто. Свяжи сперва узором «рябушка» (и по лицу и по изнанке работы вяжи лицевыми петлями) полосу длиной примерно 40 см, шириной 22 см. Для этого на спицы надо набрать шестьдесят — шестьдесят шесть петель. Связанную полосу сшей сзади. Получилась шапочка-колпачок. По низу шапочки набери петли, а под подбородком добавь новые петли, чтобы образовался круг. По кругу свяжи 4 см резинкой 1×1 (1-й ряд одна петля лицевая, одна изнаночная. Во всех остальных рядах над лицевыми петлями вяжи лицевые, над изнаночными — изнаночные). Теперь вяжи воротник. Все петли раздели на четыре части и выдели соединительные линии (по две-три петли каждая), которые проходят по середине спины, переда и по плечам. Дальше вяжи, прибавляя через ряд по одной петле слева и справа от каждой соединительной линии. За счет этих прибавок и расширяется воротник. Так вяжи 10—12 см. Края можно украсить бахромой.

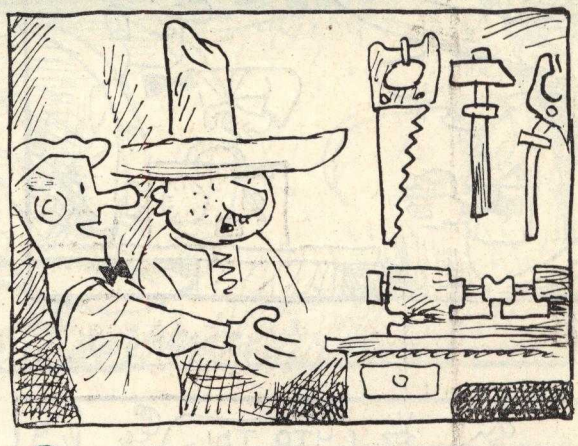

О. ЛУНЕВА

СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

1

2

1.— Привет тебе, Пылеглотик, не удивляйся моему виду, у себя в мастерской я всегда в берете и в комбинезоне. Все конструкторы так.

2. — Пошли, покажу кое-что любопытное, только ничего не трогай!

3.— Вот парусный стул. Садись и плыви. Рыбку ловишь и загораешь. Нравится? Ладно, я к лету сделаю его двухместным. Вместе тогда поплаваем. Он еще у меня будет нырять. Хочешь нырять?

— А выныривать?

— А как же, он будет прыгать у меня, как кузнечик,— прыг-скок!

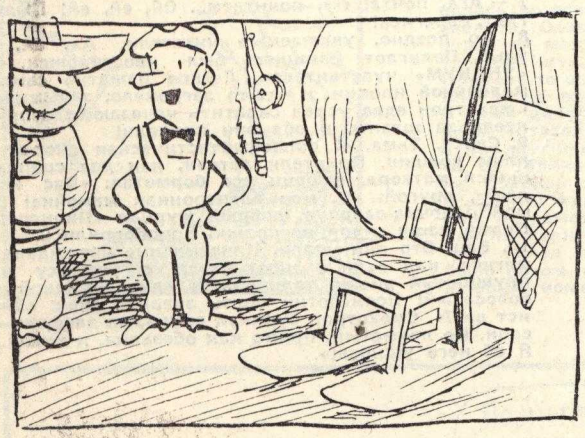
4. — А это мой киносмехоглаз со звонком. Прекрасное тоже изобретение! Берем на анализ книгу. Если смешная — звон такой, что соседи у меня глохнут. Сбегутся, а я читаю и катаюсь от хохота...

— А если книга звенит, но написана на иностранном языке, как быть?

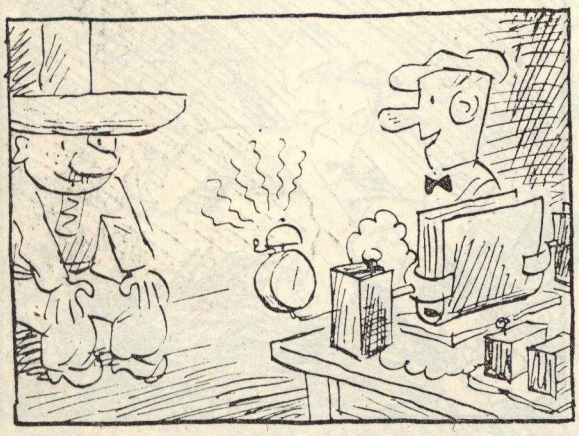
— Тебя тогда позову. Придешь?

— С удовольствием.

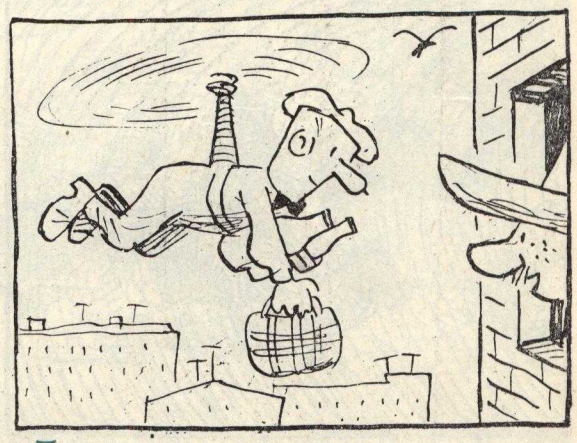
5.— Теперь отсиди в сторонку и не пугайся. Я запускаю себя в воздух. На спине у меня микрогеликоптер. Раз — и я вылетаю в окно. Два — возвращаюсь с покупками. Угощайся! Могу покатать и тебя.

3

4

5

6

7

8

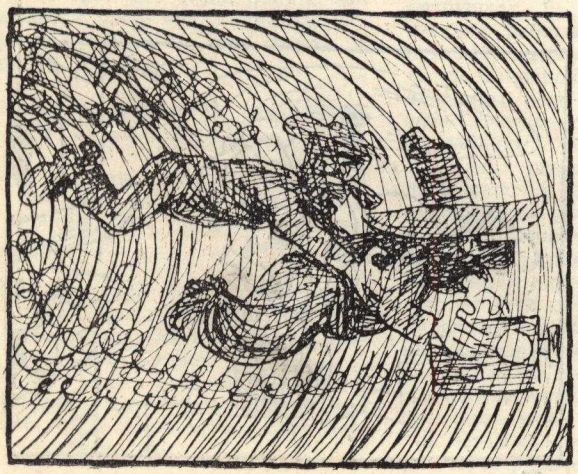
6.— Это вот — мое самое великое изобретение. Три года ломал голову, теперь жду отзыва из Академии наук... Стой-ка, там стучатся!

7.— Ага, почта! Ну, почитаем... Ой, ей, ей! Пылеглот, берегись!

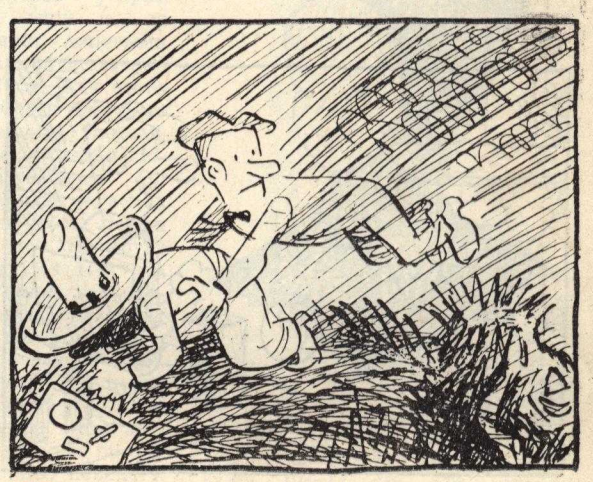
8. Но поздно, уважаемые читатели. Ах, ах, и увы! Полиглот слишком был неосторожен, а «УНИКУМ» чувствителен. Легкое нажатие самой маленькой кнопки, и что-то загремело, задымило. Смехотрон едва успел схватить исчезающего приятеля за штаны, и оба они пропали!

9. Свист. Тьма. И околофантастическая скорость плюс дождик. Приятели летели, как два сцепившихся метеора, и один все бормотал: «Вас ист дас?», другой: «О, моя электронная мамочка! О, мой папочка-лапочка, добрый журнал «Пионер»!» Позже наши герои несколько приободрились.

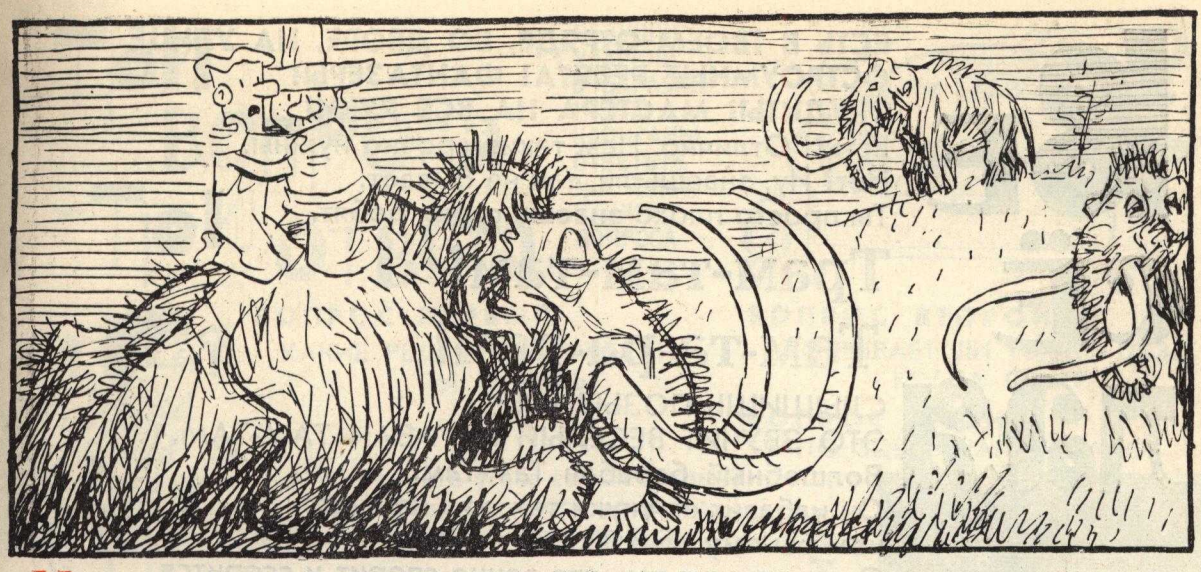
10. Бац! Это они упали. Приземление неожиданно мягкое, как если б плюхнуться с размаху на пружинный диван, только этот «диван» какой-то волосатый! Полиглотик опять заладил свое: «Вас ист дас?». Смехотрон буркнул ему: «Дер элефант — слон. Но лохматый, прямо как обезьяна, и худой... Я об него ушибся!»

9

10

11

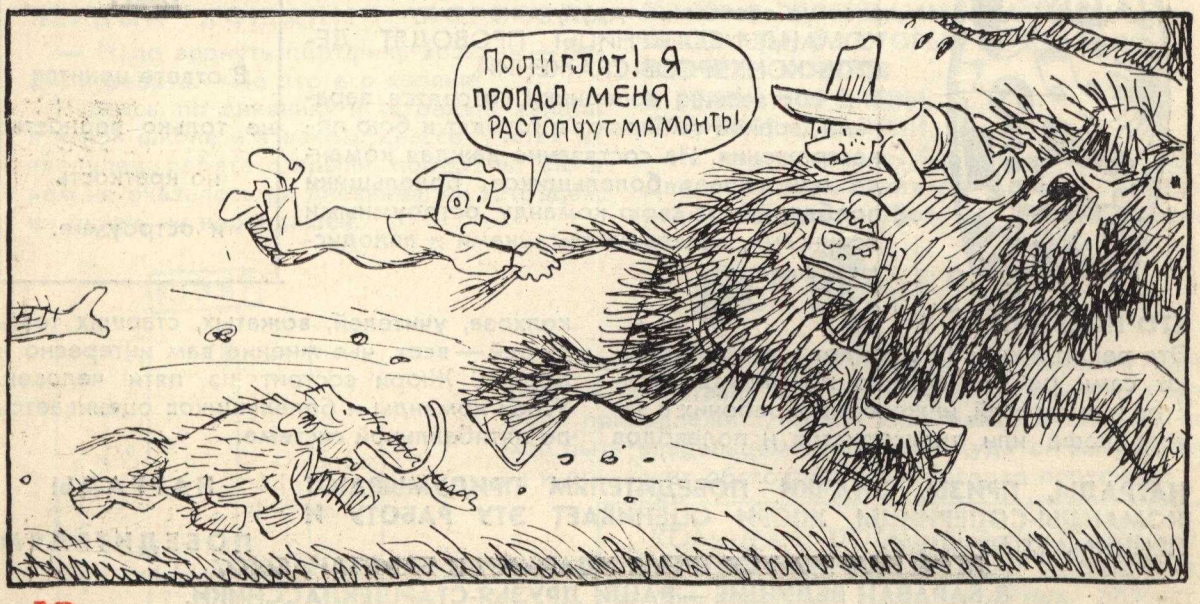

12

11. Но нет, дорогие друзья, это был не слон, а страшнее — мамонт! Наши путешественники сидели на его хребте. До горизонта простиралась во все стороны страшно безлюдная земля эпохи позднего палеолита. Озадаченный Смехотрон говорил, что никогда еще он не сидел на мамонтах и не знает, как с них слезать. Удивительно неудобная штука — мамонт. Хоть бы лестница, скажем, пожарная! Прыгать-то высоко!

12.— И не придется нам прыгать! — закричал Полиглот.— Держись, я вижу дикого человека с факелом! Он мчится к нам! — И в самом деле, читатель, тут появился какой-то страшила с факелом. Мамонт и все другие мамонты испугались, затрубили и припустились бегом.

13. От толчка Смехотрон кубарем покатился по покато-лохматой спине. Свались он на землю, его растоптали бы трясущиеся от страха элефанты или, того хуже, поджарил бы дикий факельщик. Откуда ему, неграмотному, знать то, как любят Смехотрошу наши читатели, как плакали бы они и рыдали... Но не бойтесь, все обошлось. Смехотрон успел схватиться за самый кончик мамонтового хвоста. Что было потом, славные наши читатели, так оно и будет потом — в следующем номере, через месяц. Там и увидимся. До свиданья.

13

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Весёлая игра Там-Там

ЕСТЬ В ТВОЕМ ОТРЯДЕ, ВО ДВОРЕ, НА УЛИЦЕ ОСТРОУМНЫЕ РЕБЯТА? ФАНТАЗЕРЫ! ЭРУДИТЫ! МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ!

Есть?! Отлично. Нам такие срочно нужны.
Нет? Ну, знаешь ли, так не бывает.
Ты просто плохо знаешь своих ребят.

Трам-там-там!

Там-та-ра-рам!

СЛЫШИШЬ ПОЗЫВНЫЕ?
ЭТО ЗВУЧИТ ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАН ТАМ-ТАМ.
Волшебный барабан Там-Там.
Он избавит от скуки тех, кто не знает,
чем бы ему заняться.
Он подружит тех, кто вечно спорит и ссорится.
Он откроет таланты, научит придумывать,
организовывать, побеждать.
БАРАБАН ТАМ-ТАМ ЗОВЕТ ТЕБЯ И ТВОИХ ТОВАРИЩЕЙ.

Игра Там-Там

КТО УЧАСТВУЕТ В ИГРЕ?

Все, кто хочет. В команде одиннадцать человек, как в футболе. Команда придумывает себе название, девиз, эмблему и вызывает на состязание другую команду.

КОМАНДЫ-СОПЕРНИЦЫ ПРОВОДЯТ ДЕСЯТЬ КОНКУРСОВ-СРАЖЕНИЙ.

К состязанию соперники готовятся заранее. Заранее выбирают и готовят к бою поле сражения. На состязание каждая команда приглашает болельщиков. Болельщики подбадривают свою команду остроумными лозунгами, веселыми рисунками и аплодисментами.

ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО ИГРЫ

В ответе ценится не только верность, но краткость и остроумие.

КТО ПОБЕДИТ?

Это решит жюри. Кто войдет в жюри, решают сами ребята. Можно пригласить артистов и писателей, инженеров и рабочих с завода-шефа или трактористов и полеводов колхоза, учителей, вожатых, старших товарищей — всех, чье мнение вам интересно и дорого. Жюри состоит из пяти человек. Успех команды и болельщиков оценивается по пятибалльной системе.

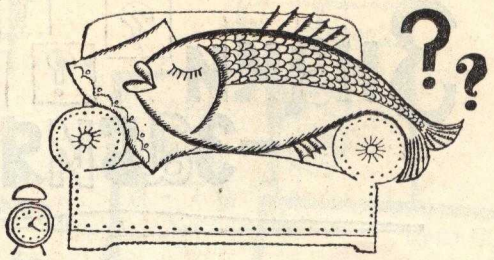
НАГРАДЫ, ПРИЗЫ, ЗНАЧКИ ПОБЕДИТЕЛЯМ ПРИДУМЫВАЮТ КОМАНДЫ-СОПЕРНИЦЫ, ЖЮРИ ОЦЕНИВАЕТ ЭТУ РАБОТУ И ПРИНИМАЕТ ЛУЧШУЮ.

НАГРАДЫ ПОБЕДИТЕЛЯМ

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ ТРЕМЯ УДАРАМИ В БАРАБАН, БЬЮТ В БАРАБАН ВЕДУЩИЕ — ВАШИ ДРУЗЬЯ-СТАРШЕКЛАССНИКИ. ИГРА КОНЧАЕТСЯ НАГРАЖДЕНИЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

Твои вопроса – твои ответа

ВЕДУЩИЕ УДАРИЛИ В БАРАБАН НУ-КА, КАПИТАНЫ, ОТВЕТЬТЕ НА ТРИ НАШИХ ВОПРОСА

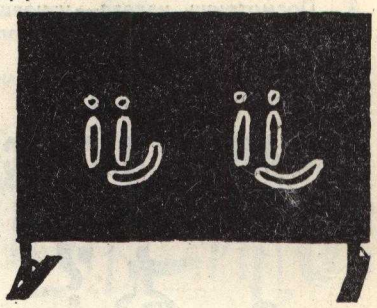

ВОПРОС ПЕРВЫЙ.
КАКИЕ РЕДКИЕ ПРОФЕССИИ ТЫ ЗНАЕШЬ?

ВОПРОС ВТОРОЙ.
ЗАКРЫВАЕТ ЛИ РЫБА ГЛАЗА, КОГДА СПИТ?

ВОПРОС ТРЕТИЙ.
ЧТО ЗДЕСЬ НАРИСОВАНО?

А теперь, кто у вас самый хитрый? Задавай три вопроса команде, с которой ты сражаешься.

Помнишь наше главное правило о краткости и остроумии?

Не забудь об этом, когда станешь отвечать на три вопроса, которые приготовила для тебя команда-соперница.

А-НУ, ПОДУМАЙ..!

ОПЕРАЦИЯ «П»

В два часа дня 13 января 1967 года на скамейке у остановки автобуса № 13 двое друзей, возвращаясь из школы, нашли

ЧЕРНЫЙ КОЖАНЫЙ ПОРТФЕЛЬ.

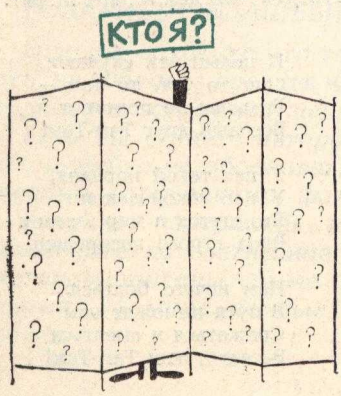
— Надо вернуть портфель хозяину,— решили ребята.— Но кто его хозяин?

Надеясь по дневнику и тетрадям узнать, в какой школе и в каком классе учится их владелец, ребята открыли портфель. Но в нем не оказалось ни дневника, ни тетрадей, ни ручек, ни карандашей.

В портфеле лежали:
ТРИ КЛУБКА ШЕРСТЯНЫХ НИТОК И СПИЦЫ ДЛЯ ВЯЗАНИЯ, РЫБОЛОВНЫЕ КРЮЧКИ № 12, ФЛАКОН ДУХОВ «ЧАЙНАЯ РОЗА», ЛАСТЫ И ДЫХАТЕЛЬНАЯ ТРУБКА, ДВЕ БЕЛЫХ КАПРОНОВЫХ ЛЕНТЫ, ПАКЕТ С ЛЕДЕНЦАМИ «ТЕАТРАЛЬНЫЕ», ШАХМАТЫ, В КОТОРЫХ НЕ ХВАТАЛО ЧЕРНОГО КОРОЛЯ И БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ, И... ПЛАНШЕТ С КАРТОЙ.

На карте сверху было что-то написано. Две чернильные кляксы мешали прочесть надпись целиком. Вот как она выглядела:

Внимательно изучив все вещи, находившиеся в портфеле, и сопоставив факты, ребята поняли, что портфель принадлежит... Кому? Подумайте и вы: кто бы мог быть владельцем портфеля? Куда он направлялся и при каких обстоятельствах потерял портфель?

КОМАНДА! ПОМНИ! Тот победит на поле сражения, кто приведет интересные и обоснованные предположения, создаст краткую, веселую и остроумную версию.

Знаки-забияки

ВНИМАНИЕ!

На состязание команда приносит эскизы шести веселых знаков: два — указательных, два — предостерегающих, два — запрещающих.

Знаки нужно нарисовать цветными карандашами или красками и придумать к ним короткие, веселые, остроумные подписи.

На улицах городов, вдоль дорог висят дорожные знаки.

Одни предостерегают: **«ОСТОРОЖНО, ДЕТИ!»**

Другие запрещают: **«СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА!»**

Третьи указывают: **«ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЛЕВО!»**

По этим знакам шоферы легко и свободно ориентируются в пути.

А что если придумать веселые знаки, знаки-забияки для школьных дверей и школьных коридоров?!

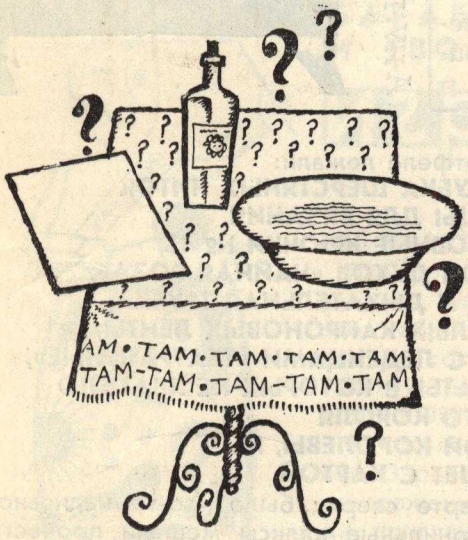
Посмотришь налево — узнаешь: в этом отряде дружные ребята.

Посмотришь направо — и опустишь портфель, которым хотел ударить товарища.

Посмотришь прямо — вспомнишь, что грубость и шпаргалки оставляют за порогом школы.

ЗАБАВНАЯ МАСТЕРСКАЯ

У тебя есть кусок плотной бумаги, таз с водой и немного подсолнечного масла.

Что ты можешь сделать?

У тебя есть две небольших доски, две корзинки и два мотка веревки. Что ты можешь сделать?
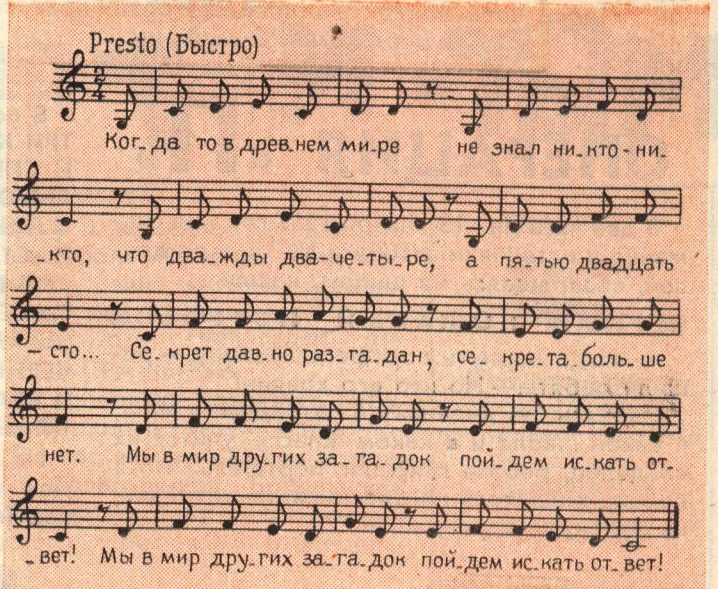
УГОВОР

Нужно использовать обязательно все предметы.

Ведущие ударили в барабан. Ровно через минуту у тебя все должно быть готово.

Ну-ка, что получится?!

Песенка «Там-Там»

Когда-то в древнем мире
Не знал никто-никто,
Что дважды два — четыре,
А пятью двадцать — сто.

Секрет давно разгадан,
Секрета больше нет.
Мы в мир других загадок
Пойдем искать ответ!

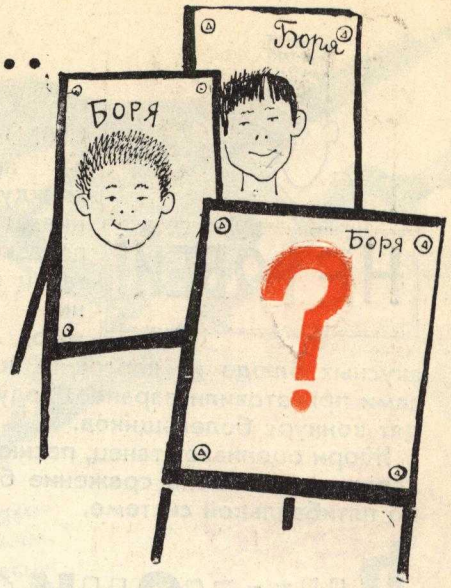
Гуляют динозавры
По звездам там и тут,
Квадратный корень храбро
Весь год они жуют.

И целый век скучают
Они то тут, то там —
Ведь им не помогает
Веселый друг Там-Там!

У нас такой порядок,
У нас такой закон:
Без шуток в мир загадок
Вход строго воспрещен.

Нам нечего бояться:
В пути поможет нам
Сражаться и смеяться
Веселый наш Там-Там!

Жил-был мальчик Боря...

Характер у него решительный. Глаза хитрые, рот насмешливый, подбородок волевой.

Как вы себе представляете мальчика Борю? Нарисуйте его портрет.

УСЛОВИЕ

Портрет Бори должен быть сделан на большом листе бумаги, чтобы его хорошо было видно всем зрителям, болельщикам, жюри. Один из членов команды рассказывает, какое веселое и необыкновенное приключение случилось с Борей этим летом.

Рассказ длится ровно минуту после удара ведущего в барабан.

Сражение болельщиков

Ведущие показывают болельщикам вырезанную из картона большую букву. Например, М, или П, или Р, или еще какую-нибудь букву алфавита. Через тридцать секунд по очереди команды поют первый куплет песен, начинающихся с этой буквы.

КТО КОГО ПЕРЕПОЕТ?!

Мы не волшебники но...

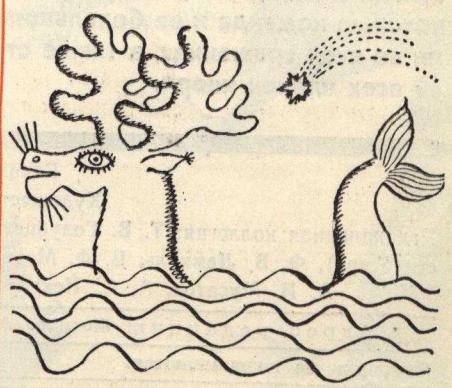
ПРЕДСТАВЬ СЕБЯ ВОЛШЕБНИКОМ. ТЫ ВСЕ УМЕЕШЬ, ВСЕ ЗНАЕШЬ, ВСЕ МОЖЕШЬ. ЧТО БЫ ТЫ СДЕЛАЛ!

ТОВАРИЩИ ВОЛШЕБНИКИ!

Если вы захотите что-то необыкновенное построить, не забудьте сделать чертежи и проекты, а потом толково и остроумно защитить их на состязании.

Если вы станете авторами новой научной гипотезы, сумейте ее обосновать, подкрепите теорию примерами, зарисовками, фотографиями, опытами.

Если вы совершили необычайное путешествие, приходите на состязание с походным дневником, в котором описаны самые интересные и забавные события, сделаны ценные, а также шутливые зарисовки.

ПО УСЛОВИЯМ ИГРЫ ТАМ-ТАМ в промежутках между сражениями команды показывают один танец и одну песню. Демонстрируют три самых вкусных блюда из картошки, которые они сами приготовили заранее. Ведущие проводят конкурс болельщиков.

Жюри оценивает танец, песню и блюда из картошки, а также сражение болельщиков по пятибалльной системе.

Внимание!

КАПИТАНЫ!

КОМАНДЫ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ ПРИСЫЛАЮТ СВОИ ОТВЕТЫ, РАССКАЗЫ, РИСУНКИ, ПРОЕКТЫ, ЛОЗУНГИ БОЛЕЛЬЩИКОВ, ЭСКИЗЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПОЛЯ СРАЖЕНИЯ В ГЛАВНОЕ ЖЮРИ ИГРЫ ТАМ-ТАМ НЕ ПОЗЖЕ 15 АПРЕЛЯ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, 14, 11-й ЭТАЖ, РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР».

ВТОРОЕ ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО ИГРЫ

Главное жюри рассматривает все присланное ребятами только в том случае, если команда-победительница отправляет в «Пионер» свое удостоверение. В удостоверении написано название и девиз команды, нарисована эмблема, значится количество очков, которые команда и ее болельщики завоевали во всех сражениях, а также стоят подписи всех членов жюри.

Содержание

Февраль. В вагоне.— Стихи Константина Ваншенкина. Гравюра В. Неклюдова 2

В том году. Главы из повести Роберта Колотухина. Рисунки Н. Борисовой 3

На самолете в космос.— Инженер-полковник Н. Коньков, подполковник О. Назаров. Рисунки Н. Степанова 18

Толя уходит на границу.— Л. Шерешевская . . 23

О доблести и славе.— Ф. Светов 24

Старик. Через двадцать лет. Атака.— Стихи Константина Симонова. Рисунки В. Высоцкого . 24

Летунок.— Г. Дубинский. Рисунки Ф. Лемкуля . 27

Конкурс фантастических рассказов.
Да здравствует разум! — Рассказ Людмилы Харламовой. Рисунки А. Брея 33

По компасу Октября

Двинцы.— В. Ростовцев 38

Декрет о времени.— А. Разгон. 40

Наташа и солдат.— В. Рудим 41

Только для мальчишек

Повелители радиоволн.— Подполковник Н. Васильев. Фото В. Куняева 42

Кораблик 44

Клуб форвардов 45

Вино из одуванчиков.— Главы из повести Рэя Брэдбери. Рисунки Е. Медведева 48

Театр «Фонарик»

Опасная привычка.— Е. Васильева, С. Маршак. Рисунки Э. Булатова 61

Отовсюду и обо всем 65

Веселые стихи.— Рисунки Ю. Черепанова . . . 66

Агентство ННН 68

Ответы на задачи Икса, Игрека и Зета 69

Что нам читать? 70

Храбрые портняжки 72

Смехотрон и Полиглот попадают в переплет . . 73

Веселая игра Там-Там. Рисунки Б. Кыштымова 76

На вклейках:

Алешка. Картина Г. Прокопинского.
Первая победа. Картина А. Лысенко.
Берег Ангары. Митинг по случаю перекрытия. На дне Красноярского моря. Диспетчер. Рисунки О. Верейского.
Рисунок А. Брея к рассказу Люды Харламовой.

На первой странице обложки:
Рисунок Ф. Лемкуля к очерку Г. Дубинского «Летунок».

На четвертой странице обложки:
Фото О. Тихомирова.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00025. Подписано к печати 4/II 1967 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Объем 5,25 физ. печ. л. 8,82 усл. п. л. Тираж 846 600 экз. Изд. № 364. Заказ 81.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

ГОТОВЬ сани летом, а телегу зимой. Эта пословица подходит и к птичьим домикам — искусственным гнездовьям. Самая пора заняться «птицестроем» сейчас, когда весны еще и в помине нет, а за окнами февральский ветер гонит поземку по мерзлому снегу.

Как ни упорствует зима, а придет ей конец, и прилетят весенние гости. Готовьтесь к этому, ребята! Приступайте, не откладывая, к постройке скворечников и другого жилья для птиц. Если не знаете, как строить, посоветуйтесь на станции юных натуралистов, или в ближайшем Доме пионеров, или — еще того проще — с вашими учителями биологии и труда.

Приготовив гнездовья, развешивайте их не как попало, а на определенной высоте. Скворечники — не ниже восьми метров от земли; синичники — не ниже двух с половиной; домики для мухоловок и трясогузок — под навесом крыши.

Прикрепляйте надежно и прочно. Деревья для этого выбирайте постарше, шесты — покрепче, чтобы не качало домики ветром, а то птицы не согласятся в них жить. На дно гнездовий, перед тем как прикрепить их, насыпьте опилок или сухого торфа слоем в два-три сантиметра.

Но, готовясь встречать весенних гостей, не забывайте о тех пичугах, которые сейчас зимуют в ваших местах, жмутся к вашему жилью в поисках пищи и тепла. Февраль — самый тяжелый месяц для них. Глубокие снега, крепкий наст, гололедица — вот причины, превращающие февраль в месяц голода. От вас зависит, переживут ли его птицы, дотянут ли до весны. Подкармливайте их, ребята! Синички, щеглы, поползни, чижи, овсянки отблагодарят вас летом, защищая сады, огороды, леса и парки от прожорливых гусениц.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

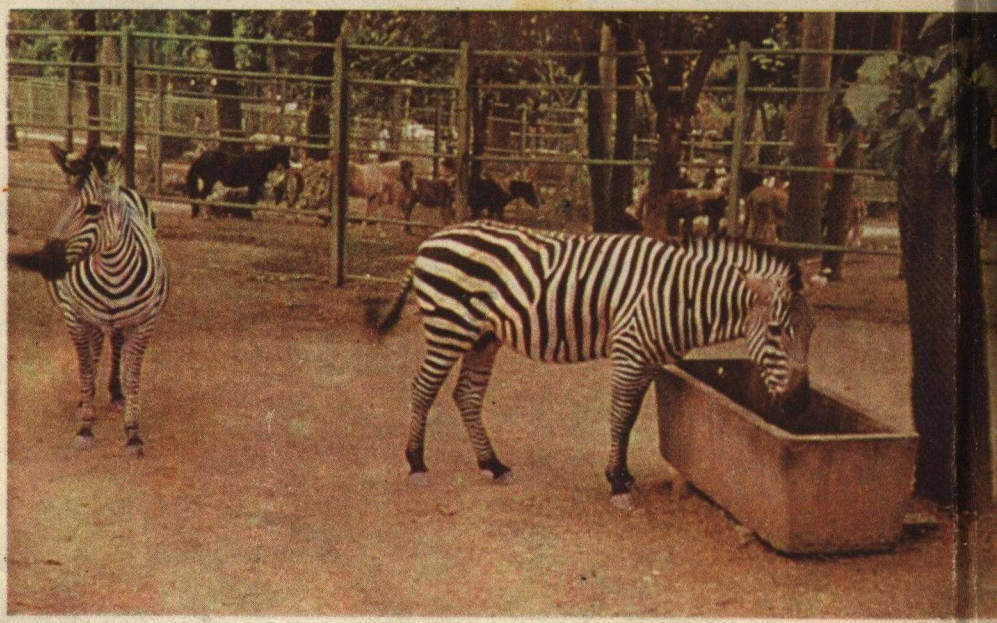
1-17

По заданию Тяни-Толкая

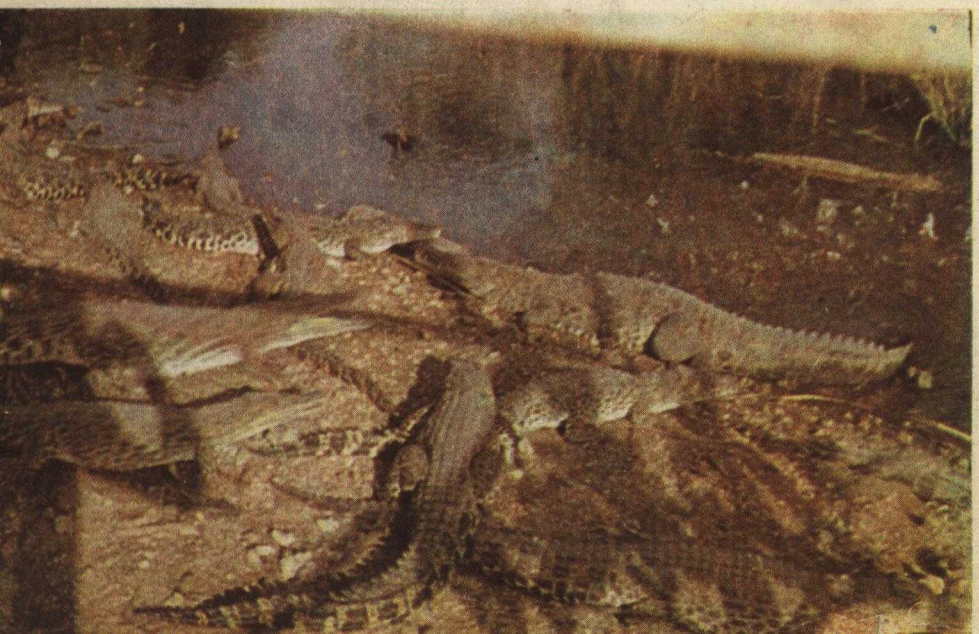
Вот какие снимки сделал на Кубе по заданию смотрителя нашего зоопарка корреспондент журнала Олег Тихомиров.

Не удивительно, что эти красивые птицы фламинго любуются своим отражением.

А это их соседи по зоопарку — зебры.

Признайтесь, попасть в компанию к таким крокодилам не очень-то приятно.